

АЛЕКСЕЙ
ПОСЕЛЕНОВ

ПЕРЕПЛАТЕНИЕ

ПОВЕСТЬ
•
РАССКАЗЫ

Алексей Поселенов

ПЕРЕПАЛЕТЕНИЕ

ПОВЕСТЬ
•
РАССКАЗЫ

2022

УДК 821.161.1-312.1

ББК 84(2=411.2)6-444

П 61

Поселенов А.Н.

П 61 Переплетение. Повесть, рассказы – М.: ООО «Сам
Полиграфист», 2022. – 284 с.

ISBN 978-5-00166-792-6

«Переплетение» — сборник произведений Кузбасского писателя, лауреата и финалиста многих литературных конкурсов, автора романа «Десять дней октября», Алексея Поселенова. В данной книге собраны повесть и рассказы, написанные в последние годы.

Разные сюжеты, разные герои, разные характеры... Однако все произведения автора объединяет одно — это интерес к простому человеку, его внутреннему миру, его каждодневным заботам и переживаниям.

Возрастное ограничение 16+

УДК 821.161.1-312.1

ББК 84(2=411.2)6-444

ISBN 978-5-00166-792-6

© Поселенов А.Н., 2022

Дизайн обложки, иллюстрации © Поселенов А.Н., 2022

НЕ ВХОДЯЩИЙ ВО МНОЖЕСТВО

Алексей Поселенов пришёл в литературу недавно и в весьма зрелом возрасте, за пятьдесят. На первый взгляд, сложно в такие годы добиваться успеха, признания читателей. Да и что в наше время есть успех и в чём должно выражаться признание? Наверное, на оба вопроса можно ответить такими словами: тиражи, гонорары, слава.

Наверное... Но это всё — реалии вчерашнего дня. Сегодняшние тиражи, по сравнению с советскими, ничтожны, слава — такая же. Гонорары — да, могут иметь место, но их нередко платят за такие тексты, какие не каждый человек возьмётся писать. Не уверен, что Поселенов возьмётся.

Но тогда что же он пишет? И что позволяет мне говорить, что он пришёл в литературу?

Пишет Поселенов то, что я давно, еще в годы суперактивной читательской юности, которая вполне совпала с юностью возрастной, стал называть тремя словами — *хорошая русская проза*.

Будучи школьником средних и старших классов, я делал поразительные открытия: Василий Шукшин, Валентин Распутин, Василий Белов, Юрий Казаков, Владимир Тендряков...

Все они писали очень по-разному, но именно о том, что было близко моей душе. В их прозе не было извилистых сюжетов, не оторваться от простенького на первый взгляд рассказа Шукшина или почти лишённой событий повести Распутина было невозможно. Потому что содержанием их произведений была сама жизнь. И проживали её люди (герои и персонажи), которых я в собственной, тогда еще коротенькой, жизни, может, и не видел, но узнавал. И вот это поразительное узнавание чего-то знакомого в неизвестном, возможно, и было основной причиной моей тяги именно к такой прозе, какую создавали названные выше писатели и, конечно, не только они.

И вот сегодня, я, почти семидесятилетний, открыл живущего в одном со мной городе писателя, который пишет хорошую русскую прозу. Она не похожа на прозу выдающихся предшественников, но так же близка моей душе. Имя этого писателя — Алексей Поселенов.

Так получилось, что самым первым из написанного Поселеновым я прочитал рассказ «Стыдно». Сюжета почти нет, только переживания главного героя, Ивана. Его после пятидесяти лет вдруг стало терзать воспоминание из детства о якобы нанесённой им, тогда еще двенадцатилетним мальчишкой, обиде родному дяде.

Воспоминание стало мучительным настолько, что Иван поехал в деревню, где живёт дядя, чтобы извиниться перед ним, а главное, облегчить собственную совесть. Дядя, давно забывший произошедшее много лет назад, оказался человеком не без юмора и разыграл серьёзную обиду, лежащую тяжелым грузом на памяти: «Эх, племяш, племяш... Ладно, хоть сейчас вспомнил. А то я уж думал, так и помру с этим...», и отправил племянника за выпивкой.

Иван, дабы ярче продемонстрировать дяде искреннее, а не показное желание загладить вину, не решился купить принятой в подобных случаях водки: «...как-то слишком уж дешево получится, несерьезно. Ведь, выходит, и вправду виноват я перед дядькой, раз он до сих пор помнит», и взял дорогой пятизвездочный коньяк.

Вскоре, в самом начале выпивки, Ивану стало понятно, что дядя его просто разыграл, и никакой обиды у него нет. Камень с души героя упал. Потом пришёл двоюродный брат Сергей. Попели песен. И уже перед финалом дядя упрекнул племянника: «Стало быть, не зря тебе память выдала из закровов своих, а? Чтоб приехал ты, да чтоб повидались хоть... А стыдно бы не стало, так и не вспомнил бы дядьку своего. Так ведь?».

На что племянник ответил: «Слушай, дядь Толь, а мне вот сейчас уже и за это стыдно стало. Ну... за то, что не был давно. Вот, ёлки-палки... — он закрыл глаза и, повесив голову, помотал ею из стороны в сторону. — И вправду стыдно...».

Вот, собственно, и всё, весь рассказ. Казалось бы, простенький. А речь-то в нём о том, как не просто, а очень сложно устроен человек. Тут надо уточнить — русский человек. Какой-нибудь примитивный англичанин и прочий европеец никогда и не вспомнил бы о подобном, если бы оно произошло в его жизни. А вспомнил бы, так уж точно извиняться бы не поехал. И здесь, завершая разговор о рассказе «Стыдно», самое время перефразировать известную поговорку. Поскольку она — известная, канонический вариант приводить не стану, а перефразированный выглядит так: что русскому совесть, европейцу — пустое место.

Впрочем, европейцы здесь всего лишь к слову. А главное в том, что совесть — одна из основных тем русской литературы. Прямо или косвенно она возникает во множестве произведений русских поэтов, прозаиков, публицистов, как классиков, так и современников. И вполне естественно входит в эту тему или соприкасается с ней и Алексей Поселенов. Как в прозе, так и в стихах.

Да, он пишет и стихи. В том числе и для детей. Такое разнообразие свидетельствует не только об активном поиске себя, своего неповторимого голоса, своего единственного места в литературе. В прозе, на мой взгляд, всё это автором найдено и вполне

прочно им занято. Поиск говорит о попытках научиться говорить на нескольких языках литературы и расширить в ней своё пространство.

Например, вот как Алексей Поселенов говорит на языке поэзии:

Летняя ночь

*Тонкий месяц в тёмном небе
Над трубой избы висит.
На дворе темно как в склепе.
Старый пёс под лавкой спит.*

*Тяжело вздохнёт корова
В тесной стайке на полу.
Вздрыгнет пёс, зевнёт и снова
Мордой ляжет на метлу.*

*Уж давно умолкли звуки,
Только лес шумит листвою.
Ночь царит во всей округе,
Миру подарив покой.*

*Спит земля под небесами,
Позабыв о жарком дне.
Блещут звёзды огоньками,
Старый пёс храпит во сне.*

Наверняка читателю хочется узнать, откуда пришёл в литературу столь интересно и многообразно работающий автор?

Всем нам приходится писать о себе автобиографические справки в третьем лице, как того требуют различные издательства и журналы. Есть такая справка и у Поселенова. Я прочитал её и убедился, что она великолепно вписывается в текст и в контекст данной статьи. Поэтому, чтобы ответить на поставленный в предыдущем абзаце вопрос, приведу эту справку почти без изменений:

Поселенов Алексей Николаевич, родился в 1969 г. в городе Кемерово, где в настоящее время и проживает.

Первая проба пера произошла в 10-м классе школы, когда по просьбе учителя литературы написал стихотворение, занявшее впоследствии 1-е место на городском конкурсе юных самодеятельных поэтов. Однако на этом упражнения в литературном творчестве фактически и закончились, а вернее — прервались на несколько десятилетий.

По окончании средней школы трудился на заводах г.Кемерово (электротехнический завод, КЭМЗ), учился в ДОСААФ. Отслужив в

армии, поступил на заочное обучение на юрфак Кемеровского государственного университета. Работал в пожарной охране, потом в органах налоговой полиции, откуда и вышел на пенсию по выслуге лет. По выходу на пенсию недолгое время работал начальником отдела в администрации г.Кемерово, но потом решил кардинально сменить род занятий: освоил профессию дизайнера, профессионально занимается фотографией.

В литературу пришел уже в достаточно зрелом возрасте. Окончил литкурсы «Мастер текста» при издательстве «Астрель СПб». Пишет не только прозу, но и стихи, в том числе детские.

Лауреат и финалист различных литературных конкурсов: имени С. Есенина «Русь моя», «Мгинские мосты», имени Игнатия Рождественского, «Господин Ветер», «Добрая лира», «Бунинские Озёрки», «Молитва», «Яблочный спас» и др. Победитель конкурса «Писательские резиденции» от АСПИ (Сибирская резиденция, 2-я сессия).

Рассказы публиковались в литературных журналах «Дальний Восток», «Сура», «Этажи», в сборнике «Страницы литературы Сибири. Повести и рассказы сибирских писателей» (г.Барнаул). В 2021 году в издательстве «Спутник+», г.Москва, вышел роман «Десять дней октября».

Стихи для детей публиковались в журналах «Мурр+», «Простокваша», «Детское чтение для сердца и разума».

Награжден областными наградами: медалью «За служение Кузбассу» и медалью «За веру и добро».

Жизнь автора неразрывно связана с деревней, где он прожил значительную часть своей жизни. И как свидетельствует справка — частично связана с правоохранительной системой.

Выходцев из этой системы в писательских рядах превеликое множество. И многие из этого множества западают на специфические «правоохранительные» темы: детективы, приключения, остросюжетные полудамские романы.

Поселенов в это множество не входит. В книге, которую вы держите в руках, представлена просто проза. Точнее, как я и сказал в самом начале, — *хорошая русская проза*.

Иосиф Куралов,
член Союза писателей России,
лауреат премии им. святителя Павла Тобольского

Прости, Катька...

ПОВЕСТЬ

1

Свадьбу сыграли в конце июля, ровно через два месяца после того, как Николай демобилизовался из армии. В конце мая он вернулся со службы в свой родной шахтерский поселок, притулившись на окраине среднего по областным меркам города, а уже на следующий день они с Екатериной подали заявление в ЗАГС.

— Девушка, — говорил, улыбаясь, Николай пожилой женщине, годившейся ему в матери, — ну зачем нам ещё два месяца ждать? Она и так меня из армии дождалась, и до армии мы уже два года дружили. Ну сделайте нам пораньше, пожалуйста...

Работница ЗАГСа, отложив в сторону ручку и сняв с носа очки в тонкой позолоченной оправе, подняла на него серьезные глаза:

— Молодой человек, порядок есть порядок. Положено два месяца на проверку, значит, положено. И поверьте мне, я тут много разного повидала, — для убедительности она значительно кивнула головой. — Дружат, дружат, так же как вы придут, подадут заявление, а потом разбегаются. Так что не отвлекайте меня от работы.

— Эх вы, — укоризненно вздохнул Николай, — «разбегаются»... Кто-то, может, и разбегается, а мне кроме моей Катюхи больше никто не нужен, — и он чмокнул в щёку Екатерину, молча стоявшую рядом.

Женщина устало и как-то снисходительно улыбнулась:

— Молодые люди, приходите через два месяца. Если уж вы четыре года ждали, то пару-то месяцев ещё подождёте, не страшно. Да и время будет к свадьбе подготовиться.

В чём в чём, а в этом она была права. В армии Николай возмужал, окреп, даже подросток ещё немного, и вся его доармейская одежда стала ему мала. За два месяца надо было успеть найти хороший костюм на свадьбу, туфли, хорошенько продумать меню и прочие важные в таких случаях детали.

В местном магазине для новобрачных, куда им в ЗАГСе выдали талончик, подходящих костюмов не оказалось. После безрезультатных мотаний по городу пришлось ехать в областной центр, где костюм всё же купили. Там же взяли белые красивые туфли на каблучке для Екатерины, а платье она приспособила то, в котором была на выпускном вечере: за эти годы её фигура, считай, не изменилась.

Катерина украсила платье какими-то рюшами, добавила цветочки, сделала пелеринку из воздушного тюля, и получилось вполне даже симпатично. Николай настаивал, чтобы ей купили именно свадебное платье, но та наотрез отказалась: пришлось бы тянуть лишние деньги с родителей, да и брать дорогой наряд на один раз Екатерина считала непростительной роскошью. «Обратно потом от платья всё отпорю, и снова ходить в нём можно будет. Хоть в гости, хоть куда», — спокойно и рассудительно убеждала она будущего мужа.

День за днем в разных хлопотах незаметно пробежали эти два месяца. Зато уж на свадьбе гульнули по полной. Погода позволяла, поэтому столы (пришлось даже позаимствовать у соседей) накрыли прямо на улице, во дворе у родителей Николая, а вместо лавок на табуреты уложили доски, застеленные цветастыми половиками.

К назначенному дню приехала из других городов и деревень многочисленная родня с обеих сторон, один за другим заходили поздравить молодых соседи, друзья, подруги и просто знакомые. Пили, пели, плясали, даже на гармошке играли, но это, скорее, по прихоти старшего поколения, не признающего настоящего веселья без живой музыки, а только под магнитофоны.

Двух ящиков водки, купленных в магазине по талону, выданному новобрачным в том же ЗАГСе, конечно же, не хватило, но родители загодя наготовили самогон, так что с выпивкой не скупилась. Продукты тоже были почти все свои, так как в магазинах купить что-либо было, практически,

невозможно. Полки там были заставлены лишь пакетами с серыми макаронами и банками с морской капустой; всё остальное — раз в месяц по талонам, введенным уже полтора года назад, ещё в начале девяностого года.

— А где жить-то будут? — раскрасневшийся бородатый мужик, сосед из дома напротив, пихал локтем в бок отца Екатерины. — Я говорю, где жить-то молодые собираются? Здесь, у Кольки, или у вас там?

— Да нет... — новоявленный тесть хмурил густые брови и отрицательно мотал головой. — Отдельно...

— Покупают, что ли? — удивился мужик.

— Да нет... Где Ульяна Григорьевна-то жила, бабка Катеринина, знаешь? Тёща моя. Померла которая год назад...

— А-а-а, вона чё... Ну знаю, конечно... Тут же недалеко. Дом-то не продали, выходит? Оставили?

— Ну да... Ведь оно как — продашь и всё, денюжки-то по нынешним временам быстро тютю. А так хоть молодым будет где обживаться, — кричал в ухо глуховатому соседу отец невесты.

— Ну правильно, правильно, — согласно кивал тот. — Пушай сами, отдельно-то оно лучше будет.

— Домишко-то некорыстный, конечно, но ничего, попервú пойдёт. Поживут, а там уж видать будет.

— Ну да, ну да... — снова кивал мужик. — Сразу-то хоромы оно и ни к чему, пушай пооботрется.

Постучав по бутылке ножом, поднялся грузный высокий мужчина в пиджаке и пёстрой рубахе, аккуратно застегнутой на все пуговицы. Гости повернули головы в его сторону. Николай с Екатериной тоже встали.

— Ну что, племяш... — мужчина весело посмотрел на жениха. — Дай я тебе ещё пару ласковых скажу.

Широко улыбнувшись, он оправил левой рукой пышные усы, держа в правой полную рюмку.

— Давай, Михаил, — мать Николая весело и нетрезво махнула рукой, — скажи им пару ласковых!

Все засмеялись. Мужчина, по-прежнему улыбаясь, посмотрел по сторонам, потом опять глянул на молодых, скромно стоявших во главе стола.

— Я тебя, Колька, всю твою жизнь знаю. Парнем ты завсегда был хорошим, правильным, мать с отцом лишний раз не расстраивал, к нам в деревню в гости приезжал исправно. Помню, как рассказывал нам про Екатерину свою, как нахваливал её, — дядька улыбнулся ещё шире и снова обвел взглядом гостей. — Я ишо удивлялся тогда — молодой ведь совсем, кровь играть должна, самое время по девкам бегать, а он как к одной прикипел сразу, чуть не со школы, так никого ему и не надо боле.

Гости снова засмеялись, заголосили кто что:

— Приворожила, видать!

— А кого ещё искать-то, когда такая красавица есть!

— Правильно, Колька, девки — они до добра не доведут!

Екатерина смущенно улыбнулась и покраснела, Николай же только крепче прижал к себе молодую жену и ласково поцеловал её в щёку.

— Вот-вот... — продолжил Михаил. — Кого ещё искать? Некого! И не надо... Мы — Мартовы, все такие! Сроду у нас в родне бабников не было, и жили всегда со своими половинами душа в душу! Дай бог, чтоб и у вас всё ладно было! Живите, дорогие наши племяннички, дружно, любите друг дружку, помогайте, жалейте, зазря не обижайте...

— А не зазря?! — вскричала какая-то подвыпившая бабенка.

— И не зазря не обижайте! — дядька снова оправил усы. — Вообще не обижайте! А ты, Катерина, мужа люби, холь и лелей его! Он у нас парень скромный, смирёный, вот... Ну и, само собой, вам детишек, а нам внуков побольше!

Гости снова весело загалдели, потянулись друг к другу рюмками, фужерами.

— За молодых!

— Спасибо, дядь Миш, — кивнул Николай.

— Давайте, ребятки, за вас! — Михаил поднял рюмку выше и повысил голос, чтобы перекричать остальных. — Чтоб всё у вас хорошо было! И нас, стариков, не забывайте, в гости чаще приезжайте!

— Во, стихами заговорил! — опять взвизгнула та же бабенка.

И снова взрыв хохота, выпили и тут же заголосили вразнобой: «Горько! Горько!!» И начали считать: «Раз! Два! Три!..» «Мало! Чего так быстро-то?!» — загалдели, когда Екатерина, оторвавшись от мужа, смущенно села на стул и потупила глаза.

Потом были «блины», танцы, попытки «украсть» невесту, но Николай бдил и ни на шаг не отпускал от себя молодую жену.

Так вот и началась помаленьку у Николая и Екатерины Мартовых их семейная жизнь. Такая, какой представляли они себе её все эти годы, о какой мечтали и говорили друг другу, писали в письмах, и какой жили тысячи, миллионы простых людей по всей огромной стране.

Екатерина после медучилища уже два года как работала медсестрой в поселковой поликлинике. Что касается Николая, то он до армии успел отучиться в горном техникуме и почти год отработать в шахте, где до недавних пор, до выхода на пенсию, трудились и его отец, и тесть, да и почти все мужики с поселка. И сейчас Николай вернулся туда же проходчиком.

По выходным он занимался домом. Жильё, доставшееся им в наследство от Екатериной бабушки, требовало ремонта: надо было крышу перекрыть шифером вместо прохудившегося толя, подправить забор, в двух окнах рамы поменять, ну и по мелочам ещё много чего набиралось.

Благо, что молодым на свадьбу многие из гостей подарили деньги, да и на «мусор» во второй день накидали немало, так что средства у них на это дело были. Правда, приходилось за всё переплачивать: в магазинах и на стройбазе было шаром покати, поэтому добывали нужное «по блату», через знакомых, но это не омрачало счастья молодоженов. Они просто не обращали на это внимания. Радость от того, что вот они наконец-то стали мужем и женой, заполнила их целиком. Подумаешь, просят за тёс в два раза больше, чем на лесобазе; подумаешь, за шифер просят втридорога, — ерунда, будущее всё равно виделось им светлым и радостным.

Но буквально через пару месяцев на шахте начались проблемы. Сначала не выдали зарплату за сентябрь, а в октябре дали половину за прошлый месяц и сказали, что, когда будет

остальное — неизвестно. И жизнь стала меняться буквально с каждым днем, причем, не в лучшую сторону.

Задерживать зарплату стали даже Екатерине в поликлинике, и приходилось время от времени перехватывать деньги у родителей. Товаров в магазинах стало ещё меньше, буквально за всем надо было идти на базар. Страна расплзалась по швам, а к Новому году Союз Советских Социалистических Республик и вовсе приказал долго жить.

— Развалили страну паразиты с перестройками своими, — ворчал под рюмочку отец Николая, когда они вдвоем с сыном, разомлевшие и раскрасневшиеся после бани, сидели за столом, ужинали. — Доускорялись, собаки...

Мыться молодые ходили к родителям мужа: свою старую баню они пустили на дрова, а на новую ни денег, ни материала уже не было. Николай особо не вникал в политические процессы, происходящие в стране, поэтому на слова отца лишь пожал плечами:

— Поди, решат чего-нибудь... Не будет же так всегда, людям-то есть что-то надо. Сейчас чего-нибудь покумекают и придумают как дальше быть.

Отец, усмехнувшись, посмотрел на сына:

— Ага, они придумают... Они уже понапридумывали. Нет, сын, не верю я им боле. Было время — верил, да, похоже, отверился. Плевать им на нашего брата с высокой колокольни.

Ближайшее будущее показало, что не верил отец Николая правильно: дальше стало ещё хлеще. Зарплату на шахте не давали уже по несколько месяцев, и мужики даже осмелились на то, чего у нас отродясь не бывало — на забастовку. Долги после этого выплатили, но вскоре несколько стволов в шахте засыпали породой, а несколько частично затопили. И в итоге от предприятия, гремевшего когда-то на всю страну своими рекордами, осталось лишь два забоя. А ставших лишними шахтеров кого-то отправили в неоплачиваемый отпуск (кому до пенсии немного оставалось), а некоторых и вовсе уволили в связи с сокращением производства.

Попал в число уволенных и Николай, как молодой и менее квалифицированный работник. И надо же было этому случиться как раз к концу апреля, ко времени, когда Екатерине подошел срок рожать. И не знали тогда что больше делать —

радоваться, что дочка хорошенькая да здоровенькая народилась (назвали её Анной в честь бабушки Николая по отцу), или горевать, что молодой отец остался без работы.

Но, конечно, Николай был счастлив. Он обнимал жену, целовал её в нос, в глаза, в лоб — зацеловывал всю, приговаривая: «Катка ты моя родная, любимая...» Екатерина радостно вздыхала, улыбалась и прижималась к мужу. О проблемах думать не хотелось, хотелось, чтоб всё было хорошо и спокойно, как раньше...

Но как бы там ни было, а настроение у Николая портилось каждое утро, когда он, просыпаясь, понимал, что на работу идти не просто не надо, а даже и некуда, и что он с недавних пор — безработный.

Слово-то какое... Сроду не думали, что у нас такое возможно будет, но вот, почувствовали, как говорится, на собственной шкуре. И это в то время, когда цены на всё стали расти буквально как на дрожжах. После того как в январе их отпустили, товары на прилавках появились, да вот только купить их было не на что.

Денег на жизнь не хватало. Сбережений у молодых не было, «свадебные» деньги почти все ушли на ремонт дома, выручало лишь то, что прошлым летом, ещё до свадьбы, посадили в огороде всё, что полагалось. Картошка, морковка, капуста, соленья всякие — всё своё было. С мясом выручали родители Николая, которые уже пару лет приспособились держать поросят, а Екатериныны родители в прошлом году завели молочную козу и кур.

Ей самой пришлось буквально через пару месяцев после родов возвращаться на работу. Своя картошка с капустой — это, конечно, хорошо, но деньги тоже нужны. Сильно выручала тёща, которая прибегала водиться с внучкой каждый раз, когда дочери нужно было на смену.

Николай искал новую работу. Съездил на завод ЖБИ, но вернулся ни с чем: брать брали, но вовремя платить тоже не обещали. Хотел устроиться на стройку, готов был хоть кирпичи таскать с раствором, но всё строительство в их городе к этому времени замерло. Встречался со знакомыми, однако никто ничего посоветовать не мог, все сами находились в подвешенном состоянии, не зная, что будет завтра.

Иногда он нет-нет да и прислушивался к тому, что толкуют в поселке о шахте, а вдруг опять там всё закрутится, и снова нужны будут шахтеры, но нет... Всё чаще звучало новое слово «приватизация», поговаривали, что их шахту тоже скоро будут приватизировать, передавать в частные руки. Кто-то этому радовался, говорили, дескать, поделят шахту поровну на всех работяг, сами будем хозяевами, сами будем прибыль делить промеж себя, каждому дадут его долю, а кто-то только посмеивался: «Ага, жди... Догонят и ещё дадут. Так дадут, что не унесешь». Поэтому будущее виделось весьма туманным.

Тесть, зашедший как-то в конце июня попроведать внучку и принесший банку козьего молока, сел на крыльцо и тихонько выругался.

— Пап, ты чего ругаешься-то? — попеняла ему дочь, стоявшая тут же и державшая на руках маленькую Анютку.

— Заругаешься тут... Сегодня в магазине был: масло сливочное — двести сорок рублей за кило, а у меня вся пенсия шестьсот! Как жить-то? А ты говоришь — чего ругаюсь... — Он свернул самокрутку с махоркой и закурил. — Во, на махру перешел, бляха-муха... Видала?

— Да уж совсем бы бросал. Здоровее будешь, — улыбнулась Екатерина.

— Так, придется... — проворчал тесть. — С ними жрать бросишь, не то что курить.

Николай без работы становился всё более молчаливым и хмурым. Вынужденное безделье (работа по дому и в огороде была не в счёт) тяготило и раздражало его.

— Ничего, Коль, проживём, — успокаивала мужа Екатерина. — Огород есть, родители помогают, не помрем же с голода. Чего ты, в самом деле...

Она после рождения дочки несильно, но располнела и даже как-то немного подурнела лицом. Может, не отошла ещё от родов как следует, а может, заботы о ребенке заставляли её не обращать внимания на себя как раньше. Однако в доме, несмотря на это, по-прежнему всегда был идеальный порядок.

Николай на слова жены только злился:

— Я — здоровый молодой мужик! Чего мне огород твой? Я же не пенсионер, чтобы с грядочками возиться, мне работу надо нормальную! Мне семью кормить надо!

Екатерина тихонько подходила со спины, обнимала его и целовала в затылок.

— Проживём... Ты только не переживай так. Нервные клетки не восстанавливаются — это раз, и все болезни от нервов — это два. Я тебе это как медик говорю, — улыбалась она. — А ты мне здоровый нужен, понятно?

Муж сердито поводит плечом, освобождаясь от объятий жены, и выходил на улицу.

Безрезультатно промыкавшись три месяца, он уже подумывал устроиться грузчиком в местный хозяйственный магазин, но что-то пока удерживало его от этого шага, думал решиться ближе к осени, если за это время ничего не подвернется.

2

И вот подвернулось... Примерно через неделю после того, как Николай с Екатериной в узком семейном кругу (были только родители) отпраздновали первую годовщину своей семейной жизни, после обеда к их дому лихо подрулила красная «Лада-девятка». С пассажирского сиденья возле водителя из машины вышел невысокий, коротко стриженный, плотный парень с простым широким лицом. Подойдя к калитке, он облокотился о забор.

— Хозяева! — крикнул парень. — Ау! Есть кто живой?!

Николай, который в это время в огороде поливал помидоры, услышав чужой голос, вышел во двор.

— О-о! Какие люди! — узнал он в приезде своего бывшего одноклассника Олега Токмакова. — Олечка, какими судьбами?

— Колян, здорóво! — заулыбался в ответ приехавший.

Николай вышел за ограду, и бывшие одноклассники, крепко пожав друг другу руки, обнялись. В школе они были дружны, но Олег после восьмого класса ушел учиться в строительный техникум, и их пути разошлись. Время от времени они, конечно же, виделись, знали, кто чем дышит, но не более.

— Ну, рассказывай, как жизнь? — Николай оглядел гостя с головы до ног. — Из наших кого-нибудь видишь?

— Да нормально всё, а из наших... — Олег пожал плечами. — Так, реденько кого-нибудь встречу. Кто уехал, кто

ещё где. Да фиг с ними! — он безразлично махнул рукой. — Я чего приехал-то... Слышал, ты без работы маешься. Правда? Или уже нашел чего?

— Да нет, не нашел пока, ищущу... Не знаю, куда ещё сунуться.

— А в кооперативе не хочешь поработать?

— В кооперативе? А чего делать надо?

— Двери железные. Сейчас это тема номер один, точно тебе говорю, — парень усмехнулся и, засунув руки в карманы широких брюк, стал раскачиваться с пятки на носок. — Криминал, преступность, сам знаешь... Все кинулись двери железные себе ставить да решетки. Так что, без работы не сидим, и деньги живые всегда на кармане.

Николай неопределенно склонил голову:

— Подумать можно. Только я же не сварщик, варить не умею.

— Да сварщики-то у нас есть, нам просто человек ещё один нужен. Там же не только варить, там с перфоратором работать, с «болгаркой», что-то поддержать, что-то принести... Ну сам понимаешь. А при желании со временем и варить можешь научиться.

— А по деньгам чего?

— По деньгам всё нормально, будешь больше, чем в шахте иметь. И при этом безо всяких задержек. Раз в неделю дают. По первости, конечно, поменьше будет, ну там, типа испытательного срока, а потом уж как все.

— Гм... Раз в неделю это неплохо. А кто там ещё кроме тебя?

— В общем смотри, там расклад такой... — Олег потер ладони. — Хозяином у нас мужик один, деловой дядька, в годах уже, но башковитый. Сам он, конечно, с дверями не работает, но помещение, металл, инструмент — всё его. Ну и с клиентами он все дела решает. Вот... А нас, работяг, сейчас четверо. Пара сварных, я и Сашка Крауз, — он кивнул на «девятку». — Вон он, за рулём сидит.

— Немец, что ли?

— Ну да, — засмеялся Токмаков, — фриц.

Он махнул рукой водителю. Дверь открылась, и из машины вышел высокий симпатичный парень в черной

кожаной куртке и темных очках. Подойдя, он протянул Николаю руку и представился:

— Александр.

— Николай, — кивнул тот в ответ и пожал протянутую ладонь.

Александр достал пачку «Кэмел» и закурил.

— Ну вот... — продолжал Олег. — Так-то четыре человека хватает, но в обрез, бегом бегать приходится. По деньгам вроде даже лучше выходит, но шеф говорит, ищите себе ещё человечка. Сам понимаешь — то один приболеет, то у другого дела какие-нибудь нарисуются, да мало ли... А работа страдает. Ну я вот про тебя и вспомнил. Только, Колян, ты с ответом не тяни, сразу сейчас говори, согласный или нет, а то мы дальше кого-нибудь искать поедем.

Николай внимательно слушал Токмакова, но на самом деле уже решил — надо соглашаться. Сколько можно на иждивении у жены сидеть? Поэтому, когда Олег, закончив говорить, вопросительно посмотрел на него, он согласно кивнул головой:

— Да чего тянуть, я не против.

— Ну и супер! — тот хлопнул его по плечу. — Тогда завтра подбегай часикам к десяти. Знаешь где это? — и он объяснил Николаю, где находится кооператив. Это было недалеко, минут пятнадцать ходьбы от дома. — Одежду только рабочую прихвати, а больше ничего не надо. И это... Шеф у нас строгий, поэтому дисциплину трудовую мы блюдем, — он усмехнулся. — Если опоздал без уважительной причины, на первый раз ещё простит, а на второй — всё, точно пинка под зад замастырит. И с этим делом, — он щелкнул себя пальцем по горлу, — у нас строго. После работы — пожалуйста, а на рабочем месте или на заказе — упаси боже! Он уже так несколько человек выгнал. Но ты ведь не бухаешь, насколько я знаю?

— Нет, — засмеялся Николай.

— Ну и отлично! Давай, приходи! Работы много.

Сев в машину, парни уехали, а Николая состоявшийся разговор всё же немного взволновал. Он был с одной стороны рад, что наконец-то подвернулась работа, да ещё и с хорошим заработком, но с другой — кооператив, частное, так сказать,

предприятие, и как оно там всё будет, он понятия не имел. Это ведь не шахта с отделом кадров и бухгалтерией. «Ладно, работают же другие как-то, — махнул он в конце концов рукой на все свои переживания. — Уйти всегда можно будет».

Екатерина и обрадовалась, и удивилась одновременно, когда муж за ужином сказал ей, что уже завтра выходит на работу.

— Как так быстро-то? Вот так вот сразу — и уже на работу? — спросила она, накладывая в пиалку свежее смородиновое варенье.

— Ну а чего? Это же кооператив.

— Да нет, ничего... Просто, непривычно. Обычно же по несколько дней устраиваются, бумаги там всякие оформляют...

— Ну а здесь вот так вот, быстро всё.

— Ну что ж, главное, чтоб ты доволен был, — Екатерина с улыбкой потрепала мужа по волосам.

На следующий день, когда Николай к обозначенному времени пришел в кооператив, Олег отвел его к директору.

— Сергей Михайлович, вот... Мартов Николай, про которого я вам говорил. Одноклассник мой, — представил Николая Токмаков.

Директор — крепкий, предпенсионного возраста мужчина — внимательно и строго осмотрел Николая с головы до ног, спросил:

— С перфоратором и «болгаркой» работать умеешь?

Тот честно помотал головой:

— Не приходилось.

— Ну а чем занимался-то?

— На шахте работал. Проходчиком. Пока вот не уволили.

— За пьянку, что ли? — в лоб задал вопрос директор, глядя прямо в глаза Николаю.

— Да нет... — смутился тот. — Почему сразу за пьянку? Я почти не пью, по праздникам только. А на шахте под сокращение попал. Народ-то посокращали, считай, вдвое.

— Понятно... Ладно, «болгарка» — не рояль, научись, ничего сложного там нет. Если по натуре работяга, то всё получится.

Потом Сергей Михайлович предупредил Николая о необходимости строго соблюдать трудовую дисциплину и технику безопасности, объяснил всё касательно зарплаты:

— У нас так — на сколько поработал, столько и получил. Никакой уравниловки. Так что, в твоих же интересах работать на совесть. Деньги выдаю раз в неделю, после работы в пятницу.

— А с трудоустройством как? — Николай достал из кармана трудовую книжку. — Заявление надо писать?

Сергей Михайлович усмехнулся:

— Здесь, парень, не шахта. У нас отдела кадров нет, у нас всё на честном слове держится, поэтому книжку свою можешь спрятать. Ты пойми одно — тут не государственное предприятие, никому эта бумажная волокита не нужна. Работаешь — получи деньгу, а вольнишь — пинком под зад и до свидания, желающих много найдется.

— А если заболел, к примеру?

— А ты, Коля, лучше не болей. Мне здоровые работники нужны, у нас не собес. Иначе ведь мне от мужиков надо будет на тебя копейку отрывать, а они её своим горбом заработали. Вот так вот...

С приходом Николая в кооперативе стало пять человек: Олег Токмаков и Александр Крауз, которые приезжали к Николаю; два сварщика: дядя Федя, хмурый, худощавый долговязый мужик лет сорока пяти, и Вовка Толстобров, совсем молодой, угреватый парнишка, только в прошлом году окончивший техникум, ну и сам Николай.

Работы и вправду оказалось много. Народ, не на шутку обеспокоенный ростом преступности, в том числе квартирных краж, денег на собственную безопасность не жалел. Ставили железные двери, а кто жил на первых этажах — и решетки, поэтому заказы искать не приходилось, люди шли сами и даже стояли в очереди. Поэтому работали часто допоздна, никто на часы особо не смотрел, все понимали, что в данном случае время — точно деньги.

Но, сколько бы ни было заказов, каждый рабочий день в кооперативе начинался с обстоятельного перекура. Мужики,

переодевшись в рабочеe, усаживались на лавочку, стоявшую снаружи у дверей, и закуривали.

— Санёк, ну чё новенького? — иногда спрашивал, поглядывая на Крауза и криво ухмыляясь, Вовка Толстобров. — Замутил с кем-нибудь?

Крауз не торопясь доставал из нагрудного кармана пачку «Кэмэл», закуривал и лениво выпускал в небо тонкую струйку дыма. Он, конечно, слышал Вовкин вопрос, но отвечать не торопился. Александр был на четыре года старше Николая с Олегом, а Вовки на все семь.

— А, Санёк? — продолжая улыбаться, напоминал о себе Толстобров.

Крауз лениво ухмылялся в ответ и щёлкал Вовку по лбу пальцем:

— Всё-то, Вовчик, тебе знать надо.

Но иногда он всё же говорил. Говорил о том, с кем вчера до полночи гулял в каком-нибудь баре, с кем «замутил» на какой-нибудь дискотеке, и чем потом дело закончилось. А заканчивалось всё обычно в его однокомнатной квартире, где он жил один. Причем рассказывал Крауз обо всём этом красиво, с подробностями, но без пошлости, как-то легко и непринужденно. И выходило с его слов так, что девчонки сами буквально вешались ему на шею, и всё у него было как-то «ненапряжно», даже элегантно.

Вовка слушал эти разговоры с горящими глазами, открыв рот и похихикивая в самых пикантных моментах. Олег изредка составлял Краузу компанию в его похождениях, поэтому, будучи непосредственным участником того, о чем говорилось, держался при этих рассказах с достоинством, даже вставлял время от времени что-то от себя. А дядя Федя просто усмехался и покачивал головой, приговаривая: «Кобель, ты Санька, ох кобель...»

Николай, как единственный некурящий, стоял, чтобы не нюхать табачный дым, чуть в сторонке и, тоже улыбаясь, поглядывал на Александра. Надо сказать, что тот с первых дней привлек его внимание и даже вызывал симпатию. Николая удивляло превращение, которое происходило с парнем в начале и в конце рабочего дня. Если бы он встретил Крауза где-нибудь на улице, то ни в жизнь бы не подумал, что тот «на ты» с

такими инструментами как «болгарка» и перфоратор, и что когда он орудует с металлом, у него в руках всё буквально горит. Но вне рабочего места Крауза можно было бы даже назвать пижоном: он был всегда аккуратно выбрит и подстрижен, на тонком прямом носу красовались темные очки, носил он черную кожаную куртку и широкие серые вельветовые брюки, на ногах — кроссовки с тремя полосками, а в зубах исключительно «Кэмел». И всё это смотрелось на нем со вкусом, всего было в меру и к месту, а красная «девятка» довершала привлекательную для девчонок картину.

После перекура первым обычно с кряхтением поднимался с лавки дядя Федя.

— Ладно, хлопцы, хорош лясы точить, работать пора, — говорил он, затушив окурочек «Примы».

Следом за ним вставали остальные, и начинался обычный рабочий день. Николай по первости был, что говорится, «принеси-подай», больше смотрел, как и что делают другие, но уже через пару недель ему стали доверять самому отмерять и резать металл.

— Колян, ты не рви «болгарку», не рви, — Саня Крауз аккуратно придерживал его руку за локоть, — а то на тебя так дисков не напасешься. Ты плавненько, нежно, но с нажимом, как с девушкой, — подмигнул он. — И тут, и там спешка не нужна, оно само пойдёт, если всё правильно делать будешь.

Николай смущенно улыбнулся в ответ, стараясь всё делать так, как ему говорили.

— Да, Колян? — усмехнулся Крауз, глядя на Николая с хитрым прищуром.

— Чего «да»? — не понял тот.

— С девчонками-то надо аккуратненько?

Николай смутился ещё больше, а Олег, отмерявший в стороне стальной уголок, крикнул:

— А ты, Санёк, у него про это дело не спрашивай, он не в курсе, он у нас однолюб. Как в Катьку свою втюрился ещё со школы, так с ней одной и дружил всё время, а после армии на ней же и женился.

— Чего, правда, что ли? — Крауз сделал удивленные глаза. — И больше ни с кем?

Николай отвернулся, чтоб не было видно, как краска бросилась ему в лицо.

— Ну и чего? — буркнул он. — Всем, что ли, по девчонкам бегать?

— Правильно, правильно, Колян, — поддакнул ему дядя Федя, отрываясь от сварки, — ну их к лешему, баб этих...

— Так и я говорю — молодец! — Крауз хлопнул Николая по плечу. — Так и надо! А ты бы знал ещё, сколько денег на них уходит. Уйма! — засмеялся он.

Было непонятно то ли он шутит, то ли серьезно хвалит Николая.

— А тебя, так кто-то силком заставляет, — усмехнулся дядя Федя, прикуривая от горячего электрода.

— Точно, дядь Федь! Пряма, ничего не могу с собой поделать, — Крауз сокрушенно покачал головой и снова засмеялся.

Деньги у Мартовых появились. Сергей Михайлович не только требовал дисциплины от других, но и сам держал своё слово — заработная плата аккуратно выдавалась в конце каждой пятницы. И когда Николай принес домой свою первую «кооперативную» получку, то радовался так, будто это были вообще первые заработанные им деньги.

Да, в первый месяц он получал несколько меньше остальных, но уже с сентября ему стали выдавать наравне со всеми. За месяц выходило ничуть не меньше, чем в шахте, да и сколько там сейчас платили Николай давно уже не знал, так как зарплаты постоянно менялись. Главным было то, что сейчас он мог пойти в магазин и купить там почти всё, что было нужно. В холодильнике стали регулярно появляться колбаса, масло, сыр, другие продукты. На базаре Екатерина купила для росшей потихоньку Анютки манеж, сидячую коляску, кое-какую одежду. Там же, на базаре, купили на осень новые полусапожки Николаю и шапку с перчатками Екатерине. В общем, более-менее вздохнули свободно.

Николай стал чувствовать себя уверенней, больше улыбался, и настроение у него улучшилось.

3

На установку дверей обычно выезжали вдвоем. Для этих целей в кооперативе был старенький грузопассажирский УАЗ-452, прозванный в народе «буханкой». За рулем, как единственный из пятерых, у кого были водительские права, всегда был Крауз, а напарником ему обычно служил Токмаков Олег. Двух человек вполне хватало, чтобы установить стальную раму-коробку, навесить на шарниры дверное полотно и подогнать по месту замки. Сварочных работ там практически никаких не было, только приварить коробку к вбитым в стену стальным пруткам, и с этим справлялись сами установщики.

В один из дней (дело было в середине октября) Олег, отпросившись у Сергея Михайловича по каким-то своим делам, взял отгул. Глянув на Николая, директор спросил:

— Ты на установку ещё не ездил? Или был уже?

— Нет, ещё не был, — помотал тот головой.

— Ну вот и давай... — он повернулся к Краузу. — Саня, бери Мартова, и дуйте сегодня с ним на адрес. Пусть учится, пора уже.

— Сергей Михайлович, — Александр развел руками, — так, может, учиться лучше, когда мы с Олегом вдвоем будем ставить? Пусть тогда и Колян с нами едет да смотрит.

— А сегодня ты что предлагаешь? Отменить установку? Там, вообще-то, люди ждут. Отменишь сегодня — весь график собьется. Так что, надо было самим раньше головой думать, брать с собой Николая, чтоб учился. Давай, давай... Ничего, справитесь.

Загрузив в «буханку» дверь, сварочный аппарат, перфоратор, «болгарку» и другой инструмент, Крауз с Николаем поехали. Квартира, где надо было ставить дверь, находилась в обычной «хрущёвке» на четвертом этаже. Подъехав к дому, Александр заглушил мотор, щелчком пальца выбил из пачки сигарету и ухватил её губами:

— Колян, сгоняй сперва в хату, посмотри — дома они, нет. Вдруг никого, так, чтоб зря не кожилиться с дверью...

Николай кивнул и, выпрыгнув из машины, побежал вверх. Подойдя к нужной двери, он нажал кнопку звонка, внутри заверещала трель. Подождав с полминуты, Николай нажал кнопку снова, но никто не открывал. «Правда, что ли,

дома никого нет? Как так-то?» — подумал он, собираясь уже уходить, но тут из-за двери послышался глухой женский голос:

— Кто там?

Николай только открыл рот, чтобы ответить, как замок щелкнул, и дверь открылась. В подъезд выглянуло заспанное девичье личико:

— Чего надо?

Девушка щурила глаза и с любопытством разглядывала Николая. Довольно пышные, длинные светлые волосы были растрепаны, а веки чуть припухли. Облизнув верхнюю губу, девушка вопросительно качнула головой.

Николай почему-то смутился, неловко переступил с ноги на ногу:

— Так мы это... дверь ставить приехали.

— Тьфу ты... — девушка наморщила носик. — Я ж забыла совсем... Ну давайте, ставьте, — она просто и открыто посмотрела на Николая и улыбнулась. — Вы извините, закрутилась вчера.

Тот пожал плечами:

— Да ничего, бывает... Сейчас всё принесем.

И он через ступеньку побежал вниз.

— Чего так долго? — Крауз, выйдя из машины, протирал тряпкой лобовое стекло.

— Да не сразу открыли, — махнул рукой Николай. — Заспанная вся...

— Кто заспанная?

— Ну кто... Хозяйка.

— А-а... Ну давай, подхватили!

Пока Николай с Александром затаскивали наверх железную дверь и необходимый инструмент, хозяйка квартиры более-менее привела себя в порядок. В коридоре, прислонившись плечом к стене, стояла стройная девушка в джинсах-варёнках и светлой рубашке навыпуск. Аккуратно расчесанные волосы спадали на плечи, обрамляя лицо, с правильными миловидными чертами: аккуратный носик, аккуратные губки, и большие, прямо и открыто глядящие глаза, в которых читалась легкая нахалинка.

Мило улыбнувшись, девушка спросила:

— Мальчики, а это надолго? Вы же шуметь будете, да?

Крауз оценивающе глянул на хозяйку и растянул губы в широкой улыбке:

— Шуметь мы, естественно, будем, без этого, увы, никуда, а вот надолго или нет, это во многом зависит от вас.

— От меня? — удивилась та.

— От вас, — кивнул Крауз, скорбно поджав губы.

— Почему от меня?

— Потому как покинуть ваш дом я смогу только тогда, когда вы меня прогоните силой. Сам от такой красоты я уйти не смогу.

Девушка фыркнула и отвернулась.

— Кстати, — продолжал Александр, — вы в курсе, что мы слишком долго ждали, пока вы отопрете нам дверь? Из-за этого у нас сдвинулось время следующей установки, а это, сами понимаете, репутационные потери.

— Чего? — девушка, прищурившись, с интересом посмотрела на него.

— Я говорю, моральный ущерб вы нам нанесли непоправимый, а за это штрафные санкции полагаются.

— Какие ещё санкции? Ты чего несёшь?

— Ну наконец-то! — Крауз поднял глаза к потолку. — Слава богу, мы перешли на «ты», и даже без шампанского на брудершафт. Но имей в виду, без поцелуя никак нельзя, таковы законы.

Девушка засмеялась:

— Ну и шустрый ты, как я погляжу.

— Это не я... Я же говорю — таковы законы. Ну так как? Прямо сейчас или попозже?

— Чего «попозже»? — не поняла хозяйка квартиры.

— Целоваться будем? — Крауз сделал серьезное лицо и пожал плечами.

— Какой целоваться?! Вы дверь ставить будете? Все мозги уже мне заплел...

Николай смотрел на эту сцену и поражался тому, как легко и нимало не смущаясь, нёс Крауз свою околесицу. «Понятно, чего он так просто с девчонками знакомится. Балабол ещё тот», — подумал он с легкой завистью. Сам он никогда не умел так вот болтать с девушками, всегда начинал смущаться, краснел и не знал, что говорить. Хотя Крауз вот

тоже ничего особо умного не говорил, нёс всякую чушь, но как он это делал! Без тени смущения, уверенно, с улыбкой глядя прямо в глаза собеседнице.

— Хорошо, не хочешь соблюдать правила перехода на «ты» не надо, — продолжал Александр, — но как же штрафные санкции за ожидание? Это не моя прихоть, таковы правила нашей фирмы. Минута ожидания — один поцелуй. Мы ждали пять минут, вот и считай.

— Ты задолбал уже со своими поцелуями, — сделала притворно недовольное лицо девушка. — А если б тут бабка столетняя жила, ты бы к ней целоваться полез?

— К пенсионерам у нас другой подход, — не задумавшись ни на секунду, ляпнул Крауз. — С них мы берем натурой. В смысле — продуктами: огурцами и помидорами.

— Ну вот и я тебе помидорами заплачу. Да и где ты пять минут нашёл? Ты сам уже тут сколько времени треплешься...

— Так я-то не виноват, это опять же ты. Если б сразу сказала «хорошо, давай», так уже и расцеловались бы, и дверь поставили.

— Ага... — криво усмехнувшись, кивнула девушка. — И вообще, чего ты-то лезешь с поцелуями? Это вон он приходил, в звонок звонил, — она показала рукой на Николая. — Тогда уж с ним целоваться надо.

Крауз тут же отскочил в сторону:

— Да не вопрос... Я же не о себе пекусь, я о фирме. Целуй Коляна, мне для себя ничего не надо.

Николай, не ожидавший такого поворота, растерялся и, отступив назад, пробормотал:

— Не-не... Меня не надо.

Девушка захохотала:

— Да ну вас обоих! Вы дверь ставить будете или нет? Уже полчаса резину тянете.

Крауз тут же легко и расслабленно улыбнулся:

— Всё, всё... Это же так, просто шутка, — он подмигнул девушке. — Надо же маленько настроение поднять перед работой. Сейчас всё сделаем. Колян, бери раму.

Дверь они поставили быстро, минут за сорок. Бóльшую часть работы сделал Александр. Он ловко выставил короб по уровню, говоря при этом Николаю, что делать и как помогать.

Затем пробурил в стенах дыры, вбил в них стальные штыри и приварил к ним раму. Николай суетился рядом, подавал Краузу инструмент, глядя, что и как он делает.

Когда работа подходила к концу, на этаж поднялась другая девушка и удивленно остановилась перед дверью.

— Оба-на... Танюха! — крикнула она. — Это чего тут у тебя?

На «Танюху» откликнулась хозяйка квартиры. Она выглянула из коридора в подъезд:

— Ленка, здорóво, заходи, — махнула она рукой, приглашая пришедшую войти. — Я тебе не говорила разве? Дверь вот себе железную ставлю.

Аккуратно переступая через лежащий на полу инструмент, Ленка прошла в квартиру мимо стоящих у двери парней. Это была высокая длинноногая девица с ярко рыжей кудрявой шевелюрой, одетая в мини-юбку, высокие сапоги ботфорты и короткую замшевую курточку с меховой опушкой. И Крауз, и Николай невольно засмотрелись на неё.

— Ну вот тайна и раскрыта, — серьезно сказал Александр.

— Какая ещё тайна? — заранее заулыбалась Татьяна.

— Теперь я знаю, по какому адресу можно найти самых красивых девчонок нашего города. Да что там города — всей области, всей России, ёлки-палки! — Крауз, сохраняя серьезное выражение лица, посмотрел поочередно на девушек. — И я даже знаю, как их зовут: Таня и Лена.

— Так-то я тут одна живу, Ленка в другом месте, — ухмыльнулась хозяйка.

— Чего это? — удивленно посмотрела на неё Елена.

Она была на полголовы выше Татьяны, смотрела чуть свысока и была серьезна.

— Да-а... — по-прежнему улыбаясь, махнула та рукой. — Он тут щас такого наплел. Я тебе потом расскажу...

— Ладно, девушки, мы закончили, — Александр мило и даже как-то застенчиво улыбнулся, тщательно отряхивая бетонную пыль со штанов. — Дорогая Татьяна, если бы я делал эту дверь от себя лично, то я не взял бы ни копейки, но поскольку я выступаю от лица фирмы, то вынужден спросить

оставшуюся сумму. Танюша, ты же только половину оплатила, да?

— Ого! — усмехнулась гостья. — Я смотрю, у вас тут всё уже на мази: на «ты», да ещё и «Танюша»...

Хозяйка хотела что-то сказать, но Крауз перебил её:

— Перейти на «ты» было решением вашей подруги. Хотя она при этом и нарушила некоторые правила, но я ей это простил. Надеюсь, Елена прекрасная, что и с вами мы тоже скоро будем на «ты», но, желательно, уже по всем правилам.

— По каким ещё правилам? — Елена, ничего не понимая, посмотрела на хозяйку.

Та снова попыталась вставить слово, но Александр опять опередил её:

— А давайте я вам это сам объясню, но буквально минут через пять. Мы с моим коллегой сейчас отнесем инструменты в автомобиль, и я вернусь за деньгами. Договорились? — и, не дожидаясь ответа, он повернулся к Николаю. — Колян, потащили!

Внизу, после того как сложили инструменты в машину, Крауз подмигнул Николаю:

— Давай, Колян, пять минут меня подожди, а я сейчас махом, — и он скрылся в подъезде.

Вернулся он минут через десять, молча сел на водительское место и посмотрел на напарника:

— Ну что... Нас сегодня ждут в гости. К семи. Так что — будь готов!

— В смысле? — не понял Николай. — Почему «нас»?

— Ну а кого? Мы ж вдвоем с тобой были. И девушек двое.

— Не-е, — помотал головой Николай. — Я пас, мне домой надо будет.

— Тю-ю... — протянул Крауз. — Колян, да ты чего? Жена заругает? А мы ей не скажем. Это ж так... Отвлекись немного от серых будней. Девочки хорошие, сам видел, только, чур, моя — рыжая. Люблю рыжих девчонок, а хозяйка — твоя.

— Да нет, Санёк, я ж говорю, я пас. Я серьезно.

— Чего, вправду жену свою так любишь? Тебя ж разводиться с ней никто не заставляет. Так, в гости сходить

разок, развеяться, и всех делов. А то нехорошо получится, нас же двоих позвали...

Но Николай был непреклонен:

— Сань, да не пойду я никуда, — сдвинул он брови. — Надо было сперва меня спросить, а потом уж договариваться.

Но Крауз не стал больше уговаривать:

— Ну и ладно, — он завел двигатель. — Не хочешь — как хочешь, мне больше достанется.

В конце рабочего дня, когда стали переодеваться, Александр снова спросил Николая:

— Ну что, верный муж, не передумал? Может, всё же, вдвоем поедем, а то девочки обидятся. Ты же не бросишь товарища одного в таком деле?

Николай улыбнулся:

— Я не передумал и брошу товарища одного.

— Зря, потом жалеть будешь, да поезд уйдет.

— Пусть уходит, мне жены хватает.

Услышав разговор о каких-то девочках, тут же насторожился Толстобров:

— Об чем речь, мужики? Куда собрались, чё за девочки? Санек, давай я вместо Коляна, а? Если он не хочет.

— Вовчик, — снисходительно глянул на него Крауз, переодеваясь возле своего шкафчика, — тебя не приглашали, отдыхай.

— Ну и чё, что не приглашали. Какая разница?

— Большая. Если я вместо Коляна приду с тобой, меня самого оттуда нафиг выгонят. Лучше уж дядю Федю тогда взять, — Александр глянул на сварщика. — А, дядь Федь? Поехали с тобой в гости. Мы сегодня с Коляном с такими классными девчонками познакомились, они нас в гости позвали, а он не хочет, жены боится.

Дядя Федя помотал головой и что-то пробормотал себе под нос, потом сказал громче:

— Ты парня не порти. Сам кобелируешь, так хоть других не совращай.

— Кого это я совращаю? Его, между прочим, дамы пригласили, отказываться ведь нехорошо, а он всё равно отказывается.

Толстобров не унимался:

— Ну, Санёк, ну возьми меня, ну чё ты... Какая разница?

— Всё, базар окончен, мне пора. А ты, Вовчик, молод ещё для тех девочек, поищи себе кого-нибудь сам, пионерку какую-нибудь.

Приняв свой внерабочий облик, Крауз сел в «девятку» и быстро уехал; время подходило к семи.

Николай шел домой хмурый. Разговор с Александром в конце рабочего дня не то что подпортил ему настроение, но чем-то неприятно зацепил. Вроде и днём на эту тему обмолвились, но тогда Николай вообще не принял близко к сердцу ни сказанного Краузом, ни этого приглашения в гости, но вот вечером... Однако, что именно зацепило его, он пока разобрать не мог.

Да, он, наверное, действительно любил свою Катьку, но при этом понимал, что, по большому-то счету, кроме неё никого из девчонок и не знал. Одноклассницы и просто знакомые были не в счёт, это другое. Не общался он с другими именно как мужчина с женщиной, и не в возрасте тут дело. И когда парни — в техникуме, в армии — рассказывали о своих любовных похождениях, он всегда чувствовал себя не в своей тарелке, ведь ему-то рассказать было не о чем — есть вот у него Катька, ну и всё, чего тут рассказывать? Вроде как и не надо больше ему никого, незачем... Но в глубине души он всегда при таких разговорах ощущал определенное превосходство над собой таких вот, как этот Крауз, и, как он понимал сейчас, даже немного завидовал им. Завидовал их легкости, раскованности, какой-то даже нагловатости в общении со слабым полом. Раньше не признавался себе в этом, а вот сейчас, после того как Александр поехал к тем девицам, а он пошел домой, почему-то вдруг ясно понял — завидует. И усиливало эту зависть то, что это были уже не просто абстрактные разговоры о том, что случилось когда-то и с кем-то — это уже было вполне ясное и осязаемое. Ведь там, на той квартире, они с Краузом были сегодня вместе, и его, Николая, тоже позвали. Девушки позвали, а когда такое с ним было раньше? Не было... Но Крауз вот туда поехал, а он сейчас идёт домой, хотя мог бы поехать с ним. Но не поехал... Не поехал потому, что Крауз этот умеет и

знает что-то такое, чего он, Николай, не умеет и не знает. И Катька у него одна и единственная именно поэтому, а не потому, что она лучше всех остальных. Вот и всё, ёлки-палки!

Было уже темно. Николай поёжился от холодного ветра, глубже втянул голову в поднятый воротник и со злостью пнул консервную банку, валяющуюся на обочине. «Катька, конечно, хорошая, но вдруг ещё лучше есть? — думал он, широко шагая и глядя себе под ноги. — Хотя, нет, не так... Глупость это, ерунда какая-то... Дело ведь не в том, что кто-то лучше, а кто-то хуже, просто вообще есть другие, не такие, как она... Но не будешь же всех подряд перебирать, чтобы узнать, какие они, это же идиотизм получается. Да и я ведь её люблю, она вон из армии меня дождалась, семья у нас, дочка. Мы ведь уже пять лет вместе. Точно, пять лет уже! И это при том, что мне-то всего двадцать два, — вдруг удивился он этим цифрам. — Ну и ладно, ну и пусть, чего ещё надо? А-а-й! Да ну его к лешему!» Он энергично мотнул головой, словно хотел, чтобы из неё вылетели все эти неприятные для него мысли.

Жены дома ещё не было, она работала во вторую смену и должны была прийти лишь в девятом часу. Тёща тихонько качала на руках Анютку:

— Зубки у неё уже резаться начинают, сегодня весь день хнычет.

Николай, сняв куртку, присел на табурет у двери.

— Я и печку-то вам не затопила, ты уж, Коля, сам, а то Анечку как положишь, так плакать сразу зачинает, — тёща посмотрела в личико внучки. — Ути, маленькие мои, зубики у нас режутся. Ну ничего, ничего...

— Да ладно, вы идите домой, — предложил Николай, — я сам управлюсь.

— Так ты печку уж сперва затопи, чтоб потом не отвлекаться, я и пойду тогда, — тёща энергично закачала девочку, которая снова захныкала. — Сейчас папа наш печечку затопит, дома тепло станет, и бабушка домой к себе пойдет, — голос у неё сделался елейным, и она засюсюкала, коверкая слова: — Не надо плакать, не надо, ути-ути, маленькие мои, Анечка наша...

Николая вся эта сцена с сюсюканьем почему-то неприятно раздражала.

— Чего вы с ней так разговариваете? — спросил он резко.

— Как? — не поняла тёща.

— Как с дурочкой недоразвитой. Нельзя нормально говорить, что ли, не коверкая слов?

Та изумленно посмотрела на зятя:

— Так чего такого-то? Она ж маленькая ещё, всегда так с маленькими говорят.

— Ладно... Я так просто, — Николай уже пожалел, что грубовато заговорил с тещей. — Может, она голодная?

— Да нет, я её покормила недавно. И поспали мы уже. Зубки это, зубки...

Николай затопил печку, и тёща, положив внучку в кроватку, быстро собралась и ушла домой. Анютка снова захныкала, и отец, подхватив её на руки, стал кружить по небольшой комнате.

— Ну всё, всё... Успокойся, — приговаривал он, но дочь не унималась.

Минут через двадцать пришла Екатерина. Уставшая, с потухшим взглядом, она, опустив плечи, села на тот же табурет, на котором сидел, придя домой, Николай, и стала снимать сапоги.

— Ой... — вздохнула она. — Чего-то я сегодня умаялась совсем... Сплошь валят простудники, как раз сейчас сезон такой. Всякие ОРЗ начались да прочие гадости.

Николай, держа на руках дочь, подошел к жене:

— Слушай, мать твоя говорит, у неё зубы режутся, хнычет весь день, и я вот как пришел, так ноет и ноет, в кроватку не положить.

— Ну да, началось у неё. Куда деваться, — без эмоций отреагировала на его слова жена, стягивая с себя плащ.

Николая её безэмоциональность немного разозлила:

— Что значит, куда деваться? Ты же медсестра, ёлки-палки! Сделай что-нибудь! Ты же мать, должна знать, что в таких случаях делать надо!

Екатерина удивленно посмотрела на мужа:

— Так, а чего тут сделаешь? Все они так... Дёсны у неё болят, чешутся. Надо просто что-то дать ей: соску, игрушку какую-нибудь, чтоб грызла. Меньше будет плакать.

— Ну вот и дай, — нахмурившись, Николай всучил дочку жене.

— Так я хотела ужин разогреть, — растерялась та.

Но муж, ничего не ответив и накинув куртку, вышел на улицу, сердито хлопнув дверью. У Николая снова поднялась внутри волна раздражения и неясной неудовлетворенности. Он пошел в углярку набрать на утро угля с дровами, но, оставив лопату в сторону, задумался: «А ведь и вправду — что я видел кроме Катьки? Ведь никого и не знал больше».

Ему снова вспомнились те две девушки, которые были в квартире, где они с Краузом устанавливали сегодня дверь. Были они совсем не такие, как его уставшая жена. Какие-то веселые, раскованные... «Хотя, нет... Это та, которая Татьяна, хозяйка — она веселая, а вторая, которая позже пришла, Елена, рыжая, та посерьезнее, но всё равно совсем другая», — думал он, стоя в тусклом свете слабосильной лампочки. «И одеты совсем по-другому, и разговаривают по-другому. Гм, интересно, как там Санёк сейчас один отдувается? — усмехнулся Николай. — Хотя, может, он и рад только, сказал же — ему больше достанется. А может, и вправду надо было с ним съездить? — но на душе от этой мысли неприятно заскребло, и он отмахнулся от неё. — Да ну нет! Глупости!» Набрав угля с дровами, Николай пошел в дом.

Утром, когда он пришел на работу, его распирали противоречивые чувства. С одной стороны ему не хотелось опять поднимать эту тему, где-то в глубине души она была ему всё же неприятна, но с другой — его распирало любопытство: как там вчера Крауз в гости сходил, спрашивали ли о нём, о Николае? Он не хотел уподобляться Вовчику и приставать с расспросами, но Крауз сам подошел к нему. Весело улыбаясь, он достал сигарету и закурил:

— Ну, Колян, подставил ты меня вчера.

— Чего?

— Чего-чего... Ничего... В следующий раз так не делай, вот и всё. А где, говорят, второй? Чего ты один заявился? Чуть за тобой не отправили. Татьяна весь вечер о тебе расспрашивала, а я толком ничего и сказать не могу. Говорю,

мол, женатый он, глупостями всякими не занимается, а они только смеются.

Толстобров, которому вчера было отказано в компании, изо всех сил делал вид, что разговор этот его нисколько не интересует. Зато Олег, вышедший сегодня на работу, проявил к новой для него теме интерес:

— Вы о чём? Что за Татьяна?

— Да вот, мы с Коляном вчера на установке были, с девочками двумя познакомились. Они нас в гости потом позвали, а он как уперся, — Крауз, стряхнув пепел, кивнул на Николая, — и ни в какую. Пришлось одному идти.

— Хэх! — усмехнулся Токмаков, присаживаясь на лавку в курилке, переехавшей к зиме с улицы в помещение, под вытяжную вентиляционную трубу. — Так я ж тебе говорил уже, Колян у нас однолюб. Угости сигареткой, у меня кончились.

— Так его никто любить и не заставляет, — Крауз протянул Токмакову пачку «Кэмел». — Так, в гости сходить, да и всё.

Николаю не понравилось такое обсуждение его персоны. Он сердито посмотрел на обоих:

— Мужики, может, хорош, а? Чего вы как бабы сидите, меня обсуждаете: однолюб, не однолюб... Не ваше это дело, вот и всё.

— Да ладно, ладно, — примирительно улыбнулся Александр, — не обижайся. Никто тебя не обсуждает, живи как хочешь. Только это... Тут ещё темка одна нарисовалась. Ты, случаем, подкальмить не хочешь?

— В смысле? — не понял Николай. — Где подкальмить?

— Дверь-то мы с тобой вчера поставили, но там, по-хорошему, надо бы по косякам шпаклевкой пройтись, щели, дыры позамазывать, да и дверь саму покрасить. Вот Татьяна — это хозяйка которая — и спросила, не можешь ли ты взяться?

— А тебя почему не попросила?

— Я почём знаю... Ты, наверное, больше доверия ей внушаешь. Да и мне, если честно, не до этого. А она говорит, у самой у неё не получится. Адрес ты знаешь. Она сказала, если согласишься, то в эту субботу она будет дома, пусть, говорит, приходит. Краска у неё есть, а замазку, если пойдёшь, просила,

чтоб ты сам купил. Естественно, и материалы, и труд будут оплачены.

Вовка Толстобров, возившийся тут же со сварочным аппаратом всё-таки не выдержал и, ощерившись, вставил свои «пять копеек»:

— Натурой? — и заржал как лошадь.

— Дурак ты, Вовчик, — покачал головой Николай. — Больше ни о чем думать не можешь.

— Ага, гормоны мальчику покоя не дают, — Крауз затушил сигарету. — В общем, смотри, Колян, я тебе сказал, а там уж сам решай.

Поднявшись с лавки, он бросил окурок в урну и пошел к большому столу, на котором лежал лист металла на очередную дверь.

— Я подумаю, — ответил Николай.

Предложение подкалымить, озвученное Краузом, засело у него в голове. Конечно, деньги лишними никогда не будут, подзаработать на стороне можно было, но он понимал, что за этой просьбой может скрываться что-то иное. И вот это «иное» вдруг взволновало его не на шутку. «Что она — дверь сама покрасить не может? Щели замазать? Так-то это как раз женская работа и есть, маляры вон почти все бабы. Хотя, разбери этих девиц нынешних, не похоже, чтоб она привыкла руками-то сильно работать. Им проще деньги отдать, чем самим возиться, пачкаться не хотят... — думал Николай, отрезая «болгаркой» уголок. — И, с другой стороны, не станет же она сама приставать ко мне. Приду, сделаю всё что надо, деньги возьму и — до свидания. Плевать, что она там ещё думает». На этом он и порешил.

4

В субботу утром, после завтрака, Екатерина, убирая со стола, сказала:

— Слушай, Коль, я с Анюткой вчера завертелась, из головы вылетело... Вчера отец твой заходил, часов в пять уже. Сказал, что баню будут сегодня топить пораньше, к обеду. Говорит, приходите часам к трем.

Николай, отложив ложку, вытер губы салфеткой.

— Я это... Тоже забыл тебе вчера сказать. У меня там калым один намечается. Как раз сегодня, так что я навряд ли смогу. Если хочешь, сходи одна с Анюткой, помоетесь.

— А что за калым? — жена присела к столу.

— Да на неделе там двери одним ставили, ну они и попросили заодно покрасить её, щели зашпаклевать. Так-то мы это не делаем, хозяйева сами потом, но раз попросили, вот я и подумал...

— Да? — голос у Екатерины стал расстроенный. Она вздохнула. — И так почти не видимся, ты целыми днями на работе, я часто во вторую... Думала, хоть в выходные вместе побудем.

— Да я и так каждые выходные дома, чего ты? — пожал плечами Николай. — Первый раз же такое. Да и деньги не лишние будут.

— Так-то оно так, конечно... Ну ладно, — Екатерина улыбнулась. — Иди, добытчик ты наш, зарабатывай нелишние деньги, — встав, она подошла к мужу и ласково поцеловала в щёку. — Когда пойдёшь-то?

— Да сейчас, управлюсь по дому и пойду. Часов в одиннадцать.

В комнате снова захныкала Анютка. У неё лезло два зуба на нижней десне, и она по-прежнему часто плакала. Николая это хныканье почему-то раздражало, и настроение портилось всякий раз как дочь начинала плакать. Сейчас он, снова морщась как от зубной боли, встал из-за стола:

— Кать, ну сделай что-нибудь, у меня, прям, голова сразу болеть начинает, когда она хнычет.

Жена виновато глянула на него:

— Так, чего я сделаю? Потерпеть просто надо...

Он ничего не ответил и ушел на улицу.

Николай думал о предстоящем визите. Вроде бы он и решил, что просто сделает работу, возьмет деньги и уйдет, но непонятное волнение нет-нет, да и подкатывало, сжималось в неприятный комок где-то под ложечкой.

И почему-то каждый раз ему вспоминался момент, когда он, позвонив в звонок, уже собрался, было, уходить, но дверь открылась, и оттуда показалось заспанное лицо хозяйки. Вспоминалась легкая припухлость её щёк, век, неряшливая, но

в то же время симпатичная растрепанность длинных светлых волос и та непосредственность, с которой девушка посмотрела на него своими большими глазами. В какой-то момент он вдруг ясно понял, что всё это — и глаза, и волосы — ему на самом деле очень и очень понравилось, и это в свою очередь злило его, но он ничего не мог с собой поделать.

«Может, плюнуть да не ходить? — размышлял он, выливая из железных бочек, расставленных под водосточными желобами, оставшуюся с лета воду. — Ведь я никому ничего не обещал, и даже Крауз не знает, что я идти надумал». Крауз вообще последние два дня даже не заикался на эту тему, словно и не было всех тех разговоров и подначиваний. Олег тоже молчал, а Толстобров со вчерашнего дня простыл, и в кооперативе остался один сварщик — дядя Федя, которому вообще до всего этого не было никакого дела.

Николай сел на березовый чурбак, стоявший возле пустовавшей стайки. «Да все уже давно позабыли про это, я один только как дурак хожу, чего-то накручиваю себе», — думал он, глядя на покрытую густым рыхлым иием жухлую траву.

Вода в лужах к утру покрывалась крепким хрустким ледком, но первого снега пока ещё не было. Листья на березах уже совсем облетели и лишь на отдельных осинах ещё желтели редкими яркими пятнами.

Отец предлагал Николаю съездить, пока нет снега, на мотоцикле за калиной: сейчас её было бы неплохо побрать, ещё не стылую, но уже подбитую морозцем, сочную и приятно-горькую. Но сын отнекивался: вся неделя была занята на работе, а в выходные хотелось отдохнуть, просто ничего не делать. «Но сегодня же ты собрался на калым, не отказался, а с батарей за калиной съездить у тебя времени нет, — усмехнулся Николай. — Как так-то, а? Неужели только из-за денег? Да ведь не так уж и много их там будет. Или всё-таки не деньги тебя туда манят? Колись, Коля, себя-то не обманешь». Вздохнув, он встал и пошел в дом: сидеть без дела на улице было прохладно.

До нужного дома надо было ехать на автобусе, но не очень далеко, всего четыре остановки. По дороге Николай зашел в хозяйственный магазин и купил банку шпаклевки,

шпатель и на всякий случай кисточку: про краску Крауз сказал, а вот про кисточку нет.

На звонок дверь сразу же распахнулась. На пороге стояла улыбающаяся Татьяна в коротеньком цветастом халатике, перетянутом в талии тонким пояском.

— Привет! — громко и радостно поприветствовала она Николая. — А я как раз к окошку подошла, смотрю — ты идешь. Заходи, разуйся!

Николай замялся:

— Здравствуйте. Да я проходить не буду. Вы скажите, что делать надо, а то мне Александр толком не объяснил. Так, в общих чертах только, — он старался не смотреть на хозяйку, отводя глаза в сторону.

— Ты чего мне «выкаешь»? — обиженным тоном спросила Татьяна. — Я что, такая старая? — она снова улыбнулась. — Тебя же Николай зовут, да? Твой друг так говорил, правильно?

— Ну да, Николай. Только он мне не друг, мы просто работаем вместе и всё.

— Да фиг с ним, какая разница. Ладно, не хочешь проходить — дело твоё. Ну вот смотри тогда... — девушка взялась рукой за железный косяк, но тут же перескочила на другую тему: — Слушай, а ты чего не пришел тогда? Мы вас обоих ждали. Или тот тебе не сказал? Он говорит, ты сам отказался. Чё, правда, что ли? — в её голосе снова послышались обиженные нотки.

Николай смутился ещё больше, хмыкнул:

— Хм... да я это... Некогда мне было, занят был вечером.

— А-а... Ну ладно. А чего тот — как его? — Саша, кажется, сказал, что жена тебя не пускает? — широко улыбнулась Татьяна. — Ты, правда, женатый, что ли?

— Женатый.

— И давно? Ты же молодой ещё.

Николай пожал плечами:

— Как из армии пришел, второй год уже.

Он по-прежнему старался не смотреть на девушку, скользил взглядом по стенам, по полу. А та стояла перед ним, привалившись спиной к стене и выставив вперед голую коленку, чуть не касаясь ею гостя.

— Ну ладно... Заболтала я тебя совсем, смотрю. Засмущала... — она вызывающе глянула в лицо Николаю, а в её глазах мелькнула уже знакомая ему нахалинка. — Прямо покраснел уже...

Он ничего не ответил, нахмурился и вдруг почувствовал, что и вправду покраснел. «Ёлки зелёные! Как малолетка какой», — рассердился он на себя, и, отвернувшись, снял куртку.

— Куда можно повесить?

— Давай, — Татьяна взяла куртку и повесила на крючок. — Вот смотри... — она подошла к двери. — А сначала чего — красить или замазывать?

— Замазывать, конечно.

— Ну тогда вот... Видишь, какие тут щели получились? Конечно, старая дверь на месте осталась, сквозь них и не видно ничего, но всё равно — не красиво: дыры, палец пролезет... Наверное, потому что стена неровная. Ты их замажь, а потом и покрасить всё. Щас я краску принесу, — повернувшись, она пошла на балкон. — Только слушай, у меня кисточки нету, — крикнула она оттуда.

— Я купил, — сказал Николай, открывая банку со шпаклевкой.

— Молодец, — Татьяна принесла с балкона банку голубой краски и поставила у двери. — Сразу видно — хозяйственный мужик, — она засмеялась.

Николай засучил у кофты рукава и стал замазывать шпаклевкой щели вдоль стального короба. В квартире было тепло, и он быстро вспотел, но снять кофту стеснялся, под ней была только майка. Ловко орудуя шпателем, он через сорок минут закончил эту работу и принялся за покраску. Татьяна ушла на кухню и что-то там делала: оттуда доносился звон посуды, лилась вода и через какое-то время пошли вкусные запахи.

— Татьяна, — позвал хозяйку Николай, — вы не могли бы дать мне пару газет, на пол постелить, чтоб не капать.

Девушка вышла в коридор.

— Ты опять мне «выкаешь»? — она сердито посмотрела на Николая.

— Извините. Ой... извини... Мне бы газет парочку.

Она принесла ему газет. Краска неприятно пахла, и девушка открыла балкон и форточку на кухне.

— Ну и вонища, — сморщив нос, она смотрела как Николай красит дверь.

— Просто это нитро. Она всегда так пахнет, зато сохнет быстро, через пару часов уже можно будет трогать.

— Да? Ну ладно, хоть так... Я-то в них не разбираюсь, просто цвет понравился, вот и взяла. Люблю, чтоб не темное было, а повеселее что-нибудь, поярче... Тебе нравится такой цвет?

Николай пожал плечами:

— Главное, чтобы ва... тебе нравилось. Я-то здесь при чём?

— Ну я просто спрашиваю.

— Вообще — нравится, я тоже темное не очень люблю.

— Ну и здорово! Значит, у нас с тобой одинаковый вкус, — и, повернувшись, Татьяна снова ушла на кухню, закрыв за собой дверь.

Через час Николай закончил работу.

— Я всё! — крикнул он.

— Всё? Какой ты шустрый! Ну тогда иди на кухню, буду обедом тебя кормить, — крикнула оттуда Татьяна. — Ту дверь не закрывай пока, пусть сохнет, а деревянную закрой.

Николай растерялся:

— Так... а зачем меня кормить? Я не голодный, — соврал он, поскольку на самом деле в животе давно уже урчало.

— Никаких «зачем», иди давай! Я тебя так не отпущу.

— Да не надо, я дома поем.

— Пока не поешь, я тебе за работу не заплачу, вот так вот! Ясно? Давай, давай! — она выглянула из кухни. — Разувайся, иди мой руки и на кухню, а я пока переоденусь.

Николай вздохнул и, сняв туфли, пошел в ванную. Татьяна, пока он мыл руки, сменила домашний халатик на джинсы и широкую футболку-разлетайку с большим вырезом и сидела ждала его на кухне у небольшого стола.

— Садись, — она решительно кивнула на стул, — ешь.

Николай сел. Перед ним стояла большущая тарелка солянки, тарелка с печёной кусочками картошкой и с большим поджаристым куриным окорочком, в бокале налит компот. В

центре стола было блюдо с коричневыми тостами, тонко нарезанной копченой колбасой, сыром, лежали пучки зелени, с краю — широкая, на высокой ножке, ваза со сливами, виноградом и яблоками. И всё это весьма и весьма вкусно пахло. Николай даже растерялся от такого изобилия:

— Куда так много-то?

— Ничего... Мужик должен хорошо питаться. Ты же работал, устал, вот и ешь, — улыбалась хозяйка, поставив руки локтями на стол и положив на них голову.

При этом перед ней самой не было ни супа, ни тарелки с картошкой. Она оторвала пару виноградин и отправила их себе в рот.

— А сама чего не ешь? — взял ложку Николай.

— Фигуру блюду, — Татьяна кокетливо повела плечиком.

Николай усмехнулся, но ничего не сказал. Съев несколько ложек супа, он одобрительно покачал головой:

— Вкусно.

— А то! Я же пирожковый техникум окончила.

— Какой, какой? — не понял Николай.

— Ну, пищевой, на повара-кондитера училась.

— А-а, ну тогда понятно... А работаешь где?

— В столовке на мебельной фабрике. Только я сейчас в отпуске, после ноябрьских выхожу.

Николай почувствовал себя свободнее. Та скованность, которая прилипла к нему с самого утра, и тем более, когда он пришел сюда, понемногу проходила. Он уже не боялся смотреть Татьяне в глаза, улыбаться ей. Ему импонировала её непосредственность и раскованность, и у него даже промелькнула мысль, что эта раскованность чем-то напоминала свободу и легкость Крауза. Она не лезла за словом в карман, не думала напряженно, что бы сказать, у неё тоже получалось всё как-то легко и просто. И сидеть с ней за столом тоже было легко и просто. И самое главное — она смотрела на него не оценивающе, как смотрят некоторые девушки на парней (от таких взглядов Николай всегда тушевался), она смотрела на него прямо и открыто, без претензий и каких-либо запросов.

— Ты здесь одна, что ли, живёшь? — поинтересовался он.

— Одна, совсем одна-одинешенька, — Татьяна притворно закатила глаза и грустно вздохнула. — А вообще-то мне от бабушки эта квартира досталась. Я же сама не местная, а здесь вот бабуля жила, папина мама. Вот я после восьмого класса к ней и перебралась, когда в техникум поступила. А бабулечка моя уже скоро два года будет как умерла, — девушка снова вздохнула, — а я вот тут так и живу. Сейчас думаю приватизировать квартиру, чтоб совсем моя была, чтоб не лез никто с претензиями своими, а то знаешь как оно в жизни-то бывает... Желающих до чужого добра хватает. Как в гости к бабуле приехать, пока жива была, так всем некогда, а я за ней и ухаживала, и утку из-под неё таскала, и купала её... Так что квартира теперь моя, вот так вот, — Татьяна серьезно и твердо посмотрела на гостя.

— А что, кто-то ещё на неё претендует?

— Да как сказать... Был тут один разговор неприятный, дядька мой двоюродный заикался... Ну мы ему сразу от ворот поворот, конечно, дали, но чем черт не шутит. Так что лучше подстраховаться, приватизировать. И прописана я тут одна, больше никого нету, — она взяла сливу, разрежала её ножом напополам, вынула косточку и протянула одну половинку Николаю. — Держи. Сейчас же приватизируют квартиры, чтоб в частной собственности были?

Николай взял сливу и пожал плечами:

— Я не знаю, мы в своем доме живем.

— Ой! — Татьяна вдруг подскочила на стуле. — Вот дура я, совсем забыла! — она сунулась в буфет и достала оттуда бутылку «Монастырской избы». — Открой, а? Сейчас штопор дам...

Но Николай заупрямился.

— Не-не... Вино я не буду, — замотал он головой. — Это ты зря.

— Чего ты? Оно же легенькое, — хозяйка поставила бутылку на стол.

— Не-не, даже не уговаривай. Ты чего? Как я домой приду? Чтоб от меня вином пахло? Не-не...

— Ну и зря! — Татьяна села обратно к столу. — Как там твой приятель говорил? Если на «ты», то надо по правилам — через брудершафт и поцелуи.

Николай от таких слов чуть не подавился и снова почувствовал, как кровь бросилась к голове. Он нахмурился и умолк.

— Ну ладно, ладно, — примирительно улыbnулась девушка, — я же шучу. Так... думала, выпить тебе с устатку немного.

— Спасибо, я не сильно устал.

Николай, доел картошку с окорочком и отложил вилку.

— Виноград бери. Это без косточек, кишмиш называется. Вкусню-ю-ющий, — Татьяна пододвинула к нему вазу с фруктами. — Слушай, Коль, а какая у тебя фамилия, если не секрет, конечно?

Николай с удовольствием съел несколько виноградин.

— Не секрет. Мартов.

— Как-как? Мартов?

— Ну да, Мартов.

— Ух ты, какая красивая фамилия! Прямо, дворянская какая-то, — и она проговорила торжественно и нараспев: — Николай Мартов, — и засмеялась. — Ты случаем не из аристократов будешь?

Николай улыbnулся:

— Ну да, графья мы — Мартовы...

Татьяна чуть поморщила носик:

— Слушай, я вот сижу, принимаюсь, ничего понять не могу: то ли из коридора ещё краской так несет, то ли от тебя ею пахнет? — она привстала и наклонилась к Николаю. — Ну точно от тебя, кофта твоя провоняла, — выпрямившись, она взяла с холодильника небольшой флакончик. — Давай хоть так, что ли... — и девушка пару раз быстро прыснула на кофту Николая какими-то духами.

Тот вскочил со стула и вытаращил глаза:

— Ты чего делаешь-то? Зачем?

— Да я ж говорю, чтоб краской не воняло.

— Ну ты дасшь! — Николай стоял и обнюхивал свою кофту. — А теперь от меня не краской, а женскими духами вонять будет.

— Духи не воняют, а пахнут. Ты знаешь, сколько они стоят? Польские, между прочим...

— Да мне-то какая разница, какие они? Зачем мне это?

— Ой!.. Да не бойся ты... — девушка скусила свое милое личико. — Пока дойдешь до дома, выветрится всё сто раз, ничего твоя жена не учует. Я ж тебе говорю — брызнула, чтоб хоть сейчас от тебя краской не воняло.

Николай не знал, что делать. С одной стороны такая выходка Татьяны его рассердила, но с другой — всё это опять было сделано как-то беззлобно, непосредственно, и он махнул рукой: «Ладно, фиг с ней. Правда, выветрится, пока домой приеду». Но садиться за стол он больше не стал.

— Ладно... Спасибо тебе за обед, всё очень вкусно было, но мне пора уже, — Николай посмотрел на девушку.

— Так ты чая ещё не попил, — удивленно раскрыла глаза Татьяна. — У меня там пирожки настряпаны, в духовке вон лежат. Ты обиделся, что ли, что я пшикнула на тебя? Ну, правда, краской пахнет.

— Да нет, я не обиделся. Спасибо, но я наелся уже, пора мне.

Он открыл дверь и вышел из кухни.

— Ну-у... — разочарованно протянула хозяйка. — А для кого я тогда пироги пекла? С малиной, между прочим, и с грибами. Знаешь, какие вкусные...

— Да мне, правда, идти уже надо, — стал оправдываться Николай.

Девушка вздохнула и вышла следом. Он обулся, надел куртку и, чуть помявшись, спросил:

— Ты это... Ты мне за шпаклевку деньги дай, а?

— Тьфу ты! — Татьяна стукнула себя ладошкой по лбу. — Я ж снова забыла. Вот память дырявая, девичья. Сколько там я тебе должна? — она достала из висевшего на вешалке плаща кошелек.

Николай замялся. У него ещё за столом мелькнула, было, мыслишка вообще не брать с Татьяны денег за работу, попросить только за шпаклевку, кисточку и шпатель, но потом подумал: «А почему, собственно? Кто она мне такая? Даже и знакомой-то не назвать. Ну, накормила она меня обедом, но не за харчи же я всё это делал?» Но вот сколько попросить за сделанную работу, он не знал — никогда раньше он сам не оценивал свой труд, работал всегда за зарплату.

Между тем девушка достала несколько купюр из кошелька:

— Хватит столько? Я не знаю, сколько там это всё у вас стоит.

Тут было немногим больше стоимости потраченного Николаем в хозяйственном магазине, но он кивнул:

— Хватит, нормально, — взяв деньги, он сунул их в карман куртки.

Но потом произошло то, чего он совсем не ожидал. Вдруг вскрикнув: «А я тебя всё равно поцелую!», Татьяна подскочила к нему, обхватила руками шею и, притянув к себе, звонко и сильно поцеловала прямо в губы. Николай даже не успел толком сообразить, что произошло. Он ошалело схватил девушку за талию, чтобы отстранить от себя, но она уже сама отскочила, весело смеясь.

— Вот теперь мы с тобой точно на «ты»! — закричала она, а в её глазах всюю плясала та самая нахалинка.

— Ты чего?! — только и смог вымолвить обескураженный Николай.

Дыхание у него сперло, а самого бросило в жар. Он сердито мотнул головой и гневно посмотрел на девушку.

— Ты опять обиделся, что ли? — Татьяна перестала смеяться и стояла с виноватым лицом, но легкая улыбка всё же не оставляла её.

— Кто так вообще поступает? — он вытер тыльной стороной ладони свои губы. — В следующий раз думай, что делаешь.

Повернувшись, Николай открыл дверь и вышел на лестничную клетку.

— Коль, ну не обижайся, — девушка сунула ноги в тапки и вышла за ним в подъезд. — Просто у меня настроение хорошее было.

— Всё, я пошел, до свидания, — он зашагал вниз по лестнице.

— Коль, погоди... — Татьяна подошла к перилам. — А когда следующий раз-то будет?

Он, не понимая, о чем идет речь, остановился и поднял голову:

— Какой ещё «следующий раз»?

— Ну ты ж сам сказал, в следующий раз думать, что делаю, — и она опять улыбнулась.

— Да ну тебя... — Николай махнул рукой и через ступеньку запрыгал вниз, вслед ему раздался звонкий Татьянин смех.

Выйдя на улицу, он остановился возле подъезда, чтоб перевести дыхание и немного успокоиться. На губах оставался привкус Татьяниной помады, и он снова вытер их ладонью. Николай не мог понять, чего в нем было больше — злости на её выходку с поцелуем или неясного незнакомого чувства, которое неожиданно вдруг нахлынуло на него при этом.

Это было что-то новое для него: непонятная смесь восторга и желания. За талию он её схватил машинально, чтобы оттолкнуть, но в итоге на ладонях осталось только воспоминание о её теле. Всего-то одно касание, буквально секунда, но ему казалось, что он и сейчас ещё держит её. Там, под футболкой-разлетайкой было упругое, сильное, но вместе с тем, нежное и податливое женское тело.

При этом воспоминании по спине Николая буквально побежали мурашки. Он, кроме своей Екатерины, ещё никого и никогда в своей жизни так не обнимал. Так ведь и не объятие это было вовсе, даже наоборот, но всё же... А уж чтобы его кто-то вот так вот, со всего маха, взял, да и поцеловал прямо в губы. Николай облизнул их.

— Извините, вы не скажете, сколько времени? — спросил он женщину, входящую в подъезд.

Та глянула на часы:

— Три, начало четвертого.

— Спасибо.

«Можно, конечно, ещё к отцу в баню успеть, — подумал он и пошел через двор к дороге. — Пока они с матерью помоются, потом и мы подойдем». Но на полпути к остановке он остановился. Николай вдруг почувствовал, что не хочет торопиться домой. Почему-то не хотелось ему спешить, хотелось побыть одному.

В голове у него опять раздался веселый смех Татьяны, а губы будто снова ощутили её горячее прикосновение. «Черт, что за ерунда! — разозлился он. — Всё! Всё!! Забудь! Чушь какая-то... Ты больше и не увидишь никогда эту Татьяну! Да и

вообще... идёт она куда подальше! — выдохнув, он энергично потер лицо руками, потом расстегнул куртку и понюхал кофту; та всё ещё пахла духами. — Ладно, бог с ней, с баней, лучше пешком домой пройдуся, чтоб духи эти дурацкие выветрились».

И он, не застегивая куртки, не спеша зашагал в сторону дома, стараясь выкинуть все события сегодняшнего дня из головы. Погода была хорошая, почти безветренная, а в небе сквозь редко плывущее облака часто выглядывало осеннее солнце.

...Но духи не выветрились. Когда Николай через полтора часа пришел домой, Екатерина, державшая на руках дочь, радостно заулыбалась:

— А вот и папка наш пришел, добытчик наш. Деньги папка ходил зарабатывать, — положив дочь в кроватку, она подошла к мужу и обняла его. — Обедать сразу будешь?

— Да нет, я не голодный, — признался Николай.

— А где ты поел? Ой... от тебя духами пахнет... — радостная улыбка спала с лица Екатерины, и она отступила на шаг назад, внимательно и с некоторой тревогой глядя на мужа.

— Да там... — поморщился он. — Краска просто капнула на кофту, ну и пришлось ацетоном оттирать. А хозяйка потом говорит, чтоб не воняло сильно, давайте я на вас духами брызну. Ну и брызнула, — соврал Николай.

Он на всякий случай выдумал эту историю пока шел домой.

— Да?.. Ну понятно, тогда, — продолжала смотреть на него Екатерина. — А поел тоже там, что ли?

— Ну да... Они предложили в конце, когда я всё сделал. Да там немножко... Так... чаю попил с пряниками.

— Так, может, положить тебе всё же? Я картошки недавно пожарила, горячая ещё. Думала, ты раньше придешь.

— Да не надо.

Николай стащил через голову кофту и бросил её в корзину с грязным бельем для стирки.

— Ну как знаешь. В баню-то не пойдем уже?

— Да поздно, наверное.

— Ну ладно, я тогда стирать буду. Ты поставишь стиралку на кухню?

— Хорошо.

Вечером, когда Анютка уже спала, а Екатерина, растрепанная и вспотевшая, достирывала на кухне, Николай сидел в комнате и смотрел на неё через открытую дверь. Он никогда особо не задумывался, красивая ли у него жена. Да, наверное, не королева красоты, но она ему нравилась, и этого было достаточно. И ни с кем никогда он её не сравнивал. Да и с кем было сравнивать? С тех пор как они подружились, он больше ни на кого и не смотрел. Казалось — всё, нашел он свою половинку и на этом надо остановиться.

Екатерина вытерла рукой со лба пот и, наверное, почувствовав на себе взгляд мужа, глянула на него. Улыбнувшись, она устало кивнула ему. Николай машинально улыбнулся в ответ и отвел глаза.

Но как ни старался он выбросить из головы всё, что произошло сегодня в квартире Татьяны, мысли постоянно возвращались и возвращались туда. И сейчас, сидя в кресле, он думал: «Почему Катя никогда меня так не целовала? Вот так вот — чтоб схватить самой и р-раз! Она словно боится всегда чувства свои показать. А, может, и нет таких чувств, чтоб хватать и целовать? Но ведь любит же она меня, не может не любить, ведь из армии ждала, да и сейчас живем, вроде, нормально». Но тут же снова вспоминалось, как он схватил сегодня Татьяну, чтоб оттолкнуть от себя, и как почувствовал при этом упругость её тонкой талии, и сердце сразу начинало биться быстрее.

Или надо было, может, наоборот — прижать к себе? Не отпускать? И губы её — чуть влажные, мягкие, но в то же время сильные, уверенные. Может, тоже надо было удержать их, ответить им? Может, вот это и есть то, чего он не умеет, чего он не знает? О чем рассказывают остальные пацаны, тот же Крауз? Вот так вот взять и прижать, и всё... И что? А ничего... Ничего страшного не случилось бы, и небо не обрушилось бы, и земля бы не разверзлась под ногами. Так всё просто... Просто и легко... И ведь какая-то секунда всего была, а он забыть не может эту секунду. Хотя, может, перед той секундой всё к ней и шло, к секунде этой? Может к ней всё и шло с того момента как открыла она ему дверь тогда, в первый раз? И если б не было всего, что предшествовало ей, так и секунды бы этой не было? «Но зачем я-то ей нужен, Татьяне этой? Я-то ей зачем?

Целоваться не с кем, что ли? Мало холостых, неженатых? Не влюбилась же она в меня. Тыфу ты! — ругнулся он, мотнул головой и встал. — Нет, надо выкидывать всё это из головы».

— Я за углём, — бросил он жене и, одевшись, вышел во двор.

5

К удивлению Николая, в понедельник утром никто даже не поинтересовался его субботней подработкой. Хотя, если честно, он ждал и боялся этих вопросов, на сто раз прокручивал в голове, что и как лучше сказать Краузу с Олегом. Но, похоже, все просто забыли об этом, ведь речь-то о калыме шла почти неделю назад. Это у него самого Татьяна со своим поцелуем всё воскресенье не шла из головы, и он думать больше ни о чем не мог, хоть и гнал прочь от себя мысли о ней. Однако на работе все молчали, а Вовка Толстобров, обычно помнящий такие вещи и живо интересовавшееся всем, что связано с женским полом, всё ещё болел. Николай же был этому только рад, и день начался как обычно.

За работой Николай отвлекался от навязчивых мыслей о Татьяне и за неделю более-менее успокоился. Ездить на установку дверей они с Олегом стали поочередно, неизменным в бригаде установщиков оставался только Крауз за рулем УАЗика.

На следующих выходных, в субботу с утра, Николай всё же съездил с отцом за калиной, так как отказывать ему дальше было уже стыдно. Набрали каждый по полтора ведра. Потом, вечером парились в бане, а после все вместе сидели за столом, разговаривали, обсуждали новости и ставшую совсем непонятной жизнь.

Дома Николай старался вести себя как обычно, но всё же он немного изменился, став более молчаливым и задумчивым. Если раньше он почти каждый день перед сном рассказывал жене о том, как идут дела на работе, что нового или просто интересного произошло, то сейчас молча поворачивался на бок и быстро засыпал.

— Коль, что-то случилось? — спросила Екатерина в воскресенье за завтраком, внимательно глядя мужу в глаза. — Ты в последние дни какой-то не такой стал.

Он чуть нахмурил брови и слегка пожал плечами:

— Какой не такой? Обычный.

— Да нет... Всё молчишь, не рассказываешь ничего.

— Да брось ты... Чего рассказывать-то?

— Ну раньше же рассказывал: как на работе дела, что нового...

— Ну так и чего?! — вспыхнул вдруг муж. — Я тебе не Шахерезада, сказки перед сном рассказывать.

— Да ладно... Чего ты? Я же просто спросила, — лицо Екатерины опечалилось. — Думала, может, случилось чего. Вдруг, приболел, да мало ли...

— Ничего не случилось, — Николай раздраженно отставил кружку с недопитым чаем и вышел из-за стола.

Он сам заметил в себе эти изменения, и они ему не нравились. Он бы с удовольствием отмотал время недели на две назад, когда всё ещё было простым и понятным, когда на душе был мир и покой, и так бы и жил дальше, ничего не меняя. Так ведь не отмотаешь... Нет-нет, да и вспоминал Николай о Татьяне, вспоминал тот поцелуй её проклятый, коленки её голые, глаза с нахалинкой... Он тут же гнал прочь эти воспоминания, старался занять себя чем-нибудь, чтоб только не думать об этом: «Надо, просто, чтоб время маленько прошло и всё, — убеждал он себя. — И забудется это, и вылетит из головы».

Оно бы, наверное, так и вылетело, но на следующей неделе в четверг Крауз вдруг как ни в чем не бывало заявил с утра:

— Колян, тебя Ленка в субботу на день рождения приглашает.

— Какая Ленка? — не понял тот.

— Как какая? Ну Танькина подружка. Рыжая, которая потом-то подошла, когда мы дверь ставили. Забыл, что ли?

— А-а... — Николай понял, о ком шла речь.

«Ёлки-палки, не было печали, — помрачнел он. — Нафига мне этот день рождения сдался?» Пожав плечами, он мумро сказал:

— Так, а я тут при чём?

— Что значит «при чём»? На день рождения, говорю, приглашает. Чего не понятного?

— Да ну... — протянул он. — Я не пойду, чё я там делать буду?

Крауз удивленно посмотрел на него:

— Как — что делать будешь? То же, что и остальные. Что люди на днях рождения делают? Общаются, танцуют, балдеют... Что, ни разу на дне рождения не был? Кстати, если ты паришься по поводу подарка, то ничего не надо. Ленка так и сказала — никаких подарков.

— Да при чём тут это... Просто, ну кто мне она? Чего я к ней пойду? Я ведь не знаю её толком.

— Ну как хочешь, — не стал больше уговаривать Александр. — Я тебя агитировать не собираюсь, не маленький, сам решай.

Но камень в воду был брошен, и круги от него пошли. И опять всплыло в памяти у Николая всё, что случилось в ту субботу, — двух недель ещё не прошло. И заныло опять у него в груди, и словно тоска какая захлестнула, и вдруг ужасно ему захотелось снова увидеть Татьяну эту, будь она неладна. «Да фиг с ним, схожу, посижу немного и всё, — убеждал себя Николай в течение дня. — Так... ненадолго. Ничего же не случится. Только надо придумать, что Катьке сказать».

Вечером, когда уже переоделись и вышли на улицу, он подошел к Краузу, который ножным насосом подкачивал колесо у своей «девятки», и спросил как можно более безразличным тоном:

— А где день рождения-то будет?

— Ленкин-то? Надумал, всё же? Ну и правильно!

— Да не знаю ещё, посмотрю, как дома будет. Там батя, просто, просил помочь ему кое-что сделать... — выдумывал на ходу Николай. — Не знаю пока, может, и схожу ненадолго.

— Понятно, — Александр продолжал подкачивать колесо. — День рождения у неё дома будет, у них квартира трехкомнатная. Они с матерью вдвоем живут, но та обещала уйти на все выходные куда-то, к подружке, что ли, не знаю. Так что, вся хата в нашем распоряжении.

— А кто ещё будет?

— Да там немного... Человек десять от силы. Ну я, понятное дело, Танька, ты вот, если пойдешь, и ещё человек пять-шесть, знакомые разные.

— Ясно... Но я всё же, Санёк, как-то сомневаюсь, я ж никого там не знаю.

— Почему никого? Я же тебе говорю — я буду, меня-то ты знаешь? Таньку знаешь, Ленку видел, кого тебе ещё надо? С остальными познакомишься, делов-то...

— А где это? В смысле, адрес какой? И во сколько?

— К пяти приглашает. А адрес... — Крауз, отсоединив насос, спрятал его в багажник. — Давай так сделаем: ты полпятого сюда подходи, к кооперативу, я подъеду, тебя подхватчу и вместе поедем.

Подошел Олег.

— Куда едем? — услышал он последнюю фразу.

— Да нас с Коляном тут на день рождения позвали, вот договариваемся во сколько встречаться.

— А-а... А мне нельзя на хвост вам упасть?

Крауз пожал плечами:

— Не знаю, давай я сегодня у именинницы спрошу, как там с балансом женского и мужского пола. Сам понимаешь, если пацанов перебор будет, то тоже не порядок.

— Добро... — кивнул Токмаков. — А то мне в субботу всё равно делать нечего.

— Ладно, завтра поговорим.

Наутро Крауз обрадовал Олега:

— Можешь приходить, как раз парней на одного меньше было. Только смотри, я за тебя поручился, что ты пацан нормальный. Ленка дама сурьезная, не любит шантрапу всякую.

— Не бойсь, всё пучком будет, — расплылся в улыбке Токмаков. — А куда идти-то и ко сколькí?

Александр объяснил и предложил собраться всем у кооператива, чтобы ехать вместе. Но Олег сказал, что ему будет ближе добираться до места из дома, поэтому решили встретиться в пять возле Ленкиного подъезда, и потом уже пойти в квартиру сразу втроем.

Выздоровевший Толстобров, уловив, что речь идет всё о тех же девчонках, от которых его уже однажды отшили, даже не подходил со своими просьбами. Вовчик лишь криво ухмылялся,

делая вид, что ему всё это «глубоко до лампочки». К тому же он ещё в среду гордо заявил, что познакомился с «одной высшей девочкой», поэтому ходил гоголем.

Весь оставшийся день Николай думал, правильно ли он поступил, что согласился пойти на этот день рождения. Время от времени его начинала мучить совесть, становилось стыдно перед женой, но он говорил себе, что ничего страшного не делает: «Подумаешь, на день рождения схожу. Я что — привязанный? Я же ничего такого не делаю. Ну потанцевать маленько, выпить, расслабиться чуть-чуть. Я ж и так всегда дома, не пью, не гуляю. Работа, дом и всё. А Татьяна эта... Да плевать мне. Она сама по себе, я сам по себе».

Он уже забыл, что всего лишь день назад решил идти на день рождения к Елене только из-за того, что ему вдруг нестерпимо захотел снова увидеть Татьяну. Стыд от того, что он поступает нехорошо по отношению к жене, желание оправдаться в собственных глазах заставили его к концу дня убедить себя в том, что он идёт «просто немножко отдохнуть», почти как в парк сходить на карусели прокатиться, не более...

6

В субботу, сразу после завтрака, он, будто бы спохватившись, наконец заявил жене:

— Да, слушай... Я вчера забыл тебе сказать. Меня на день рождения сегодня пригласили.

— Кто? — удивленно подняла брови Екатерина.

— Да на работе у нас один мужик есть.

— А ко сколькй?

— К пяти.

— Здорово, — улыбнулась жена. — Я уже сто лет нигде не была. А Анютка как же? Надо будет мою маму попросить, чтоб посидела с ней тогда. Ты сбегашь к ним, позовешь её?

— Анютку? — Николай сдвинул брови. — Да нет, ты не поняла... Меня одного позвали. Я один пойду.

— Как один? — Екатерина, мывшая посуду, отложила мыльную губку в сторону. — А я?

— Так там одни мужики будут, без жён. Если бы семьями, тогда другое дело, но он типа мальчишника что-то организует. Он сам, просто, не женатый, ну и вот...

— А-а... — Екатерина расстроено вздохнула. — Ну, тогда, ладно.

После обеда Николай стал собираться. Ему хотелось пораньше уйти из дома, поскольку в присутствии Екатерины всё же чувствовал себя неловко. Тщательно побрившись, он стал думать, что надеть. Впрочем, большого выбора у него и не было, но он всё равно несколько раз то снимал, то надевал три своих рубашки, примерял единственную выходную кофту, но потом подумал, что в ней может быть жарко, и в итоге всё же остановился на одной из рубаш.

Екатерина, наблюдавшая всё это время со стороны, как муж бегаёт туда-сюда от шкафа к трюмо, не удержалась и заметила:

— Ты, прям, как на свидание собираешься.

Николай слегка покраснел и сердито хмыкнул:

— Скажешь тоже... При чем тут свидание?

— Да выбрать никак не можешь, в чем на мальчишник идти. Сроду так никуда не собирался.

— Ну... не просто же мальчишник, а день рождения всё-таки. Не пойду же я как попало.

— Да мне-то всё равно, иди, в чём хочешь, я так просто говорю. Тебя когда ждать-то?

— Точно не знаю, но думаю, что долго не буду. Часика два-три посижу и всё.

Наконец, собравшись, Николай ушел. Ушел, можно сказать — убежал, из дома намного раньше, чем было нужно. Не спеша дошел до кооператива и стал ждать Крауза. В кооперативе по случаю выходного дня никого не было, за исключением Сергея Михайловича. Увидев в окно Мартова, директор вышел из своей кандейки.

— А ты чего сегодня пришел? По работе уже соскучился? — поинтересовался он.

— Да нет... Мы с Саней Краузом договорились здесь встретиться. На день рождения вместе идем.

— А-а... Так, а чего на улице жмётся? Холодно ведь, заходи внутрь.

— Да ладно, он уже сейчас подъедет, — отказался от предложения Николай, поёживаясь от ветра и сильнее натягивая на голову вязаную спортивную шапочку.

— Ну как знаешь, — директор ушел обратно.

На улице действительно становилось довольно холодно и ветрено, а с востока наплывали тяжелые темные тучи.

В оговоренное время Крауз подрулил к кооперативу. Сев к нему в машину, Николай кивнул на руль:

— Я забыл тебя вчера спросить, ты-то сам как сегодня? Пить не будешь, что ли?

— Почему? — не понял Крауз.

— Ну домой-то как поедешь? Ты же за рулем. Или там машину бросишь?

Александр, удивленно посмотрев на Николая, усмехнулся:

— Так-то я домой сегодня ехать не собирался.

— А-а... — протянул тот и ухмыльнулся. — Понятно...

— погоди, я вот чего не понял, — Крауз тряхнул головой.
— А у тебя-то с Танькой что — ничего не было ещё, что ли?

Николай промолчал.

— Ты, кстати, тогда-то к ней ходил, в субботу? Двери замазывать да красить?

— Ходил, — угрюмо ответил Николай.

— И чего?

— Что «чего»? Ничего.

— В смысле — ничего? Чё было-то?

Николай пожал плечами:

— А что должно было быть? Замазал, покрасил. Обедом накормила.

Крауз, откинув голову на подголовник, захохотал.

— Чего ржешь-то как конь? Ты на дорогу смотри лучше, — рассердился вдруг Николай.

— Ой, уморил! Коля, ты Коля... Тебя девушка домой к себе пригласила, одна, дома никого нет, накормила, напоила, спать ещё уложить хотела, да тут Коля ей попался, — он снова захохотал. — Вкусно, поди, было, а? Она ж повариха, готовит-то супер...

— Ну и что? Я почем знаю? Ты же сам сказал — калым.

— Коль, ну так это ж так, повод только, неужели не понятно? Она познакомиться с тобой хотела поближе. Ой, ну ты и тютя... — Александр ловко рулил, обгоняя попутные машины.

— Сам ты тютя.

— Так ты с тех пор и не виделся с ней, что ли? Я-то думал, что у вас всё на мази, что ты так просто не хотел к Ленке идти.

Николай молча отвернулся к окну. От низко нависших туч, быстро бежавших по небу, на улице было сумрачно.

— Мда-а... Ну тогда понятно. То-то Ленка говорит, Татьяна просила передать, чтобы Николай обязательно приходил, соскучилась она по нему. Ты хоть сегодня-то ушами не хлопай, — Крауз легонько пихнул Николая кулаком в плечо. — Ладно, скоро подъедем.

Олег, прыгая на месте, уже ждал их у подъезда:

— Во дубак-то после обеда накатил! Ветрище поднялся, а я чё-то оделся совсем по лёгкому.

— Сейчас согреешься, — подбодрил его Крауз.

Все вместе поднялись на третий этаж, где была квартира Елены. Остальные гости уже пришли и ждали только их. Татьяна, увидев Николая, тут же высказала ему обиженным тоном, словно они были знакомы сто лет:

— Коль, ну и куда ты пропал? Как ушел тогда, так и с концами.

Тот растерянно пожал плечами:

— Так, а чего... Мы ж не договаривались.

— А сам додуматься не можешь, да? — и тут же сменила роль «обиженки» на милость. — Ладно, уж... Прощаю! — и весело глянула на него.

У Николая же, как только он увидел её, сразу ёкнуло в груди и во рту стало сухо. Татьяна сегодня выглядела весьма и весьма эффектно. Светлые волосы красивыми длинными локонами спадали на открытые плечи, короткое темно-синее платье плотно облегалo её стройную фигурку, подчеркивая тонкость талии и женственность бедер, а на ногах были модные черные колготки с цветочным орнаментом. При этом от неё исходил аромат тех же самых духов, которыми она брызнула тогда на Николая.

За стол их усадили рядом. Татьяна сразу же начала ухаживать за ним, накладывая Николаю в тарелку салаты, овощную нарезку, сыр...

— Между прочим, вот эти два салата я готовила, — она кокетливо искоса глянула на него и улыбнулась, показывая

белые ровные зубы. — Попробуй, тебя потом за уши не оттащишь.

Он на мгновение засмотрелся на её губы, вспомнив, как она тогда поцеловала его, и сердце снова взволнованно забилося. Ему хотелось унять это волнение, как-то расслабиться, поэтому, когда стали по очереди поднимать тосты за именинницу, он с удовольствием выпил несколько рюмок водки.

Большинство приглашенных уже знали друг друга, и за столом сразу начались разговоры о каких-то совместных делах и прошлых событиях. Крауз занял стул возле именинницы, сидевшей во главе стола. Он чувствовал себя как рыба в воде, было видно, что он был в этой квартире уже неоднократно, легко и весело общался со всеми. Олег, хотя никого и не знал, но как-то быстро вошел в курс дела. Выяснилось, что у него есть общие знакомые с присутствующими, поэтому он тоже болтал почти не умолкая.

Николай же, хоть и выпил, но больше молчал. Он был не против разговориться, однако не получалось. То тема была ему совсем не знакома, то не находилось нужных слов в нужный момент, поэтому он в основном сидел и, молча улыбаясь, смотрел по сторонам, вставляя лишь короткие реплики. Татьяна постоянно пыталась втянуть его в общий разговор, пихала то локтем, то коленкой под столом, что-то спрашивала и без конца подкладывала в тарелку.

Выпитый алкоголь подействовал, и Николай и вправду постепенно расслабился, почувствовал себя легче, свободнее и смотрел на свою соседку уже повеселевшими глазами.

— Ой, ребята, а вы знаете, какая у Коли фамилия? — вдруг закричала Татьяна.

Все посмотрели на него.

— Какая?

Татьяна медленно и торжественно проговорила:

— Мартов! Вы представляете? Прям, дворянская фамилия, правда же? Николай Мартов! Звучит же?

Гости засмеялись, а Николай заулыбался:

— Фамилия как фамилия, ничего особенного...

— А что, может, до революции твои предки дворянами были? — предположил кто-то. — Покопаться, так, может, так

оно и есть? Сейчас, я слышал, некоторые снова грязьями делаются. А?

Именинница усмехнулась и подмигнула Татьяне:

— Слышь, Танюха... А как тебе — Татьяна Мартова? По-моему, красиво.

Татьяна, откинувшись на спинку стула, засмеялась:

— Ой, Ленка, ну тебя! Ты жас наговоришь... Красиво-то, может, и красиво, да наш Коля уже женатый, — она потрепала его по волосам.

— Ну-у... Женатый, это дело поправимое, — продолжала хозяйка. — Сегодня женатый, завтра неженатый...

— Ладно ты, не смущай его, — посмотрела на своего соседа по столу Татьяна, — а то убежит ещё. Он у нас такой, скромный.

Николай и вправду смутился после сказанного Еленой, но, к его счастью, кто-то вдруг закричал:

— Ой, смотрите, снег какой повалил!

И внимание всех тут же переключилось на то, что творилось за окном. А там началась настоящая метель. В быстро густеющих сумерках снег валил крупными хлопьями, беспорядочно мельтешил из стороны в сторону и быстро заметал землю.

— Вот тебе и первый снег, — промолвил кто-то. — Сейчас сразу как навалит и всё, не растает больше.

— Да и пускай! И так до ноября два дня только осталось. Уж лучше так, чем грязьца будет да слякоть.

Через некоторое время, когда все были уже изрядно навеселе, музыку, игравшую всё это время фоном, сделали погромче и решили танцевать. Свет приглушили, сдвинули в сторону стол, стулья и запрыгали, заскакали. Было тесновато, но весело.

Николай старался не отставать от остальных, а Татьяна, красиво двигаясь, буквально извивалась перед ним своим гибким телом. Она не была чересчур пьяна, только в глазах уже знакомая ему нахалинка так и рвалась, просилась на волю.

Николая эти её глаза и смущали, и влекли одновременно. Он то отводил взгляд в сторону, то смотрел прямо в них, и тогда ему вдруг становилось жутко, в груди всё сжималось, в голову поднималась горячая волна, и его бросало в жар.

— Ой, ребзя, у меня же кассета с Варум в куртке лежит!
— через некоторое время закричал кто-то из парней.

— Тащи давай! — заорали все хором.

— Блин, она ващ-ще классная! Эге-ей!! — пьяно закричал Олег и вдруг выдал ногами такие кренделя, что все захохотали.

Из колонок зазвучало:

Печален был ночной звонок,

И новый день тебе не нужен.

Прощальный наш с тобою ужин,

Он расставания предлог.

Татьяна тут же положила руки Николаю на плечи и, задрав голову, прижалась к нему всем телом. Он крепко обнял её, держа обеими руками за талию. Кто-то совсем выключил свет. Когда песня дошла до припева, Татьяна стала тихонько подпевать: «Гуд бай, мой мальчик, гуд бай, мой миленький», но потом, по-прежнему глядя Николаю в глаза, твердо произнесла:

— А вот и не гуд бай, я не согласна. Правда, Коль?

Он ничего не ответил, только усмехнулся в ответ. Её волосы щекотали ему лицо, а запах духов был так приятен, что хотелось уткнуться в эти волосы лицом и так и стоять.

— Коль, скажи, а я тебе нравлюсь? — вдруг спросила Татьяна.

Он немного растерялся, но потом, прямо посмотрев на неё, прошептал:

— Нравишься.

Она, улыбнувшись, промолчала. Песня закончилась, и снова началась быстрая музыка. Все заскакали, запрыгали, но Татьяна по-прежнему не отпускала Николая, медленно переступая ногами не в такт музыке. Они отошли в сторону, чтоб не мешать остальным, и так и стояли, пока не началась другая медленная песня.

Но Татьяну танцы уже не интересовали. Она постепенно оттеснила Николая в соседнюю комнату, и он в оранжевом отсвете уличного фонаря, еле освещавшем стены, увидел её широко открытые, какие-то шальные глаза. Серьезно посмотрев на него, Татьяна обвила руками его шею, и Николай почувствовал, как её губы коснулись его губ. И тут же он словно провалился в бездонную яму и летел, летел туда так, что закружилась голова.

Наконец-то он опять чувствовал эти губы — мягкие, сильные, смелые... Он понял, что именно этого на самом-то деле и хотел все эти две недели, этого ему и не хватало, это и не давало ему покоя. Эти губы знали, что нужно делать, и он с желанием ответил им, сильнее прижимая Татьяну к себе.

Она, не переставая целовать Николая, ногой пихнула комнатную дверь, закрыв её, и повалила его на низкую кровать, стоявшую у стены. Наконец оторвавшись от его губ, она зашептала:

— Хороший мой. Ты только мой, и ничей больше. Слышишь? Мой...

Николай тяжело дышал, слушая её слова, но внезапно, в какой-то миг сквозь хмель, сквозь это наваждение в его сознание как вспышка молнии ворвалось: «Почему я — её?! А Катька?!» И тут же со всей ясностью вдруг пришло понимание, что вот сейчас, прямо здесь может случиться нечто, после чего возврата назад уже не будет! Всё!! Не будет больше той жизни, что была до этого! И его, Николая, каким он был до этого — тоже не будет... И черта — вот она, здесь, и прямо сейчас он эту черту переходит! И это будет уже непоправимо! И как потом жить дальше? Он — не Крауз... Но что же тогда будет дальше?! И ему вдруг стало не по себе. Плотно сжав губы, он зажмурился.

— Коленька, что с тобой? — ласково спросила Татьяна.

Обвив его голову руками, она снова стала целовать его лицо, но он остановил её и, резко сев, сказал вдруг охрипшим голосом:

— Погоди...

— Ты чего? — она с силой потянула его к себе. — Иди ко мне, мой хороший.

— Постой!

Дернув плечами, Николай освободился из её объятий и встал. Его сердце бешено колотилось. «М-м-м... — он закрыл лицо руками. — Что я делаю? Что я делаю?! А как же Катька? Анютка?»

— Коль, ты чего? — повторила Татьяна, вставая с кровати и беря его за руку. — Всё же хорошо...

— Мне это... — пробормотал он, решительно освобождая руку. — Я забыл там... Мне надо в машине взять...

Николай нащупал в темноте ручку и открыл дверь.

— В какой машине? Ты куда?!

— Я сейчас, сейчас...

Не глядя ни на кого, он выскочил в коридор, сунул ноги в полусапожки и накинул куртку, благо, она висела поверх остальной одежды.

В коридор выглянули Елена и Крауз.

— Колян, ты куда? Чё случилось? — удивленно спросил Александр.

— Я это... Мне там надо... — Николай неопределенно махнул рукой, открыл дверь и выскочил в подъезд.

Выбежав на улицу, он остановился. Метель сразу ударила в лицо, колючие, мерзлые хлопья снега больно захлестали по глазам. Николай прищурился и застегнул куртку. Сунул руку в карман, куда положил вязаную шапочку, но там было пусто. «Неужели выпала? Да и черт с ней, не возвращаться же обратно...» — он втянул голову поглубже в воротник и пошел прочь. Полусапожки хлябали на ногах, он нагнулся, застегнул замки-молнии, и пошел быстрее.

«Дурак! Дурак!! — ругал он себя. — Как ты мог? Дома же Катька! Дурак! Идиот!! На сладкое потянуло? Приключений захотелось?»

Отойдя подальше, он остановился и посмотрел по сторонам: «Где я вообще? Где дом-то? — нагнувшись, он набрал в ладони снега и энергично растер им лицо, прогоняя ненужный сейчас хмель. — Мэ-эх...» Дом, в котором жила Елена, находился в районе, где Николай редко бывал раньше, и на каком транспорте отсюда добираться к себе, он не знал. Да он бы, наверное, и не смог сейчас просто стоять на остановке и ждать автобус. Ему надо было что-то делать, надо было идти... Фонарей поблизости не было, но выпавший снег осветлил всё вокруг, поэтому, повертев головой, Николай всё же сориентировался, в какую сторону надо двигаться.

До дома было довольно далеко, но сейчас это было не важно. Он широко шагал вдоль дороги, шагал, почти уже не закрываясь от снега и ветра, шагал всё быстрее и быстрее и постепенно перешел на бег. Но он не бегал с самой армии, поэтому ноги быстро устали, ветер сбивал дыхание, и Николай, тяжело дыша, снова перешел на шаг. Машин на дороге почти не

было, изредка попадались встречные, он щурился от их слепящего света, в котором беспорядочным роем белых мух кружил снег. Метель не переставала, и местами уже намело настоящие сугробы.

Часа через полтора он, замерзший и мокрый от снега, добрался до дома. Кухонное окно чуть светилось желтоватым светом. Николай толкнул дверь, она была не заперта. Тяжело дыша, он вошел в дом и остановился у порога.

На кухонном столе горел ночник, у приоткрытой печки сидела Екатерина. На её лице играли слабые отблески пламени. В доме было тихо, только в топке уютно потрескивали дрова, да тикали настенные часы.

— Это я, — еле слышно сказал Николай.

Екатерина смотрела на мужа с чуть заметной печальной улыбкой. Слегка поёжившись, она произнесла:

— Что-то прохладно стало. Вот... подтопить немного решила.

Николай молча скинул куртку, разулся и подошел к ней. Опустившись на колени, он сел на пол и, обняв её ноги, положил голову на колени жене. Облегченно вздохнув, он закрыл глаза и прошептал:

— Катька ты моя родная, если б ты знала как я тебя люблю...

Он не видел, как жена сняла с его плеча длинный белый волос и бросила его в ведро из-под угля, стоявшее тут же, возле печки. Екатерина погладила мужа по мокрой голове и поцеловала в макушку.

— А чего ты без шапки?

— Потерял. Из кармана где-то выпала. Ничего, новую куплю.

— Понятно. Пошли спать, а то поздно уже.

— Пошли...

РАССКАЗЫ

Ливень

Незаметно подошла середина июля — самая маковка короткого сибирского лета, самый зной, самая пыль и самые сильные грозы, если таковые случались. Нежные, мягкие ягодки лесной земляники к этому времени уже отходили, а палящее солнце заставляло поспевать шедшие им на смену круглые и плотные ягоды полевой клубники.

По полям, по некошеным ещё лугам, по опушкам березников зрели они, клонясь к сухой земле на длинных жестких стебельках. Зрели нехотя, словно сопротивляясь и стараясь подольше оставаться зелеными хотя бы на половинку, хотя бы на треть. Но легкая эта незрелость совсем не пугала охотников за клубникой. Бабы, ребятишки, взяв с собой бидончики да корзинки, шли в поля и, не обращая внимания на палящее солнце, на надоедливых и больно кусающих даже сквозь одежду оводов и слепней, ползали в траве, наполняя свои посудины душистой ягодой.

Вот за этим-то и собрались в один из таких жарких июльских дней Мишка с бабой Ньюрой. Самые урожайные на эту ягоду места были там, где когда-то давно стояла небольшая деревенька Тихеевка, и где сейчас просторные поляны перемежались редкими березовыми околками.

— Завтра, вроде, ведро должно быть. Охота всё же клубники побрать. Может, сбегает к Тихеевке, поберём? — предложила баба Нюра внуку после обеда. — Ты как, не против?

— Давай сбегает, поберём, — легко согласился тот, — чего дома сидеть.

На следующий день, проводив скотину в стадо и позавтракав, пошли с утра пораньше, пока солнце еще не жарило слишком сильно. Обратного пути рассчитывали к обеду.

Дойдя до места, Мишка с бабой Ньюрой, как и положено при сборе ягод да грибов, не стали жаться один к другому, а, чтобы охватить участок побольше, разошлись в стороны, но в пределах видимости дабы не потерять друг друга. Время от времени они переглядывались, а то и перекрикивались.

Человека, пригнувшегося в траве к земле, не всегда сразу увидишь, а так — крикнешь ему: «Эгэй! Ты где там?!», тот поднимет голову, отзовется, и вот он совсем недалеко, оказывается, рядышком.

Так, то переглядываясь, то перекрикиваясь, они медленно двигались по косогору либо ползком на четвереньках, когда попадалось особо урожайное местечко, либо просто согнувшись, как говорится, в три погибели. Склон косогора полого уходил вниз, где вдаль стоял уже вполне густой лес и поляны заканчивались.

Самое, наверное, вкусное в полевой клубнике — это не есть её по одной яголке, нет — так она не самая сладкая. Малина или та же лесная земляника куда как лучше будут. Полевая клубника хороша в варенье, но это уже потом, после.

А вот если её только-только собрать, а затем, опустив голову к корзинке или бидончику, вдыхать восхитительный её запах — вот оно, самое удовольствие! Невозможно оторваться, невозможно отставить её в сторону и сказать: «Всё, хватит, надыхался».

И поэтому время от времени Мишка наклонялся к своей постепенно наполнявшейся ягодой корзинке и, блаженно улыбаясь и раздувая ноздри, жадно вдыхал сладкий аромат. В такие моменты он забывал обо всем на свете и, как ему казалось, был самым счастливым человеком на земле.

Солнце давно поднялось в зенит и жарило вовсю. В какой-то момент Мишка вновь поднял голову, чтобы посмотреть, где баба Нюра. Не увидев её, он громко крикнул: «Эгэй! Ба-а-а!!», однако никто не отозвался. Он крикнул громче, как только мог, и откуда-то снизу, со стороны леса, послышалось неопределенное: «А-эйй!». «Эк, куда она уже утупала», — подумал Мишка и решил ускориться в том направлении.

Спустившись по косогору пониже, он снова крикнул что было сил, сложив ладошки рупором. И опять оттуда же, снизу, только ещё глуше и тише аукнулось: «Э-э-эйй!». «Куда она идёт-то? — удивился Мишка. — Ладно, догоню».

Собирая попутно клубнику, он шел довольно быстро вниз по косогору к логу, туда, где уже совсем недалеко начинались сосновые посадки. Пройдя метров пятьдесят, он опять закричал,

но на этот раз ему уже никто не отозвался. Он кричал снова и снова, но безрезультатно. «Как так? Ведь она же отсюда, снизу отзывалась», — думал Мишка. Обойдя всю опушку и не найдя бабы Нюры, он побрел обратно вверх. Дойдя до ближайшего березового околка, стал кричать снова, но всё было впустую.

«Потерялись всё-таки, — понял он. — Ну да ладно, дорогу все знают, доберемся поодиночке». И он стал собирать ягоду дальше — не уходить же домой с неполной корзинкой, когда вокруг такое изобилие, а что потеряли друг друга, так то не беда, случается.

Когда корзина была почти полная, откуда-то из-за березничка, возле которого он как раз находился, послышался раскат грома. «Неужто гроза надвигается? — мелькнуло у Мишки в голове. — Давненько не было. Надо, наверно, к дому уже поворачивать».

Выйдя из-за деревьев, загораживавших горизонт, и глянув в сторону, откуда слышался гром, он обомлел. Там была не туча — там нависло над землей нечто страшное, чему люди, наверно, ещё не придумали название. Небо от края и до края было мрачно-свинцового, какого-то иссиня-черного цвета. Огромная сплошная темная масса медленно плыла по небу в сторону Мишки, издавая время от времени тяжелый и мрачный рык. То с одного её края, то с другого перед каждым таким рыком вспыхивали короткие, но жирные молнии.

Мишке стало не по себе. «Здесь оставаться нельзя, возле деревьев может так шибануть, что мало не покажется», — подумал он и быстрым шагом пошел к проселочной дороге, ведущей к деревне. Выйдя на неё, Мишка ускорился, но страшная черная громада на небе тоже не стояла на месте, медленно, но неизбежно подкрадываясь сбоку.

Дорога шла по полю, а в той стороне, откуда надвигалась гроза, примерна в ста метрах стоял березник. Мишка быстро шагал, с опаской поглядывая на наползавшую тучу. До деревни оставалось ещё километра два с половиной, не меньше. «М-да, точно не успею, придется мокнуть», — мелькнула в голове неприятная мысль.

И тут все звуки вокруг дополнились ещё одним — это был монотонный, без каких-либо оттенков, как и вся свинцовая масса на небе, гул. Мишка понял, что это идет дождь. Шум

миллионов, нет — миллионов миллионов капель, падающих на землю, на лес, на траву, сливался в единый громкий шёпот, надвигающийся вместе с тучей. Они были едины — эта черная масса на небе и этот громкий шёпот, они были заодно и уже совсем рядом.

Мишка остановился и посмотрел в сторону березника. Через несколько мгновений из леса вышел ливень. Да, он именно вышел оттуда, как выходит кто-то вполне конкретный и осязаемый, и это был не просто дождь — это была стена из воды, ясно и отчетливо видимая, это был самый край тучи, ползшей по небу и изливавшейся на землю огромной массой воды. И тут же с той стороны влажным дыханием дождя налетел порыв прохладного воздуха.

Мишка смотрел на всё это как замороженный. Подкативший сперва, было, страх куда-то исчез, и вместо него в душе поднялось неопишное чувство восторга. За всю свою еще совсем недолгую жизнь он не видел ничего подобного. В его глазах это было наивысшим проявлением природной стихии — мощной, неукротимой, не признающей никакой власти над собой.

Повинуясь необъяснимому инстинктивному порыву, Мишка быстро снял трико с футболкой, свернул их и положил на корзинку с ягодой. Потом сорвал несколько листьев лопуха и закрыл ими одежду, оставшись стоять посреди поля в одних плавках и кедах.

И буквально через несколько секунд стена дождя дошла до него. Закрыв глаза и подставив лицо льющейся с неба воде, Мишка зычно заорал: «А-а-а-а!!» Но это был не крик страха, это был крик полного восторга, который просто нельзя было выразить никак иначе, кроме как заорав во весь голос.

Ливень лил с неба, не оставляя шансов ничему на земле остаться сухим. Но при этом он был очень теплым, и возникало ощущение, что ты просто стоишь под мощным приятным душем. Вокруг вспыхивали толстые ослепительные молнии, страшным оглушающим рыком гремел гром, но Мишке уже совсем не было страшно.

Немного придя в себя, он взял корзинку с клубникой и вещами, укрытыми лопухом, и пошел по дороге, шлепая по мгновенно появившимся на ней лужам.

Чувство восторга не оставляло его, на душе было весело и как-то безрассудно радостно. Мишке хотелось петь во весь голос! Вокруг него был уже какой-то совсем иной мир, он словно попал в другое измерение. Ему казалось, что они стали одним целым — и он сам, и эта тяжелая свинцовая туча, медленно ползшая над его головой, и этот ливень, хлеставший по щекам теплыми струями. И туча уже была не такая уж и мрачная, и молнии были совсем не страшные, и пусть себе грохочет гром! Всё это были мелочи по сравнению с тем восторгом, который охватил его, с той силой, которая исходила от этой стихии, и с ощущением полного единства с ней!

Время от времени Мишка останавливался, ставил корзинку на землю, поднимал к небу лицо и протягивал вверх руки. При этом ему хотелось смеяться, просто хохотать от того ощущения счастья, которое так неожиданно вдруг нахлынуло на него здесь, что он и делал, нимало не смущаясь. Наверное, если кто-нибудь увидел бы его в эти моменты, точно бы покрутил пальцем у виска и сказал: «Свихнулся пацан».

В кедах хлюпала вода, но он совсем не обращал на это внимания, ему от этого было ещё веселей.

Когда он подходил к деревне, дождь стал стихать. Туча почти прошла, и откуда-то из-за неё уже даже выскакивали солнечные лучики. Реальность возвращалась с каждым проявлением обычной, обыденной жизни. Мишка зашел на первую улицу, и дождь кончился совсем. Трава лежала, прибитая к земле напором воды, лившейся с неба, и кругом были огромные лужи, лывы — как их называли в деревне.

Капли на березовых листочках весело подмигивали солнечными искорками, а осмелевшие петухи выходили во двор и горланили, радуясь уходу стихии и стараясь перекричать друг друга. Бочки, стоявшие у домов под желобами, были полны, и только слышалось, как в них звонко падают последние капли, стекавшие с крыши.

Мишка подошел к какому-то забору, поставил на мокрую траву корзинку и снял с неё лопухи. Удивительно, но одежда была почти сухая. Лишь совсем немного по краям было замочено, видимо от брызг, которые летели снизу да с боков. Одевшись, он пошел домой.

Баба Нюра была в избе, она пришла ещё до дождя.

— Ой, батюшки! — она хлопнула себя руками по бокам.
— Вымок, небось? Где ты был-то?

— Так, где... ягоду брал. Ты-то куда делась? Кричал, кричал тебя. Вроде откликаешься, а нет нигде.

Мишка сел на стул возле кухонного стола и стал намазывать мёдом большой кусок хлеба. Он основательно проголодался с утра.

Оказалось, что, собирая ягоду, он обогнал бабу Нюру и спустился ниже по косогору, а она осталась позади возле небольшого березничка. Когда он кричал ей, она его видела со спины и откликалась. Но, видимо, какая-то замысловатая акустика того места отражала звук совсем с другой стороны, и Мишке казалось, что она кричит не сзади, а, наоборот, спереди, снизу, оттуда, где был лес.

— Кричу, кричу тебе, а ты в другую сторону идёшь. А бежать за тобой, так мне не угнаться — ноги-то уж не те, чтоб бегать за молоденькими. Ну, думаю, не маленький, сам дорогу найдешь, я домой и пошла одна потихоньку, — баба Нюра налила Мишке большую кружку молока. — Может, картошки тебе разогреть? Поешь нормально.

— Не, не надо, так хватит. Всё равно ужинать скоро.

Долгий июльский день закончился как обычно. Пришла из стада скотина, прибрались во дворе, посидели на лавочке у калитки, провожая заходящее за березник солнце.

Потом легли спать, однако Мишка ещё долго не мог уснуть — перед глазами стояла стена воды, выходящая из леса и с шумом надвигающаяся на него. При этом внутри у Мишки всё сжималось, словно сейчас на него, лежащего на мягкой пуховой перине, польются струи дождя. И опять поднимался в душе восторг, и опять накатывала необъяснимая радость. Так он и заснул.

СТЫДНО

Иван Черемных повернулся на бок и глянул на часы: было начало второго ночи. «Ёлки-палки, да что же это такое...» — он поправил одеяло и удобнее подоткнул под голову подушку в надежде забыться. Уже пятую ночь кряду он ворочался по несколько часов, прежде чем уснуть. Ивана мучила совесть, ему было стыдно.

Месяц назад он отпраздновал свое пятидесятидвухлетие. Спокойно, в домашнем кругу, как говорится, без посторонних и лишней помпы. Да и какая тут помпа, когда жизнь на шестой десятке перевалила? Как ни крути, а понимаешь, что впереди-то уже много меньше, чем позади. Так чего тут веселиться? В эти годы человек живет размеренно, всё у него разложено по полочкам, всё на своих местах, в том числе и совесть. Он уже не совершает глупых необдуманных поступков, за которые потом придется стыдиться, он живет да живет себе, вот и всё...

Но с Иваном случилась одна закавыка, из-за которой он и потерял покой. Вдруг, ни с того, ни с сего, он вспомнил один случай из своего детства, который и разбередил душу. Всю жизнь не помнил — расскажи ему кто об этом раньше, так сказал бы, что ерунда, не было такого вовсе! И тут вот на тебе, вылезло... А вспомнил он вот что.

Случилось это, когда Ивану было лет одиннадцать-двенадцать, не больше, лет сорок уже прошло. Жил он тогда в большом городе, а сам каждое лето ездил на каникулы в деревню к своим деду да бабушке. Даже родиной своей больше считал не город, а деревню эту. И жил здесь у Ивана ещё дядя с семьей, брат Ивановой матери. Звали его дядя Толя, и был у него сын Сергей, постарше Ивана года на четыре.

Так вот, Серёге однажды родители на успешное окончание восьмилетки купили мопед «Верховина-6». Выглядел он, прямо, как маленький мотоцикл. Эх, какая это была заманчивая мечта для любого деревенского пацана в то время — иметь свой мопед... Круто, чего тут говорить. Свой мопед — это свобода! Это значит — взрослый ты совсем. Езжай, куда хочешь, крути ручку «газа» хоть до упора, и только ветер в лицо! Нет, это не передать словами, это надо самому попробовать.

Ну так вот, выпросил как-то Иван у Серёги прокатиться на его «Верховине». Чтоб самому, совсем без никого. До этого Иван уже понемногу катался на мопеде, но под присмотром: или Серёга сзади сидел, подстраховывал, или один, но на лужайке перед домом. На этот раз, поддавшись на уговоры младшего брата, Серёга великодушно разрешил Ивану прокатиться по деревне. Однако с условием: сделать всего один круг, и чтобы не выезжать в центр села, а только по окраинным улицам, где нет машин и заезжих «гаишников».

Как же Иван был счастлив! Выжать ручку сцепления, включить передачу и аккуратненько, добавляя понемногу «газ», — вперёд! И вот она — свобода! Домá мимо проносятся, куры, утки, а ты мчишься по улице, поднимая клубы пыли. Сам! Не сидишь в коляске или позади взрослого, обхватив его руками, а сам! Сам газуешь, сам рулишь куда хочешь! Эх!..

В общем, сделал счастливый Иван кружок по деревне и вернулся к дяде Толиному дому. Смотрит — нет Серёги во дворе, наверное, в дом зачем-то зашел. И сразу же мысль в голову: «А не махнуть ли на второй круг? Всё равно ведь никто не видит. Докажи потом, что два раза ездил.. Может, просто медленно ехал или останавливался». Повертел Иван головой по сторонам — нет никого. Собрался уже, было, «газануть», но тут, как назло, из-за угла выскочил на своем мотоцикле с коляской дядя Толя. Подрулил лихо к воротам, заглушил технику, кивнул племяннику:

— Ванька, здорово!

— Здравствуйте, дядя Толя, — отозвался Иван, по-прежнему сидя на «Верховине».

Дядька распахнул ворота во двор, открыл гараж и, вернувшись к своему мотоциклу, глянул на Ивана:

— Слушай, помоги мотоцикл в гараж затолкать, а?

И вот тут-то Иван замер. «А вдруг Серёга сейчас выйдет? — сжалось у него внутри. — Пока буду дяде Толе помогать мотоцикл заталкивать, он выйдет и заберет мопед». Иван поерзал на сидушке.

— Ну так чего, — дядя Толя взялся одной рукой за руль, другой за ручку на сиденье, — поможешь?

Но страстное желание прокатиться по деревне ещё разок, сделать второй круг, уже захватило Ивана целиком. Он сделал

вид, что толком не расслышал дядьку, отвернул голову, буркнул что-то себе под нос, и, дав «газу», поскорее уехал прочь.

Что было дальше, память ему не раскрыла, на этом воспоминание заканчивалось, но вот это вот всё: как радостно гнал он на мопеде, как навалилось искушение сделать без спроса ещё один круг по деревне, как просил его дядя Толя помочь затолкать мотоцикл в гараж, и как постыдно он сбежал — всё это он вспомнил в мельчайших подробностях, словно случилось только вчера. И стало Ивану как-то ужасно стыдно. «Вот же я свинья какая, — говорил он себе, нахмурившись, — свинья натуральная и есть. Как же так-то? Ведь дядя Толя помочь просил, а я... Прокатиться ему видите ли захотелось».

При этом он понимал умом, что казнить за мальчишеский поступок, совершенный сорок лет назад, по меньшей мере, глупо. Плюнуть да растереть — делов-то! Но поди ж разбери как устроена у человека совесть. Как ни гнал он от себя эти мысли, как ни убеждал себя, что дядька, скорее всего, даже и не обиделся на него тогда, а если и обиделся, то давным-давно позабыл — ничего не выходило. Скоблит изнутри, собака, царапает. Днём ещё ничего: закрутишься на работе, пятое-десятое, оно как-то и не помнится, но как в койку вечером ложился, так сразу всё опять вспоминалось, и сон, который вот здесь вот уже был совсем, который уже накатывал приятной волной, испарялся как утренний туман. И крутилось в голове всё это — лето, каникулы, мопед, деревня... И, казалось, что дядька, который по сей день был жив и в меру своего преклонного возраста вполне здоров, помнит о том случае и держит на него, на Ивана обиду. Вот так вот...

В общем, промучился так Иван неделю и решил — надо ставить в этом деле какую-то точку. Рассказал обо всём жене, но та только посмеялась над ним:

— Совсем, что ли, рехнулся на старости лет? Сколько времени уже прошло. Выкинь из головы, да и всё...

— Легко тебе говорить! — кипятился Иван, сердито размахивая руками. — Я и сам бы рад позабыть всё это, так оно же только что вспомнилось! И сидит, зараза, как заноза в мозгу, и покоя не дает. Чего ты мне объясняешь?! Не хуже тебя понимаю, что, по-хорошему, так плюнуть надо, да ничего поделаться с собой не могу.

— Ну так и чего сейчас? — тоже начинала заводиться жена. — Извиняться побежишь, что ли? Так дядька тебе первый и скажет — дурак ты, Ванька, вот ты кто...

Иван сел на стул, клал руки на колени и вздыхал:

— Сам не знаю... Хотя, правда, езжай да извиняйся.

Дядька жил в той же самой деревне, что и тогда, сорок лет назад, только в другом доме. А вот Иван из своего города детства переехал в небольшой городишко, даже в другую область, но по соседству, туда, откуда была родом его жена. И получалось так, что до деревни сейчас надо было добираться в два раза дальше, порядка пятиста вёрст.

— Ну шас, ага, — кивала головой жена, — бензин девать некуда? Ничего, само рассосется...

Не рассасывалось... Прошла ещё неделя, но ничего не менялось. По-прежнему Иван ворочался ночами, по-прежнему не шел из головы тот случай, по-прежнему грызла его совесть. Даже, казалось, злее стала, и будто бы что-то ещё мучило вдобавок, но вот что — он не понимал.

Иван хотел сперва позвонить дядьке, но потом подумал — как такой разговор по телефону-то строить? «Дядь Толь, ты не помнишь, сорок лет назад я не помог тебе мотоцикл в гараж затолкать? Так ты извини меня. Да ну, дурость какая-то...» — морщился Иван, лёжа под одеялом и мучаясь от бессонницы. Он сел на кровати и грустно смотрел в окно на луну и на освещенные её желтым светом пока ещё голые ветки деревьев в палисаднике. «Полнолуние ещё как назло», — тихонько ругался Иван и снова укладывался под теплый бок жены в надежде заснуть.

Наконец он не выдержал.

— Всё, плевать мне! — заявил он как-то утром. — Вот майские через три дня начнутся, и махану в деревню.

Жена только открыла рот, чтобы возразить, но он тут же поднял руку и остановил её:

— Всё! Я сказал! Хошь смейся, хошь нет. Считай, что просто поеду родню попроведать, а то и, правда, сто лет уже не виделись. Сидишь тут с вами, совсем родину свою позабыл.

— А огород копать? — всё же заикнулась, было, жена.

— Подождет твой огород, никуда не денется... Да и чего его сейчас копать? Земля ещё как следует не оттаяла. Первого

числа пораньше выеду, затемно, часам к одиннадцати на месте буду. Денек погощу, а второго назад, к вечеру вернусь. Ничего за два дня не случится.

Жена махнула рукой и не стала перечить. Может, и правда — пусть съездит да успокоится, а то уже испсиховался весь с этой совестью своей дурацкой.

Когда Иван в начале двенадцатого подрулил к дому, где жил дядя Толя, тот сидел на лавке возле калитки, грелся под скупым теплом первомайского солнца. Увидев племянника, он раскрыл от удивления рот:

— Вот так явление Христа народу!.. Ванька, ты это, что ли? Ты как это нарисовался? Каким ветром-то тебя в наши края занесло? Однако, снег завтра выпадет.

Иван вышел из машины, заулыбался:

— Здорово живём, дядь Толь! Да вот, решил, наконец, родню попроведать, а то уж сто лет не виделись, всё по телефону да по телефону.

Дядька поднялся:

— Ну... милости просим. Молодец, раз приехал.

Они обнялись.

— Я уж думал, помру, так и не повидаюсь с тобой.

— Да ты чего, помирать собрался, что ли? Рано тебе ещё.

Дяде Толе летом должно было исполниться семьдесят восемь, но для своих лет он выглядел вполне неплохо: каждый день брился, ходил прямо, без палочки, в одежде был опрятен и чист.

— Так кто его знает, когда рано, когда нет... Ну что, в избу пойдём или здесь ещё посидим? — он кивнул на лавку.

— Давай здесь посидим, погода хорошая сегодня, — Иван сел на лавочку. — А то и так всю зиму в избах просидели, надоело уже.

— Ты как, надолго? — поинтересовался дядя Толя. — Погостишь хоть?

— Да нет, завтра уже обратно надо будет... Где-нибудь в обед поеду, чтоб по́светлу домой успеть.

— Завтра? Всего-то на ночьку и приехал?

— Так и то еле вырвался, дядь Толь! Сам же понимаешь: огород сейчас начнется, по гостям-то разъезжать некогда.

— Ну-у, — разочарованно протянул дядька, — я-то думал, хоть недельку погостишь.

— Какая неделька, ёлки-палки... На работу через четыре дня выходить.

— Ну не неделька, так дня три бы уж пóбыл.

На улицу вышла тетя Лена, жена дяди Толи. Увидев Ивана, всплеснула руками:

— Ой какие гости! А я вижу, машина незнакомая подъехала, думаю, кто там такой... Так, а чего вы тут-то сидите? Старик, ты чего гостя в дом не ведешь? Пошлите в избу.

Дядя Толя махнул рукой и поморщился:

— Да подь ты... Кого там делать-то в избе твоей? Не видишь, сидим воздухом дышим?

— Ну ладно, дышите, только не шибко долго. Ветер-то ещё холодный, простынете.

Тетя Лена взяла во дворе какие-то тряпки, висевшие на веревке, и ушла с ними обратно в дом.

Посидели ещё немного, поболтали о том о сем, как дела, какие новости. В голове у Ивана всё время крутилась мысль как бы поаккуратнее подобраться, собственно, к тому, ради чего он приехал. Наконец, усмехнувшись, он сказал:

— Слушай, дядь Толя, мне тут штука одна вспомнилась на днях, не поверишь... Всю жизнь не помнил, сорок лет назад уже было, а тут на тебе! И стыдно потом стало, прям, не знаю как.

— Стыдно? А чего такое? — глянул на племянника дядька.

— Да вы ещё в старом доме своем жили. Помнишь, Серёге мопед покупали, «Верховину»?

Дядя Толя пожал плечами:

— Помню, вроде. Только не очень уже. А чего там случилось?

И Иван слово за слово рассказал всё, от чего не мог спать последние дни. Старался говорить с юморком, со смешками, как о ерунде какой-то, но потом всё же глянул на дядьку виновато:

— И ты понимаешь, так совестно перед тобой сделалось, что аж сон потерял. Вот же ж, думаю, как я поступил-то по-свински.

Дядя Толя посмотрел на него:

— Так ты за-ради этого и приехал, что ли? Извиниться?

— Да нет, почему... — смутился племянник. — Это так, к слову сейчас пришлось. Попроведать решил, вот и приехал. Соскучился...

— Ну-ну... — протянул дядька, снова глянув на Ивана.

Чуть помолчав, он кхэкнул и сказал:

— Только так просто сейчас-то уж не получится, беги за бутылкой, однако...

Иван немного растерялся:

— В смысле — чего не получится? Встречу обмыть, что ли? Так сейчас сбегая, не вопрос...

— Да при чем тут встреча... Ты думал, извинился вот так вот и всё? Думал, забыл я про тот случай-то? Да нет... Это ты через сорок лет вот только вспомнил, а я... — он снова кхэкнул. — Тут уж одними словами сейчас не обойтись, дорогой ты мой племянник, так что... не знаю... — дядя Толя не смотрел на Ивана, смотрел в сторону, опустив голову. — Честно скажу, обидел ты меня тогда крепко. Хоть и пацан ты был, да я же видел, с какими глазами ты усвистал на мопеде этом, бросил меня там одного с мотоциклом. Эх, племяш, племяш... Ладно, хоть сейчас вспомнил. А то я уж думал, так и помру с этим.

«Вот те на... — ошарашено подумал Иван. — Неужели и вправду дядька обиду тогда затаил и всё это время помнил? Вот дела... А я-то, дурак, ещё гнал от себя всё это, забыть снова хотел. Хорошо, что всё-таки приехал. Лучше уж, как говорится, поздно, чем никогда». Он встал с лавки:

— Ну, так я это... сбегая, что ли?

Дядька поднял на него серьезные глаза:

— Я думал, ты уж убежал. Давай, беги, да получше думай, чего там... это... — нахмурившись, дядя Толя неопределенно помахал ладонью, тоже встал и, отвернувшись, высморкался под забор.

— Ну ладно, пошел я тогда, — промямлил Иван.

— Так сгоняй на машине, быстрее будет, — посоветовал дядька. — Чего ноги топтать.

— Да ну... Прогуляюсь. Посмотрю, что тут у вас новенького. Да и насиделся я, пока к вам сюда ехал, — и

племянник зашагал в сторону центра села, где находились все магазины.

Войдя в ближайший продуктовый, он стал разглядывать витрину с алкоголем. «Водки взять? Да как-то слишком уж дешево получится, несерьезно. Ведь, выходит, и вправду крепко обидел я дядьку, раз он до сих пор помнит. Коньяк, может, тогда?» — озадаченно думал он, глядя на полки. В конце концов он остановил свой выбор на довольно дорогой пыльной (видно, долго стояла) бутылке коньяка с пятью золотыми звездами на тисненой этикетке, взял ещё каких-то пряников, коробку мармелада и булку хлеба на всякий случай.

Когда Иван вернулся, на улице никого не было. Он зашел в дом. Дядя Толя сидел перед телевизором, смотрел какую-то передачу, тетя Лена хлопотала на кухне, готовя обед.

— Ну вот... — Иван поставил полный пакет у стола. — Взял тут маленько.

— Да зачем? — взмахнула руками тетя Лена. — У нас же есть всё, я с утра уже в магазин сбегала.

— Ничего, съедим.

— Ой, ты кого тут взял-то ещё? — тетя Лена достала бутылку коньяка. — Дорогущий, наверное?

Иван небрежно махнул рукой:

— Ничего, не дороже денег.

Вскоре сели к столу, который тетя Лена заставила угощениями под завязку. Иван открыл коньяк, разлил по рюмкам, глянув на дядьку, спросил:

— Так, за что сперва выпьем-то? За встречу или за праздник?

— Ну, ежели ничего более важного нет, так и за это можно, — хмуро ответил тот.

Иван смутился, крикнул:

— Ну, это... Ладно, давай уж сперва тогда за то, что ли? Ты извини меня, дядь Толь, что я тогда так...

Тетя Лена непонимающе посмотрела сперва на мужа, потом на племянника:

— Ты о чем это? Кого извинить-то?

Дядька молча глядел в пол.

— Да тут... — замялся Иван, — давно это было, тётя Лен... Меня тогда дядя Толя попросил помочь ему мотоцикл в гараж затолкать...

— Ну и чего?

— Ну, а я не помог... На мопеде покататься охота было, вот и уехал.

— Ничего не пойму, — она посмотрела на мужа. — Куда уехал? Какой мотоцикл?

— Так, сорок лет уж прошло. Обидел я дядю Толю тогда, да и позабыл сам, а сейчас вот только вспомнил.

— Чего? Старик, ты, что ли, обиделся? На Ивана? Сорок лет назад?

И дядька не выдержал — рассмеялся. Согнулся, захохотал так, что казалось, сейчас со стула на пол упадет.

— Ты чего, дед, с катушек съехал? — тоже улыбнулась тетя Лена и пихнула его рукой в плечо. — Ты чего тут устроил?

Иван сидел, ничего не понимая. Он глупо улыбнулся и поставил рюмку на стол.

— Ой, не могу!.. Ну, племяш, рассмешил ты меня, — наконец выдавил из себя дядька, утирая с глаз слёзы. — Ну и балбес же ты, Ванька! Поверил, что я на него всю жизнь обиду держу за мотоцикл какой-то, — он снова захохотал.

— Так ты чего, — Иван тоже засмеялся, — комедию мне разыграл, что ли? А я-то уж и вправду подумал: обидел дядьку на всю жизнь.

— Ты его слушай больше! — тетя Лена махнула рукой в сторону мужа. — Он тебе ещё не то наговорит.

— Ну, уморил, — дядя Толя наконец-то успокоился. — Да как ты только поверил, что я на тебя мог обиду затаить, да ещё и всю жизнь помнить? А, Ванька? Ты там сбрендил совсем, что ли?

— Да ну тебя, дядь Толь... — Иван снова взял рюмку. — А я почему знаю? Говорю ж тебе, совесть меня загрызла. А вдруг, думаю, и ты помнишь по сей день?

— Давай, — дядька поднял рюмку, — за встречу. Так ты и коньяк дорогущий купил, чтоб сподручней извиняться было? — он снова засмеялся.

— Ну а как? — улыбнулся Иван. — Не водку же брать для этого, — у него было чувство, словно камень с души свалился.

Они выпили раз, другой. Потом тетя Лена убрала свою рюмку:

— Мне хватит. За встречу да за праздник, и всё. Да и ты бы тоже, дед, не налегал шибко-то.

— Ничего... Когда я ишо такого коньяку выпью? — глаза у дяди Толи чуть-чуть заблестели. — Когда ишо племянник передо мной извиняться будет? Дай покуражиться-то маленько.

Дальше сидели и просто болтали. Вспомнили всю родню, тех, кого уж нет в живых, и тех, кто ещё остался. У Ивана на душе сделалось легко-легко. Он сидел, улыбался счастливой улыбкой и добрыми глазами смотрел на дядю Толю с тетей Леной.

— Балбес! — дядя Толя постучал Ивана пальцем по лбу. Он захмелел. — Ты же мне кровный! Мы же родня с тобой самая что ни на есть близкая, как же я могу на тебя обиду держать за ерунду какую-то?

— А то родные не обижаются друг на друга? — возражал племянник.

— Обижаются... Потому что дураки. А мы-то с тобой умными быть обязаны!

Ближе к вечеру пришел Серёга с женой; им позвонила тетя Лена и сказала, что в гости приехал Иван. Брат, отслужив в армии, вернулся в родную деревню, женился на бывшей своей однокласснице, и сейчас они жили здесь же, в этой деревне, через улицу. Принесли с собой тоже кое-чего отметить Первомай.

Дядя Толя, выпив ещё рюмку коньяка, от спиртного отказался и просто сидел за столом, хлебал чай и с улыбкой смотрел, как братовья, перебивая друг друга, чего-то рассказывали, вспоминали детство, смеялись.

— Слушай, Вань, а давай споем с тобой, а? — предложил Сергей. — Но не эти вот дурацкие, которые сейчас поют, ерунду всякую, а что-нибудь старое, что наши деды да родители пели. А?

— Давай споем, — согласился тот. — Вот эту вот давай, «позабыт, позаброшен» которая.

— Давай...

— Да ну вас, — возразила Серёгина жена. — Шибко она грустная какая-то, да тоскливая. Лучше, другое что-нибудь спойте.

— А какая жисть была, такие и песни пели, — возразил в свою очередь Серёга. — Так что, слушай...

И братья, обнявшись, затянули:

Как в саду при доли-и-ине-е-е

Громко пе-е-ел со-оло-о-ове-е-ей.

А я мальчик на-а чу-ужби-ине-е

Позабы-ыт от лю-ю-юде-е-ей.

Когда они допели, в гости подтянулись соседи: муж с женой, годами чуть постарше Ивана с Сергеем, тоже не с пустыми руками. Мужик был уже слегка навеселе. Увидев у соседского дома чужую машину, он понял, что там гуляют, ну и решил не пропустить такое мероприятие. Жена же пошла больше для того, чтоб проконтролировать мужа, дабы не перебрал по случаю праздника.

Сергей с дяди Толиным соседом убеждали Ивана остаться ещё на пару деньков, но тот лишь упрямо мотал головой и тяжело вздыхал.

— Ваньша, оставайся, брательник, — говорил Сергей. — На рыбалку маханем, сейчас разлив, сетёшку бросим.

— Какая тебе сетёшка? — возражала Серёгина жена. — Только что радикулит свой вылечил, опять спину застудить хочешь?

— Ничего... — упрямо мотнул головой тот. — Это мелочи. Вань, слышь, оставайся...

— Не, не, — отмахивался Иван, — мне на работу пятого числа надо, а ещё дома дел полно.

— А ты чего делаешь-то сейчас? Где трудишься?

— Да у нас там кирпичный завод есть небольшой, так вот начальником отдела кадров там.

— Ух ты! Начальником стал! — Серёга засмеялся, пихнул брата кулаком в плечо. — В люди выбился.

— Да кого там... — Иван пренебрежительно махнул рукой и усмехнулся. — Так... шишка на ровном месте.

Потом мужики переключились на политику. Женщины послушали, послушали, да и ушли от них на кухню. Обсудив

правительство и международное положение, мужики вспомнили и футбол с хоккеем, не без этого. Потом спели все вместе ещё одну песню, на этот раз «У солдата выходной». Серёга кричал, что она у него самая любимая, перечить ему не стали, спели.

Наконец, часам к девяти все разошлись. Иван сидел, поставив локти на стол и положив голову на руки. Большого опьянения не было — так, приятный куражистый хмель, когда на душе тепло и покойно, когда всех вокруг любишь и хочется этих всех расцеловать.

— Эх, как же хорошо... — улыбнулся он и повернул голову к дядьке, который сидел тут же рядом, на диване. — Дурак я, что давно не приезжал к вам. Это уж сколько? Лет десять, двенадцать, однако, не был? А родина-то ведь здесь, как-никак... Ведь и вправду соскучился я по всем по вам. Сейчас вот только и понял, как соскучился...

— Так, а выходит, племяш, что, если б не вспомнил ты тот случай с мопедом этим, так и не приехал бы сегодня? — подмигнул ему дядька.

Иван тяжело вздохнул:

— А вот не знаю, дядь Толь, врать не буду. Может, и не приехал бы... — он печально покачал головой. — То одно, то другое, то работа, то хозяйство... Одним словом — суета сует. На рыбалку сходить, с удочкой на бережку посидеть — и то некогда...

— Ну что ж... Стало быть, не зря тебе память выдала из закровов своих, а? Чтоб приехал ты, да чтоб повидались хоть... А стыдно бы не стало, так и не вспомнил бы дядю Толью. Так ведь?

Племянник серьезно посмотрел на дядьку вдруг погрустневшими глазами:

— Знаешь, дядь Толь, а мне вот сейчас уже и за это стыдно стало. Ну... за то, что не был давно. Вот, ёлки же зелёные... — он закрыл глаза и, повесив голову, помотал ею. — И вправду стыдно...

А наутро Иван позвонил жене и сказал, что останется у дядьки ещё на ночку, что домой придет третьего.

Беличий хвостик

В конце сентября, когда после затяжных дождей наступило бабье лето, решили поехать на охоту. Сбаламутил всех на это дело Серёга Алейников. В четверг вечером он заскочил к Андрею домой, глаза у него горели:

— Слушай, Андрюха, я чего тут надумал!

— Чего ты там надумал? — Андрей чуть нахмурился.

Алейников надумал выезд на охоту. Впрочем, если говорить честно и положить руку на сердце, то слово «охота» тут было бы лишним. Просто захотелось махануть куда-нибудь на природу, подальше от города, чтоб с ночевкой, без жён и детей, да и отдохнуть там, как говорится, душой и телом. Выпить, конечно, не без этого... А точнее говоря, без «этого» и вовсе ехать не стоило бы. Однако, дабы придать мероприятию приличный вид, Алейников предложил взять с собой ружья и объявить жёнам, что собрались именно на охоту. Он соблазнил на это дело ещё двоих: своего соседа по гаражу и двоюродного брата, и Андрей, который в принципе был не против вылазки на природу, тоже согласился.

Ехать решили на двух машинах: на «Ниве» Андрея и на «УАЗике» соседа по гаражу. Собственно говоря, туда, куда они собрались, на другом транспорте было бы и не проехать. А собрались они аж за сто пятьдесят вёрст, в тайгу, в глухомань, в места, где начинались горы.

Вот тут Андрей сначала, было, воспротивился:

— Зачем так далеко ехать-то? Вон, в бор можно выскочить на турбазу, тридцать километров всего. Посидим нормально, да и переночевать будет где под крышей.

— Да ну... — Алейников сомнительно скривил рот. — Жёны же могут увязаться. Ничего, в машинах переночуем... Зато одни, гарантированно. Да и какая там охота, на турбазе этой? Там только грибы собирать.

— Можно подумать, ты там охотиться будешь, — усмехнулся Андрей.

— Ну всё-таки... Тайга! Может, и подстрелю кого-нибудь.

— Так ты и лицензию брать, что ли, собрался?

Вопрос о лицензии поставил Алейникова в тупик. Об этом он не подумал.

— Ладно, разберемся, — махнул Серега рукой. — У брательника там егерь знакомый, так что...

Поехали в субботу ближе к полудню. Погода радовала: ярко светило солнце, небо было синее, а желтые осины придавали пейзажу нарядный вид. Большую часть пути проехали довольно быстро, но когда миновали последний в этих краях населенный пункт, дорога, считай, кончилась, пошли сплошные ямы да колдобины, по которым ползли со скоростью черепахи. В итоге до места добрались только в пятом часу.

Встали под крутым берегом не очень широкой речки, где течение было более-менее тихим.

— Ну и что? Будем сегодня охотиться? — без особого энтузиазма спросил двоюродный брат.

Алейников состроил скептическую гримасу:

— Да ну... Какая сегодня охота? Дело-то уж к вечеру идёт, а тут вообще быстро темнеет. Завтра с утра походим. Давай, лучше, за приезд по рюкзаке хлопнем!

«Хлопнули» по одной «за приезд», потом почти сразу же «за природу» и «за хорошую погоду». Натаскали сушняка, коего на берегу было много, развели костер, возле которого и просидели до ночи, «отдыхая душой и телом». Спать завалились, когда все были уже изрядно навеселе.

На следующее утро выбрались из машин замёрзшие и скрюченные от неудобного спанья. Андрей, кряхтя, разминал затекшие ноги. Алейников, как проснулся, полез в багажник в поисках минералки. Сосед по гаражу ругался, пытаясь прикурить отсыревшими за ночь спичками, которые он вечером оставил на капоте машины.

После того как попили чаю и согрелись у вновь разведенного костра, решили всё же немного походить по окрестным горам. Как говорится, для очистки совести. Может, пальнуть разок-другой, чтоб хоть порохом от ружей запахло.

— Так как всё-таки с лицензиями? — спросил Андрей, заливая водой костер. — Если штрафанут, мало не покажется.

— Не штрафанут, — заверил двоюродный брат. — Мы же не лося тут стрелять собрались, а за рябчика какого-нибудь отбрешемся.

— А манок-то хоть есть у кого-нибудь? На рябчика-то? — хмуро спросил сосед по гаражу.

Все молча переглянулись.

— У меня нету, — проямлил Алейников.

— У меня тоже, — пожал плечами его брат.

— Тьфу ты... — выругался сосед по гаражу. — И я свой дома оставил. Охотники, ёлки-палки... Как его искать-то, рябчика этого, сейчас?

Андрей не доставал свое ружье из сейфа уже лет пять, если не больше. Он купил одноствольную «ижевку» двенадцатого калибра давно, лет десять назад, сразу после того, как пришел из армии. Тогда отец, который сам заядлым охотником не был, но время от времени выбирался с мужиками в тайгу, подговорил сына обзавестись оружием. Хотя, по большому счету, оно Андрею было и не нужно, не был он любителем этого дела.

Вынув ружье из чехла, он собрал его, распихал по карманам куртки патроны, и они с мужиками разошлись в разные стороны, условившись встретиться у машин часа через два.

Пройдя немного вдоль реки, Андрей стал взбираться на крутую гору, поросшую пихтачом, однако уже шагов через двадцать выдохся. Сердце бешено колотилось, во рту стало невыносимо сухо, а по спине бежал пот. «Ёлки-палки, — тяжело дыша, Андрей вытер мокрый лоб и прислонился спиной к дереву, — так много не находишь». Чуть отдохнув, он поднялся по горе ещё шагов на пятнадцать и дальше пошел уже вдоль склона.

«Ну и куда тут идти? — думал он, озираясь по сторонам. — Какие тут рябчики? Да ну, ерунда какая-то...» Он остановился возле куста дикого шиповника и стал есть безвкусные красные ягоды, чтоб хоть как-то смочить пересохшее горло: взять с собой бутылку с водой он не додумался. Потом сел прямо на землю: «Ладно, просто посижу с полчаса и обратно пойду к машинам».

Отсюда сверху открывался красивый вид на протекавшую внизу речку и на скалы на противоположном берегу, поросшие каким-то красным кустарником вперемешку с редкими корявыми соснами. Стало совсем тепло, даже жарко. Было тихо,

только ласково журчала по камням вода, да ветер шумел макушками деревьев.

Андрей смотрел на всю эту красоту, но она абсолютно не воспринималась, не проникала в душу, не радовала его. Всё портил гадкий привкус во рту и тяжелая, плохо соображавшая голова. «Фу-у... — поморщившись, он выдохнул неприятный запах изо рта. — Всё же лишка вчера хватило». А при мысли о том, что из этой глухомани надо будет ещё крутить баранку назад домой, настроение испортилось ещё сильнее: «И какого черта в такую даль поперлись?» — он коротко ругнулся, встал и решил идти обратно.

Сделав пару шагов вниз по склону, он заметил боковым зрением как вверху что-то мелькнуло. Андрей поднял голову и всмотрелся в сосновые ветви. Через пару секунд из-за ствола показался пушистый хвост, тут же исчез, и на толстый сук выскочила белка. Пробежав по ветке дальше, она села и начала быстро перебирать лапками. До неё было метров десять, не больше.

«Хоть кого-нибудь тут подстрелить, что ли...» — с какой-то злостью на всё вокруг подумал Андрей. Сняв с плеча ружье, он медленно, чтобы не испугнуть зверька, поднял ствол, сдвинул рычажок предохранителя и плотнее прижал приклад к плечу. Он даже не стал толком ловить белку в прицел, а просто навел ствол на неё и всё — патрон был с дробью пятого номера, поэтому он был уверен, что попадет. В тишине выстрел грохнул, словно из пушки, через мгновение звук отскочил от скал и вернулся неприятным громким эхом. Зверек кувыркнулся в воздухе и полетел на землю. В воздухе запахло порохом.

Андрей примерно заметил, куда упала белка, однако подойдя к этому месту, не сразу нашел её. Потом, увидев безжизненное серо-рыжее тельце, лежавшее на жухлой хвое, он поднял свой трофей и примотал белку за хвост к ремню небольшой проволочкой, лежавшей в кармане. Выбросив стреляную гильзу, он даже не стал больше заряжать ружье. Быстро спустившись с горы обратно вниз к реке, Андрей широко зашагал к машинам.

— Ну вот, всё хоть не с пустыми руками, — улыбался Алейников, вертя в руках белку. — Сейчас можно с чистой

совестью говорить, что точно на охоте был. А нам вот ничего не попало.

Они с двоюродным братом успели опохмелиться, поэтому настроение у них было хорошее. Все вместе снова развели костер, а сосед по гаражу начистил картошки.

— Сейчас супчика по-быстрому сварганим, горяченького похлебаем, да поедем. Давай сюда свой трофей, не домой же её тебе везти, а в суп пойдет. Какой-никакой, а навар, может, и будет, — сосед по гаражу взял белку, отрезал ножом ей хвост, и протянул его обратно Андрею. — Держи. На память об охоте.

Затем он ловко снял с белки шкурку и разделал тушку на части, которые скидал в кипящую воду.

Беличий хвостик Андрей положил в рюкзак, подумав: «Наташке дома покажу. Доказательство, что на охоте был, а не просто водку где-то пил».

Домой вернулись без приключений. Андрей от этого «отдыха на природе» изрядно устал, поэтому не стал даже ставить машину в гараж, решив бросить её у подъезда под окнами.

— Ну что, охотник, — усмехнулась мужу Наталья, — где добыча?

Андрей молча достал из рюкзака беличий хвостик и протянул жене:

— На вот... Трофей.

— Чего это? — нахмурилась та и взяла хвост в руки.

— Чего, чего... Хвост беличий, не видно, что ли?

— И чего с ним делать? А где сама белка?

— Зачем она тебе? Вот, хвостом любуйся.

Наталья хмыкнула и вернула «трофей» мужу. Тот взял хвост и повесил его между створками зеркал на трюмо, стоявшее в коридоре: «Пусть здесь болтается».

Каждый день, собираясь утром на работу, Андрей смотрел на этот хвостик. Сначала при виде своего трофея он испытывал... нет, не гордость, конечно, но что-то больше схожее с самодовольством — как-никак, а он единственный из четверых вернулся домой не с пустыми руками. Пусть это была одна единственная белка, но всё же — её подстрелил он, а не кто-то другой. Но через неделю, когда его взгляд вновь

остановился на висящем лохматом обрубке, он вдруг почувствовал раздражение: «Зачем он здесь? Что сейчас, всегда им тут любоваться, что ли?» Сдернув хвостик с трюмо, он перевесил его на дальний крючок вешалки.

Вечером Наталья спросила:

— А ты зачем хвост этот на вешалку повесил? Куда куртку вешать сейчас? Или ты так, временно?

— Не знаю, — буркнул Андрей.

— Ну так прибери его куда-нибудь.

Жена принесла из коридора серо-рыжий кусочек шерсти и положила возле мужа, сидящего на диване.

Андрей взял беличий хвостик в руки. Тот был мягкий, пушистый, довольно приятный на ощупь, но... он был мертвый. И Андрею вдруг стало грустно. «А зачем я убил её? — подумал он. — Зачем мне, в конце концов, этот хвост? Зачем он мне нужен?!»

И ему вдруг отчетливо вспомнился тот день. Вспомнились пихты и сосны, уходящие далеко ввысь к синему небу, приятный аромат прелой хвои, вспомнилась журчащая по камням речушка, скалы, ягоды шиповника... Всё это было там, далеко, где люди — редкие гости. И эта белка жила тоже там, скакала по деревьям, делала запасы на предстоящую долгую и снежную зиму. Может, у неё и бельчата даже были...

И вот «редкие гости» приехали туда. И привезли с собой её смерть. А разве ей был уже срок умирать? Нет, она была полна сил и энергии. Была... До тех пор, пока не попалась на глаза одному из тех, приехавших. И её не стало, потому что малюсенький кусочек свинца, с бешеной скоростью вылетевший из наведенного на неё ствола, мгновенно оборвал её жизнь. И всё, что от неё осталось, это вот этот вот маленький пушистый хвостик, который тот человек забрал с собой в качестве трофея. Но трофея чего? Какой такой победы? И зачем?! Зачем вообще он убил её?! Он что — хотел шить себе из её шкурки одежду, потому что замерзал? Нет... Или он был голоден, умирал, и хотел съесть хотя бы белку, чтобы выжить? Тоже нет... Если бы это было так, его ещё можно было бы оправдать, но на беду той белки у него было просто плохое настроение и оружие с собой. Поэтому он взял и просто убил её. Просто убил...

Все эти мысли быстро пронеслись в голове Андрея, и ему стало противно. Он стал противен самому себе. Он быстро встал, молча завернул беличий хвостик в газету и запихнул его поглубже в мусорное ведро. «Какая может быть об этом память? — с раздражением вспомнил он слова соседа по гаражу. — Зачем она мне нужна, эта память?!» Сейчас он больше всего на свете хотел вычеркнуть из своей памяти ту поездку.

И уже на следующий день Андрей дал в газету объявление и по дешевке продал ружье первому же позвонившему покупателю.

Конфуз

Дали как-то на работе Сане Прошкину путевку в санаторий. Он парень хоть и молодой, но решили, пусть тоже здоровье маленько подправит, как-никак в шахте проходчиком работает, так что лишним не будет. Да и зимой это дело было, желающих не особо много нашлось. А Сане чего? Парень он неженатый, хоть какое-то разнообразие в жизни будет.

В общем, заселился он в санаторий. Тот недалеко был, в сосновом бору, километрах в тридцати всего от дома. Первым делом, конечно, к врачу на прием, а со второго дня ему уже процедуры разные назначили — ванны какие-то, массаж, душ Шарко и прочее.

Незаметно первая неделя пробежала. Живет Саня, блаженствует и в ус не дует. Питание трехразовое как на убой, перед сном ещё кефир дают, со стороны персонала уход всяческий и забота. По вечерам с мужиками в бильярд играют, массовик-затейник песни под гармошку поет, чего ещё надо?

А дней через десять врач предложила Сане поделаться ещё электросон. «Это, — говорит, — вещь тоже неплохая, для всего организма полезно — для иммунитета, для нервов. Не возражаете?» Саня пожал плечами: «А чего мне возражать, если полезно?» И дали ему направление на этот самый электросон.

Отыскал Саня после обеда нужный кабинет, постучался, зашел и сразу же у порога буквально обомлел... Ёлки-палки! В других кабинетах, где он до этого был, медсестры все женщины в годах уже, лет за сорок, можно даже сказать, пышные такие, а тут — сидит за столом натуральная красавица. По годам примерно Санина ровесница, может, даже чуток помоложе будет.

Глазищи огромные с такой легкой грустинкой, что хочется сразу же подойти, обнять её всю, прижать к себе крепко-накрепко и сказать: «Не бойся, я тебя в обиду никому не дам». Посмотрела красавица на Саню, улыбнулась ласково губками аккуратными, но не маленькими, а такими чуть пухленькими, розовенькими. А за губками — зубки ровные, белые, словно кораллы, притаились.

В общем, как увидел Саня эту красоту, у него внутри прямо сжалось всё. Стоит, молчит и глядит на медсестру так, словно в первый раз человека в белом халате увидел. А халат этот... Лучше б она на себя робу какую-нибудь надела. Облегает халатик фигурку её тоненькую, но не худую, а именно стройную такую, ладную, подтянутую...

Ну так вот, улыбнулась девушка и говорит: «Давайте вашу книжку». Проглотил Саня комок, вставший в пересохшем горле, и протянул сестричке книжечку свою, которые в санаториях людям выдают, где записаны все процедуры, которые человек проходит.

Девушка руку за книжечкой протянула, а Саня ещё и разглядеть успел — нет на пальчике безымянном кольца обручального. Заколотилось тут у него сердце пуще прежнего, а ноги буквально ватными сделались. «Ёлки-палки, — думает, — и чего мне врачаха этот электросон сразу не предложила? Столько дней, считай, впустую потеряно».

Медсестра между тем книжечку на стол положила и говорит: «Проходите в первую кабинку, присаживайтесь на кушетку, я сейчас подойду». А кабинка — так, название одно, шторы обычные висят на железных трубках вокруг кушетки; не видать, что там делается, да и ладно...

Сел, значит, Саня на кушетку, ждет и дальше рассуждает про себя: «Вот же какие красавицы тут, оказывается, работают.

Да и вообще — создал же бог красоту такую, придаться даже не к чему».

Зашла медсестра в кабинку, одела ему на глаза какую-то резинку с мокрой ваткой, провода к приборчику подсоединила. «Ложитесь, — говорит, — сейчас прибор настроим, и вы постарайтесь расслабиться, ни о чем не думать. Я вас потом разбужу».

Ладно... Лёг Саня, настроили прибор на нужную силу тока, лежит он, но ни о чем не думать не получается — о медсестре думает. Засела она у него сразу в голове, стоит перед глазами, смотрит ласково и будто бы говорит даже: «Где ж ты раньше-то был, а? Заждалась я тебя совсем».

Но как бы там ни было, а минут через пять Саня и вправду задремал. Задремал, расслабился, но сон какой-то интересный получается — вроде как и спишь, а в то же время слышно, что вокруг происходит. Ни рукой, ни ногой пошевелить не можешь, как в яму какую провалился, но при этом понимаешь, что это сон. Нет отключки полной.

И вот только Сане так хорошо-хорошо сделалось, как слышит он — кто-то рядом храпеть начал. Да громко так, протяжно, размеренно. Видно, надолго затянул. Лежит Саня, злится, что кабинки тут такие, со шторочками вместо нормальных стен — всё слышно, что рядом делается. И мысль в голове: «Хоть бы пихнула медсестра этого... Чтoб не храпел так, собака». Потом, вроде, потише стало, и когда через положенное время медсестра Саню растолкала, никакого храпа уже не было, ушел, наверное, тот мужик раньше его.

Саня, смущаясь, сто раз сказал сестре «спасибо», позаглядывал в глаза её прекрасные, но не будешь же стоять тут вечно — взял книжечку свою и побрел к себе в комнату. И стал ждать с нетерпением, когда же следующий электросон у него будет.

Сутки томился, ни о чем думать не мог, кроме как о той медсестре. Полночи не спал, и всё рисовались в голове его картины заманчивые: как заговорит он с ней легко и непринужденно, как договорится о свидании, как станут они встречаться... Домечтался Саня до того, что сделает он ей предложение, да и поженятся они в конце концов! А чего?!

Почему бы и нет? Чем он хуже других, ёлки-палки? Да и пора уже, не мальчик...

И засела в душе у него тягучая эта радость — предвкушение будущего счастья. И страсть как захотелось, чтоб поскорее это всё уже произошло, прямо невольно ждать стало.

И вот подошло, наконец-то, время следующего раза. Всё повторилось, как и вчера: та же самая кабинка, провода, маска резиновая, те же ноги ватные и то же волнение до трясучки в животе... Лёг Саня, пытается снова расслабиться, но о медсестре ещё пуще думает, продолжает картины заманчивые в голове рисовать. А осознание того, что она совсем рядышком, вот тут вот, за шторкой сидит, вообще покоя не дает.

Но через некоторое время опять он задремал, опять в ту же яму провалился и лежит не знает — то ли на кушетке, то ли в яме этой липкой. И как назло — снова, видать, тот же мужик рядом оказался! Наверное, одно время у него с Саней назначено. И опять давай он храпеть, да пуще вчерашнего, с присвистом каким-то. Выдохнет, затаится на секунду и потом протяжно так, с храпом, начинает втягивать воздух в себя. Затем снова выдохнет со свистом, словно Соловей-разбойник, и заново всё повторяет, паразит. Да громко так! Если бы у Сани руки-ноги шевелились, то сам пихнул бы его. Но через некоторое время, слава богу, заснул он поглубже и под конец уже не слышал ничего.

После того как сестричка растолкала его, сняла с головы провода, сел Саня на кушетке и прикидывает: «Тянуть-то дальше некуда, у меня впереди только неделя, считай, остается. Надо бы как-то с ней уже того... заговорить. А то не заметишь, как время пролетит, и всё — пиши пропало». Но вот как заговорить? Не был он мастак с женским полом знакомиться. Как говорится, за каждым словом приходилось в карман лезть, да поглубже.

Как бы там ни было, но собрался Саня с духом, вышел из кабинки, подошел к столу, за которым медсестра сидела, улыбнулся как мог беззаботнее и говорит:

— Ох и работенка у вас, наверное, не сахар.

Та удивленно посмотрела на него:

— Почему вы так считаете?

— Ну как же... Я, вот — сколько? — он посмотрел на часы, — минут сорок у вас тут лежу, да и то надоедает слушать как сосед храпит, а вы, поди, весь день это слушаете. Тоже надоедает, наверное...

— Какой сосед? — чуть улыбнувшись, спросила девушка.

— Ну за шторкой-то... Храпит который как медведь. Жаль, сам не могу пихнуть его, а то бы он у меня точно с кушетки свалился.

— А кроме вас тут никого нету, у вас у одного процедуры на это время назначены, — медсестра смотрела на Саню своими большими и грустными глазами.

Он замер, ничего не понимая.

— Как никого?

— Никого, вы один спите. Все остальные до обеда проходят.

И тут до него дошло... Елки же палки! Так это он что — свой собственный храп, выходит, слышал?! Соловей-разбойник, ядрёна ты вошь! Кровь бросилась ему в лицо. Он представил, как она, его мечта и избранница с этими чудными глазками и губками, в этом безумно-красивом белоснежном халатике, сидела вот тут, за этим столом, и все полчаса слушала как он там заливается...

Выдавив из себя «спасибо», Саня пулей выскочил из кабинета.

— Погодите! — выбежала следом за ним в коридор медсестра. — Вы книжку свою забыли...

Взяв из её рук книжечку, он чуть не бегом кинулся прочь.

Вот так вот рухнули Санины мечты. Такой конфуз он перенести не смог и от дальнейших процедур электросна отказался, сказав, что после них у него голова болит. И оставшееся время старался держаться от этого кабинета подальше, чтоб не дай бог снова не столкнуться с той медсестричкой.

Море волнуется раз

В среду вечером после работы Антон Балахнин зашел в ближайший к дому гастроном купить бутылочку пива на вечер. На выходе он лоб в лоб столкнулся со своим закадычным дружкой и бывшим одноклассником Олегом Ткаченко, который жил в доме по соседству.

Увидев приятеля, Олег широко улыбнулся и протянул руку:

— Здорово, братан! Ну что — свобода? Холостая жизнь? Оторвемся?

— Привет, — ответил на рукопожатие Антон. — В смысле? Какая свобода?

— Ну как? Один остаешься!

Друзья отошли в сторону. Антон пожал плечами и непонимающе посмотрел на Олега:

— Ты о чем вообще?

— Так Юлька же твоя с понедельника в отпуск идет, в Сочи лететь собралась. Говорит, дней на десять махану, не меньше. Сегодня бегала, бумаги оформляла. Отпускные ей пообещали и даже на проезд деньги дают.

На дворе стоял конец июня одна тысяча девятьсот девяносто четвертого года. Тут зарплату-то давали с задержкой в два, а то и три месяца, а уж о том, чтобы получить вовремя отпускные, да ещё и аванс на проезд к месту отдыха — об этом и мечтать было нельзя.

Антон, ничего не понимая, молча хлопал глазами и смотрел на друга. Тот работал вместе с его женой в местном районе: Юля методистом, а Олег шофером на «Волге».

— Так ты чего, не в курсе, что ли? — снова улыбнулся Ткаченко.

Антон смутился и, нахмутив лоб, соврал:

— Да почему, в курсе, конечно. Вылетело просто...

— Я ещё удивился, что вы не вместе едете, а Юлька говорит, у тебя отпуск только осенью, — снова затараторил Олег. — Я говорю: «Как это Тоха тебя одну-то отпустил?», а она смеется: «Я самостоятельная, он мне не указ», — и Ткаченко громко захохотал. — Слушай, ты домой сейчас?

Давай, я тоже пивка возьму, зайдем во двор куда-нибудь, посидим на лавочке, поболтаем...

— Не, Олежка, мне домой надо, — Антон отрицательно помотал головой. — Да ещё и Никитку из садика забирать...

Впрочем, про последнее он тоже соврал — сына должна была забрать жена, но он сказал так для убедительности, чтобы приятель не стал настаивать. И распрощавшись с Ткаченко, Антон быстро зашагал домой.

На самом деле всё сказанное Олегом было для него полной неожиданностью. Да, они с женой ещё по весне вели речь о летнем отдыхе, но Юлия говорила, что её отправят не раньше августа, у Антона же в этом году отпуск по графику был в сентябре. Что касается Сочи, то о нем речи и в помине не было. Да и какое к чертям собачьим Сочи, если денег на обычную-то жизнь хватало от зарплаты до зарплаты, да и то кое-как. Хорошо, что выручали Антоновы родители, жившие в деревне — уж что-что, а картошку и прочие овощи они всегда подкидывали, да и соленья разные, банки с огурцами, помидорами мать с отцом привозили регулярно. Иной раз этим только и кормились.

Поэтому у Антона с женой уже много лет отпуск сводился к банальному домашнему безделью с редкими вылазками в деревню на пару-тройку дней, чтобы помочь родителям по хозяйству. Да ему самому, если честно, больше ничего и не надо было. Так... книжку какую-нибудь почитать, на рыбалку смотаться, может, в лес за грибами, вот и всё.

И сейчас Антону не терпелось обсудить услышанную новость с женой. Как так выходит, что он обо всём этом узнаёт не от неё, а от чужих людей? Но дома ещё никого не было.

Налив в кружку пива, он сделал пару больших глотков и задумался: «Занятно получается, — у него неприятно заныло в груди. — Она в Сочи, значит, собралась, через четыре дня в отпуск идет, а я ни сном ни духом. — Антон снова отхлебнул пива и криво усмехнулся. — Вот дает жена!»

В последний год-полтора он стал всё чаще испытывать к жене чувство ревности. И вроде бы поводов явных не было, ни с кем он свою Юлю не подлавливал, ничего такого ни от кого не слышал, но факт остается фактом. Жена действительно как-то охладела к нему, появилось с её стороны не то

равнодушие, не то безучастие, и вот всё это вместе взятое и вызывало в нем эти гадкие и неприятные мысли: «С чего бы это? А вдруг, да и появился у неё кто-то?»

Он был бы, конечно, только счастлив, если бы вся его эта ревность так и осталась беспочвенной. И как же ему хотелось, чтобы снова вернулась та милая и ласковая Юлька, на которой он женился шесть лет назад!

Антон читал в каком-то журнале, что в супружеской жизни такое бывает — критические периоды, когда отношения между мужем и женой становятся хуже и даже появляется угроза развода. Дескать, начинают они надоедать друг другу, пропадает романтизм отношений и всё такое прочее... Что ж, вполне возможно, но легче-то ему от этого не становилось, ему-то казалось, что он свою жену любит по-прежнему.

Выйдя на балкон, он закурил. «Разве так делается? Разве это нормально? Я-то муж ей или кто?» — известие об этом непонятном и неожиданном отпуске с поездкой на море лишь подливало масло в огонь его сомнений и подозрений.

Постояв какое-то время, Антон хмуро затушил сигарету: «Ну уж фиг тебе, дорогуша, а не Сочи, — решительно подумал он. — Или вместе, или никак». Вернувшись в зал, он подошел к шкафу и, достав из секретера паспорт жены, положил его между страниц первого тома «Войны и мира», стоявшего на книжной полке по соседству.

Вскоре пришли Юля с Никиткой. Антона подмывало сразу же в лоб задать жене вопрос об отпуске, но он решил подождать — может, она всё же сама расскажет о своих планах. Но жена о своих планах молчала, она вообще вела себя как ни в чем не бывало.

Пужинали, посмотрели телевизор, Юля искупала сына, потом Антон почитал ему на ночь книжку. Внешне всё было прекрасно, но в душе у Антона скребли кошки.

Уложив сына спать, супруги легли тоже.

— Сегодня Олега вечером встретил, так он мне одну штуку интересную рассказал, — сказал в темноте Антон.

— Какую ещё штуку? — сонным голосом лениво спросила жена.

— А такую, что у меня жена, оказывается, со следующей недели в отпуск уходит и на море ехать собралась.

Юля замерла, и в комнате на несколько секунд повисла тишина. Но затем она тем же сонным голосом словно нехотя пробормотала:

— Ой, я совсем забыла сказать тебе. Завертелась что-то... Там просто так получилось, Верка Коробова сейчас пойти не смогла (хотя её очередь должна быть), ну мне и предложили.

— Ну да... А в Сочи одной ехать тебе тоже на работе предложили?

— Слушай, ну чего ты цепляешься? Я на море сто лет не была, последний раз в третьем классе с родителями в Крым ездили. А тут деньги на работе появились, ну и вот...

— Так ты сама туда лететь собралась, «дикарём»? Или у вас там и путевка быстренько нашлась?

— Сама, конечно... Какие путевки в наше время.

— Ну, молодец! Что тут скажешь... Но как это у тебя всё так просто получается? А может, я тоже на море хочу? Ты вот в третьем классе была, а я там сроду не бывал.

— Да у тебя же всё равно отпуск только осенью. Мне чего сейчас, безвылазно в городе сидеть?

— Ну почему в городе? В деревню можно съездить. Первый раз, что ли?

— Вот именно, что не первый. А я на море хочу-у, — протяжно простонала Юля. — Мне твоя деревня сто лет не нужна, ты понимаешь это? На море... Жизнь проходит, мне скоро тридцать лет будет, а что я видела в дыре нашей?

Антон откинул одеяло и сел на кровати:

— Слушай, ты дурочку-то не включай! Я же не против моря, но почему ты туда одна намылилась, без меня, а? Я тебе муж, вообще-то.

Юля тоже села:

— Так, я не понимаю, я что — собственность твоя?! Я что — привязанная?! Что — жёны одни без мужей отдыхать не ездят, в конце концов?

— Ездят! Только знаю я, чем они там занимаются! Пожалуйста, езжай, но Никитку вон бери с собой! У него садик как раз на ремонт закрывается. Пусть тоже отдохнет, покупается в море, ему полезно будет. И мне плевать, куда там другие жёны ездят, речь сейчас о нас идет.

Юля сердито поджала губы:

— Вот только не надо мне указывать, что делать! Сказала, поеду, значит, поеду! Всё, разговор окончен! Не хочешь с сыном оставаться, я его к маме тогда отвезу! — она снова легла и, отвернувшись к стене, умолкла.

— Это мы ещё посмотрим, — Антон тоже лёг и, укрывшись одеялом, отвернулся в другую сторону.

Наутро супруги почти не разговаривали, общались короткими фразами. Позавтракали, Антон собрал сына и уже почти вышел с ним из квартиры, — вести в детский сад, а самому идти на работу — как его окрикнула Юля:

— Антон, стой! Я не поняла, а где мой паспорт? — она сердито глядела на мужа.

— А зачем он тебе? — усмехнулся тот.

— Что значит — зачем?! Где паспорт мой? Это ты его куда-то дел?

— Я говорю — зачем он тебе?

Но Юля вдруг резко помягчела и улыbnулась:

— Слушай, ну ладно... Поваляли дурака и хватит. Антош, ну дай паспорт, пожалуйста.

Антон нагнулся к сыну:

— Никит, подожди меня минутку на площадке, я сейчас выйду, и пойдем в садик, — он вывел сына на лестничную клетку, вернулся в квартиру и прикрыл за собой дверь. — Вот и я тебе говорю — поваляла дурака и хватит, — он посмотрел жене в глаза. — Тебе зачем паспорт нужен? Билет покупать? Так вот — в Сочи ты одна не поедешь. Или со мной, или никак. Понятно?

Юлины глаза вновь сощурились от злости. Сжав губы, она гневно посмотрела на мужа, но промолчала. Потом, видимо, оценив все шансы, криво усмехнулась:

— Хорошо, поехали вместе. Только как быть, если тебе отпуск не дадут?

— Вот тогда и будем думать как быть, — усмехнулся в ответ Антон. — До вечера! — и махнув жене рукой, он вышел.

Отведя Никиту в детсад, он поехал на работу. Трудился Антон электриком на хлебокомбинате. В принципе, отпускá у них шли по утвержденному графику, но начальство вполне лояльно относилось к тому, если кто-то с кем-то менялся.

Главное, чтобы это всех устраивало. Поэтому сейчас он ехал в автобусе и пытался вспомнить, кто был в графике отпусков на июль. Выпросить отпуск с ближайшего понедельника он, конечно, не надеялся (оставалось с сегодняшним четвергом всего-то два дня), а вот если через неделю, то можно было и попробовать. «Ничего, Юлька подождет, не рассыплется. А за это время можно будет вопрос и с билетами решить, и с кем Никитку оставить», — думал он, глядя в мутное автобусное окно.

Антону, можно сказать, повезло. Очередник с легкостью согласился поменяться с ним отпусками при условии, что Балахнин ставит две пол-литры. Антон клятвенно заверил принести пол-литры на следующий день, и они написали заявления — один о предоставлении отпуска, а другой с просьбой перенести отпуск на сентябрь.

Решить вопрос с деньгами оказалось сложнее. Всё, что Артем смог выпросить, так это лишь зарплату за июнь, про отпускные его даже слушать не стали. «Ладно, — хмуря лоб, размышлял он, — перехвачу у кого-нибудь. Может, батя с матерью подкинут».

Так и получилось. Родители, узнав о таком неожиданном событии — поездке сына с невесткой на море — согласились помочь материально, а также с радостью оставили у себя внука. Тем более что поездка предполагалась всего-то на неделю: хоть Юля и получила все отпускные и даже деньги на дорогу, но на больший срок рассчитывать было нечего, да и надо было оставить деньги на житьё-бытьё до следующей зарплаты.

Отношения между супругами вроде бы наладились. Они больше не ругались, не спорили и недавнюю ссору не вспоминали. Впрочем, особого восторга от того, что они едут вместе, Юля тоже не выказывала, словно просто смирилась с этим и всё.

Билеты на самолет в оба конца удалось взять без проблем в местном трансагентстве. До аэропорта, который находился от их городка в ста двадцати километрах, их вызвался отвезти на своем «Жигулёнке» Олег. Оставался открытым лишь вопрос с гостиницей, но решили, что найдут что-нибудь на месте. В крайнем случае у частников остановятся.

И вот, в первых числах июля, после нудного четырехчасового перелёта Антон с Юлей вышли из самолета в Адлерском аэропорту. Получив багаж и отмахнувшись от агрессивно-надоедливых таксистов, они поехали в Сочи на автобусе.

Сунулись в одну гостиницу, в другую, в третью, но везде всё было забито под завязку. Пришлось возвращаться обратно в Адлер, и там им повезло. Довольно быстро они наткнулись на небольшую и относительно недорогую гостиницу, стоявшую всего-то метрах в двухстах от моря, в которой и нашелся свободный номер.

Погода стояла чудесная, и первые пару дней супруги практически не вылезали с пляжа, наслаждаясь шелестом морского прибоя да пахнущим водорослями соленым бризом. Надо сказать, что на Антона море, которое он видел первый раз в жизни, произвело мощное впечатление, особенно он обалдел от соленой морской воды. Плавать в ней было намного легче, и он заплывал далеко к буйкам, где блаженно лежал, раскинув в стороны руки и ноги и покачиваясь на мягких волнах.

Но через два дня и Антон, и Юля здорово обгорели, поэтому пляжный отдых пришлось ограничить: ходили искупнуться лишь рано утром и перед сном. Зато стали ездить на экскурсии: побывали на Ахун-горе, в Агурском ущелье, в дендрарии.

Завтракали они у себя в номере, накупив на базаре дешевых фруктов и сыра с лепешками. Обедали где придется, а вечерами сидели в многочисленных кафешках на набережной, попивая местное вино и кушая сочные шашлыки.

— Слушай, я хочу по набережной погулять, — как-то после завтрака заявила Юля.

— Так мы по ней и так, считай, каждый день гуляем, — удивился такой просьбе Антон.

— Да я не об этой набережной, не здесь.

— А о какой?

— О сочинской, о главной.

— Она что — особенная какая-то?

— Ой, ну я тебе что, объяснять сейчас буду? Я хочу на «Ривьере» побывать, порт посмотреть, «Жемчужину»...

— Какую ещё жемчужину? — напрягся муж.

Не собралась ли жена ещё покупать здесь себе какие-то украшения? Денег-то и так в обрез.

— Гостиницу «Жемчужина», — устало вздохнула Юля и покачала головой, дескать, какой же ты бестолковый. — Там все знаменитости всегда останавливаются, «звёзды» всякие.

— А-а... — Антон равнодушно пожал плечами. — Ну давай погуляем, не жалко.

— Вот и поехали тогда сегодня, — жена решительно встала со стула и пошла к зеркалу краситься.

Юля решила начать с гостиницы «Жемчужина». Она закусила губу и недовольно наморщила носик, узнав, что «Кинотавр», который проходил здесь, закончился три недели назад:

— Ой как жалко... Нет сейчас тут уже никого.

Антон хмыкнул в ответ:

— А тебе-то чего? Можно подумать, тебя подпустили бы к «звёздам» этим.

— Ну всё равно, хоть издалека посмотреть вживую.

Юля стояла у входа в гостиницу, разглядывая всех входящих и выходящих: вдруг кто-нибудь из «звёзд» ещё остался.

— Да ладно ты, пошли дальше, — муж потянул её за руку.

Прогулка по набережной заняла у них довольно много времени. Юле надо было заглянуть в каждый магазинчик, в каждое кафе («просто глянуть», «цены узнать», «ну интересно же, как там всё»). Она заставляла Антона фотографировать её чуть не на каждом шагу.

— Нам так пленки не хватит, — ворчал тот, — оставь несколько кадров на потом.

— Ничего, ещё купим, а память должна быть.

Жена подходила к какой-нибудь пальме и, выставив вперед ножку (и где она этому успела научиться?), становилась то на фоне моря, то на фоне набережной.

Когда они, изрядно уставшие, пройдя через порт и поглазев на катера и яхты, дошли до «Ривьеры», время подходило к четырем часам. Погода к этому времени стала вдруг резко портиться, ветер усилился, а на море поднялись волны.

— Слушай, надо где-то пообедать, а то у меня уже в животе урчит, — Антон посмотрел по сторонам в поисках кафе или столовой.

— Вон кафешка какая-то, — Юля кивнула в сторону боковой аллеи. — Давай там поедим, я тоже давно уже есть хочу.

Это было небольшое кафе самообслуживания. В центре просторной площадки, окруженной со всех сторон высоким стриженным кустарником, стоял небольшой стеклянный павильончик с барной стойкой. Вокруг павильончика были расставлены деревянные столы с лавками. Почти все они были заняты, свободной оказалась лишь одна, стоявшая позади «стекляшки».

— Ты садись, чтоб место никто не занял, а я пойду возьму чего-нибудь, — Антон отдал жене фотоаппарат и пошел к барной стойке.

Очередь была небольшая, впрочем, как и ассортимент. Минут через десять, поставив на разное картонные тарелочки с двумя порциями шаурмы и парой больших бокалов красного полусладкого, Антон направился к столику, который заняла Юля. Но, выйдя из-за павильона, он остановился — за столиком помимо жены сидели два парня. Один, чернявый, на вид его ровесник, сидел рядом с ней, а другой, белобрысый, казавшийся чуть моложе — напротив. Они о чем-то оживленно болтали с Юлей, та хохотала, махала руками и головой, в общем, всем было весьма весело.

«Вот здорово», — криво усмехнулся Антон и направился к столику. Где-то в груди снова неприятно сдавило. Когда он подошел, парень, который сидел рядом с его женой, мельком глянул на него и обронил:

— Молодой человек, вы не видите, тут занято.

— Да ну?! — громко сказал Антон, с вызовом посмотрев на парней.

Те недоуменно умолкли и уставились на него. Юля тоже перестала хохотать и как-то нехотя, нараспев произнесла:

— Это мой муж.

Чернявый развел руками:

— Пардон, мы не знали.

— Да? — Антон поставил разнос на стол. — А она вам не сказала, что не одна тут, а с мужем? — он кивнул на жену.

— Наверное, ещё не успела, — пожал плечами белобрысый.

На какое-то время все замолчали. Антон, сев по диагонали от Юли, вопросительно посмотрел на парней. Ему их компания была не нужна. Те, видимо, поняли неловкость ситуации и поднялись.

— Ладно, не будем вам мешать, отдыхайте, — кивнул чернявый.

— Ребят, да посидите ещё. Куда вы пошли? — делая вид, что удивлена их уходом, протянула Юля.

— Не-не, парни, счастливо. Всего хорошего, — Антон махнул им рукой.

Те не спеша двинулись вдоль аллеи.

Прищуриив глаза, Антон посмотрел на жену:

— Ну и как это называется?

— Чего? — смерила его та недовольным взглядом.

— А вот это: «ребята, куда вы пошли?». Стоило тебя одну на пять минут оставить, как сразу же кавалеры нашлись, да? А ты и не против, как я погляжу.

— Я их, что ли, звала? Они сами подошли. Не убежать же мне.

— Ну да, ну да... Конечно. Да дело даже не в том, что они подошли, их-то я понять могу — как же не подкатить к одинокой скучающей девушке, — а вот почему ты им не сказала, что тут занято, что ты не одна? А? Что муж сейчас подойдет...

— Слушай, Балахнин, ты достал уже! Ты чего — ревновать меня сейчас будешь? — когда они ссорились, жена иногда начинала называть мужа по фамилии.

— А ты повода не давай, так и не буду!

— Какой повод? Я что, поговорить уже ни с кем кроме тебя не могу?! — распаялась Юля.

— Да говори ты с кем хочешь, только надо же это нормально делать! А то меня тут будто и нет вовсе! Теперь понятно, почему ты одна ехать хотела! «Наговорилась» бы тут вволю, да?! Наобщалась бы! А у меня бы там рожки в это время потихоньку росли, да?!

Супруги перешли на повышенные тона, и на них стали поглядывать с соседних столиков. Заметив это, Антон залпом допил остатки вина и поднялся.

— Поехали в гостиницу, — буркнул он.

— Я ещё не доела, — зыркнула на него Юля. — Можешь ехать, я сама дорогу знаю.

— Да? Ну и черт с тобой! Плевать мне, делай, что хочешь!

Вскочив, Антон вышел из-за стола и быстро зашагал прочь. «Всё ясно с тобой, красотка, — со злостью думал он, шагая и ища глазами остановку. — Чем бы ты тут занималась, если бы одна поехала. В Сочи ей захотелось, жизнь у неё, видите ли, проходит... На море она давно не была... Приключений на одно место захотелось, вот и всё, а не на море».

Автобус подошел почти сразу же. Антон, сев на свободное место, стал смотреть в окно на проплывающие мимо сочинские виды. Настроение у него было под стать погоде, которая здорово испортилась. Море штормило, темная его поверхность была густо усыпана пенными барашками. По небу быстро неслись тучи, сыпавшие на землю мелким нудным дождем.

— Ну погодка стала... С утра-то, вроде, хорошо было, а тут вон чего... Шторм, прямо, — негромко сказала своей соседке сидящая перед Антоном женщина, когда автобус проезжал Хосту.

— Ага, балла четыре, а то и все пять будет, — кивнула та.

Доехав до Адлера, Антон, прежде чем идти в гостиницу, зашел в магазинчик и купил четушку водки с парой осетинских пирогов. Взяв у администратора ключ от номера, поднялся в номер на второй этаж.

Злость на Юлю не проходила. Хотя, скорее это была даже не злость, больше в этом чувстве было обиды. Почему она так поступает? Он-то сам всегда старался делать как лучше, думал в первую очередь о ней, о семье. Разве плохо, что они вдвоем сейчас на море поехали? Отдыхают, гуляют ходят, купаются... Ну а как иначе? Что же это за семья тогда будет, если они начнут поодиночке по курортам разъезжать? Так зачем тогда она с этими парнями сидит кокетничает? Да ещё и у него на

виду. Сейчас он, может, и перегнул чуток палку, может, излишне резко с ней поговорил, но она-то тоже хороша! Сидит, хохочет, глазки строит — «куда вы пошли... посидите ещё...». Тьфу, противно!

Антон налил себе сразу полстакана и залпом выпил, закусив лепешкой. Включил телевизор, но показывало плохо: видимо, испортившаяся погода создавала помехи. Оставив мельтешащую картинку, он убавил звук до нуля и налил себе ещё. В голове заиграл хмель.

Минут через тридцать в дверь постучали. Это вернулась промокшая под дождем Юля.

— Пьешь? — усмехнулась она, увидев стоявшую на столике полупустую чегушку.

— А что? — с вызовом ответил Антон. — Ты же делаешь, что хочешь, почему я не могу?

— Да пожалуйста, пей, — жена пожала плечами, снимая мокрое платье.

— Ну и вот... — он вылил остатки водки в стакан. — Ваше здоровье, сударыня.

Выпив, Антон энергично расправил плечи и стал переодеваться в пляжное. Накинув на плечи полотенце, он направился к двери.

— Ты куда это? — удивленно глянула на мужа жена.

— Купаться, — бросил тот через плечо.

— Ты чего, рехнулся? Там же погоды вообще нету.

Шторм на море.

— С каких это пор ты волноваться обо мне стала? — усмехнулся в дверях Антон и хлопнул дверью.

Дождь к этому времени перестал, но с моря по-прежнему дул сильный ветер, и на пляже было пусто. Волны одна за другой с шумом налетали на галечный берег, далеко прокатывались по нему пенными бурунами, а затем с хищным шипеньем возвращались назад.

Антон остановился возле деревянного лежака, до которого волны не доставали. Раздевшись, он сложил одежду и подошел к кромке берега. Тут же накатившая волна чуть не сбила его с ног, но он устоял. «Ишь ты какая! — в душе у него заиграл злой азарт. — Ну-ну, посмотрим...» Он весело

усмехнулся и ему вспомнились слова из старой детской игры: «Море волнуется раз, море волнуется два...»

Он обернулся — в кафешках на набережной сидели люди, некоторые поглядывали на него, кто-то улыбнулся и, что-то крикнув (он не расслышал), махнул ему рукой. «Сачкуете? — усмехнулся Антон. — А нам плевать! Понятно?» Он махнул пару раз руками как бы разминаясь, потом зло прищурился: «Значит, говоришь: «посидите ещё, ребята»? Ну-ну...», и двинулся в море.

Волны пытались свалить его с ног. Казалось, они хотели повернуть его вспять, но он уперся, напряг всё тело и упорно, шаг за шагом двигался вперед. Плавал он, в принципе, неплохо, но у него не было опыта борьбы с такими большими волнами. Когда-то давно он то ли читал, то ли слышал, что если накатывает такая, то не надо пытаться переплыть её поверху, а наоборот — надо подныривать под неё. Волна прокатится над тобой, а ты останешься цел и невредим на том же самом месте.

Антон зашел в море по пояс, и когда очередная волна высокой пенящейся горой подкатила к нему, он крикнул: «Море волнуется р-раз!» и нырнул под неё, выставив перед собой сложенные вместе ладонки. У него получилось. Волна прошла поверху. «Ага!» — радостно подумал он, и, поднырнув под очередную волну, поплыл. Выходило довольно неплохо, и он даже засмеялся, воодушевленный таким неожиданным успехом.

Пока не было больших волн, он сильными гребками продвигался вперед, затем, когда к нему приближалась очередная водяная гора, он останавливался, набирал в легкие побольше воздуха и, говоря про себя «Море волнуется р-раз!», подныривал под неё.

Хмельной кураж добавлял смелости, и постепенно он заплыл в море метров на сто, если не больше. Но потом как-то вдруг резко Антон ощутил усталость во всем теле. Сердце колотилось как бешеное, злой запал, с которым он пришел на пляж, исчез, а от хмеля к этому времени не осталось и следа, соленая вода вымыла его напрочь. Лечь, полежать, отдохнуть на поверхности, как он делал в предыдущие дни, заплывая далеко в море, в таких условиях было невозможно. Ему стало тяжело даже просто держаться на одном месте, так как надо было постоянно смотреть, не идет ли новая волна.

Очередную он всё же проворонил, и когда она навалилась на него всей своей тяжестью, то он хватанул изрядную порцию соленой воды. Не успел Антон прийти в себя, как на него накатила следующая волна, к которой он снова оказался не готов.

Кое-как откашлявшись, он подумал: «Всё, хорош... Надо назад поворачивать, а то так и потонуть недолго». Однако плыть к берегу оказалось даже сложнее. Он думал, что волны будут сами подталкивать его к берегу, но не тут-то было: они лишь обрушивались на него сзади, от чего он постоянно хватал ртом воду, и дыхание сразу же сбивалось. Антон пытался смотреть назад, чтоб хотя бы видеть эти волны, быть готовым к ним, но они налетали то слева, то справа, пытаясь подмять его под себя.

В какой-то момент в голове у Антона шевельнулся страх. Он посмотрел на берег: «Ёлки-палки, далеко ещё...» Собравшись с силами, он постарался сконцентрироваться и перевести дыхание. «Главное — не суетись», — успокаивал себя Антон. Взгляд назад — если волны нет, то пара гребков к берегу, если же волна идет, то подныриваем, пропускаем её сверху, затем плывем. Так, медленно, но методично, он стал двигаться в сторону берега: волна, нырок, вдох, к берегу, волна, нырок, вдох, к берегу...

Наконец, до пляжа осталось каких-то метров двадцать, не больше. Он знал, что ещё совсем немного и можно будет достать ногами дно. Собрав силы, Антон сделал гребок, потянулся ногой вниз, но ничего не нащупал. «Ладно, ещё пару метров», — устало подумал он, но тут его снова накрыла огромная волна. Он потерялся в бурлящей воде, не понимая, где верх, где низ, где что... Вынырнув, он жадно схватил ртом воздух и сделал ещё пару гребков. Снова потянулся ногой вниз и — ура! — пальцы ткнулись в гальку. «Слава богу!» — мелькнуло в голове. Он встал двумя ногами на дно и тяжело шагнул к берегу, но тут волна, которая перед этим перекатилась через него, пошла назад и с бешеной силой поволокла Антона за собой обратно в море. «Э-э-эй, куда?!» — закричал он.

Дна под ногами снова не было. Рванувшись сильным гребком обратно, он снова уцепился кончиками пальцев за дно,

но последовала очередная волна, которая, как и предыдущая, отшвырнула его назад в море, туда, где дна уже не было.

И тут Антон вдруг почувствовал, что сил у него больше не осталось. Совсем... Ни на один гребок. К тому же его стало мутить от этой непрекращающейся болтанки и от соленой воды, которой он наглотался. Голова болела и кружилась, в глазах сделалось мутно, а равнодушно-жестокое волны продолжали швырять его вверх-вниз, накатывая одна за другой. Он ощутил полное своё бессилие перед ними, перед этим морем, которое ещё вчера было таким добрым и ласковым, а сейчас играло с ним, словно кошка с мышкой. И была в этом какая-то злая ирония: ведь буквально каких-то полчаса назад море отталкивало, не пускало его к себе, а сейчас, словно наказывая за дерзость, не позволяло выбраться на берег.

Кое-как держась на волнах, он ещё пытался подныривать под водяные валы, но у него это получалось всё хуже и хуже. Сил не осталось даже на злость. Антон снова потянулся ногой вниз, пытаясь достать до дна, но без толку — опоры не было. При этом ему казалось, что берег стал даже удаляться от него. «Неужели так и тонут? — с ужасом пронеслось в голове. — Господи, но почему?!» Умереть вот так вот? В считанных метрах от берега? Антон попытался крикнуть, но из горла вырвался лишь невнятный хрип.

Он уже не различал лица людей, сидевших за столиками на набережной. Видели ли они его и о чем думали, если видели? «Что это за идиот там купается в такой шторм?» Впрочем, может, ничего и не думали: подумаешь, решил кто-то пощекотать себе нервы, адреналинчика захотелось, его дело... А обессиленный «идиот» барахтался среди волн и не мог уже ни крикнуть, ни махнуть рукой, чтобы позвать на помощь.

Море не хотело отпускать, оно тянуло его от столь близкого и спасительного берега назад, на глубину. Очередной вал накрыл Антона, и он окончательно исчез в пенных бурунах. В какой-то миг в его рвущемся на части мозгу промелькнули лица Никитки, матери, затем почему-то привиделась тихая гладь их деревенского пруда, потом один за другим быстро-быстро промчались дед, Олег, Юлька, мастер с работы и ещё кто-то, кого он не узнал...

Никто из сидевших за столиками даже не заметил, что голова того «идиота» перестала показываться на поверхности. И никому не пришло в голову крикнуть спасателей. Впрочем, их там и не было... Играла музыка, люди пили пиво, вино, заказывали шашлыки, дети ели мороженое.

А Юля сидела в гостиничном номере и думала, что, наверное, и вправду поступила не очень красиво по отношению к Антону, и что когда он вернется, надо будет всё-таки с ним помириться. Иначе оставшиеся два дня отдыха пойдут насмарку...

Рыболовы

Лето, июль, жара... Сушь стоит несусветная, и скоро будет месяц как нет дождей.

Я сижу с удочкой на берегу небольшого пруда и уже сто раз пожалел, что приехал сюда так рано. Живу я в небольшом городишке в сорока километрах отсюда. Там, в городе, — вообще пекло. Асфальт плавится, и подчас кажется, что скоро начнешь сам плавиться вместе с ним. Поэтому-то, когда посреди недели выдалась пара неурочных выходных, я не усидел дома и рванул на рыбалку в надежде, что здесь у воды будет полегче. С утра управился с кое-какими делами, запарил по-быстрому перловку, кинул в машину удочку, нехитрый рыболовный скарб, взял еды и — вперёд!

Нынче я всего только два раза выбирался на рыбалку. Было это ещё в мае, и было там, у себя, недалеко от дома. А сегодня решил махнуть с ночёвкой сюда, подальше от надоевшего города. Но мои надежды на прохладу у воды не оправдались: на берегу, где я сижу, тени нет вовсе, и спрятаться от зноя некуда.

Я надвинул на глаза широкополую сетчатую шляпу и прячусь под ней от жгучих лучей солнца. Оно нехотя ползет по небосклону, и ему безразлично как мы тут: выживем — хорошо, нет — да и ладно... С озера нет даже самого лёгкого ветерка.

Всё живое попряталось в тень, в кусты, и только мухи да оводы, кажется, рады этому пеклу, им всё нипочём. Пододвинув раскладной стульчик вплотную к воде, я разулся и сунул ноги в воду.

Пруд этот можно назвать деревенским: на другом берегу за пригорком, примерно в километре, лежит небольшое село. Отсюда прекрасно слышно, как там время от времени ревёт трактор, вяло тявкают собаки, нет-нет, да заорет заполошно заблудившийся во времени петух. Всё-таки жизнь продолжается, несмотря ни на что.

С одной стороны в пруд впадает небольшая речушка, там начинается густой лес, настоящая тайга. С противоположной, там, где дамба — раскинулась степь, там желтеют поля, засеянные рожью.

На пригорок прямо напротив меня вышли коровы деревенского стада. Устало переваливаясь с бока на бок, они лениво поплелись вниз к воде. Вслед за ними на холме показался пастух. Звонко щелкнул своим бичом, длинно заругался: «А ну-у-у... мать... куды... твою... прёшься...». Не обращая на него никакого внимания, коровы выстроились вдоль берега, вытянули шеи и стали жадно пить теплую воду, беспрестанно обмахиваясь хвостами. Те, кого вовсе измучили жара да слепни, пошли дальше, вглубь, окуная в воду круглые свои бока и мотая головами. Пастух ещё пару раз ругнулся, слез с коня и спрятался в тень одинокой раскидистой березы.

Я сижу уже три с лишним часа, и за это время не было ни одной поклёвки. И других рыбаков поблизости нет, чтоб спросить, как тут в последние дни обстоят дела с рыбалкой. «Может, я один такой бестолковый, в это пекло сюда заявился? Ладно, надеюсь, ближе к вечеру кто-нибудь всё же клонет». Я проверил, как сидит на крючке перловка, и, сделав новый заброс, положил удилище на рогульки.

Встав, я зачерпнул в пригоршню воды и ополоснул лицо. Заглянул в машину, стоявшую с распахнутыми дверями, посмотрел на часы — ровно семь. Время, хоть нехотя и медленно, но всё же шло, и огненный, пышущий зноем шар наконец-то стал сползать в сторону пригорка на противоположном берегу.

Вернувшись на место, я посмотрел на гусиный поплавок. Он словно ждал этого — дернувшись пару раз, стал медленно подниматься и, заваливаясь на бок, пошел в сторону ближайших камышей. Схватив удочку, я быстро подсек. Леска натянулась, но сопротивление было недолгим. Через пару секунд серебристый карасик размером с ладонку трепыхался на берегу в траве.

Отцепив карася, я достал из багажника садок, положил в него рыбешку и, опустив в воду, облегченно выдохнул: «Фу-у... Ну, наконец-то. Хоть не зря приехал». Нацепив на крючок пару свежих зерен перловки, я снова закинул удочку и бросил к поплавку свежую прикормку. На душе стало чуть веселей.

Минут через десять я вытащил второго карасика, и дело пошло. К половине девятого в садке было уже около двух десятков мерных рыбёшек. Настроение поднялось, и я даже перестал думать о жаре, мучившей меня полдня.

Солнце медленно, но верно катилось к горизонту, а на смену ему с противоположной стороны в ещё довольно светлое небо уже поднималась бледная луна. От воды на берег отчетливо потянуло долгожданной прохладой, и я наконец-то скинул надоевшую за день шляпу.

Стало тихо, только стрекотали кузнечики в нагретой за день траве. Коровы с пастухом давно ушли, и противоположный берег опустел. Через некоторое время ветерок усилился, и по озеру пошла мелкая рябь, после чего клёв прекратился так же резко, как и начался пару часов назад.

Оставив удочку заброшенной, я стал заниматься костром. Надо было сварить какую-нибудь похлебку и поужинать. Дрова я предусмотрительно захватил с собой из дома. Сложив их домиком, я зажег огонь, который быстро охватил сухое дерево, начавшее тут же весело постреливать веселым салютом мелких искр.

Засмотревшись на огонь, я не услышал шагов позади себя.

— Добрый вечер, — раздался голос, и я, чуть вздрогнув от неожиданности, обернулся.

Метрах в пяти стояли двое: парнишка лет двенадцати-тринадцати и старик.

Старику на вид было уже лет под восемьдесят, а может, и больше: высокий, статный, с прямым крупным носом и длинной

окладистой бородой. На нем была старая, давно выцветшая, фетровая шляпа с обвисшими полями и не менее старый, застиранный, с заплатами на локтях, пиджак. Под пиджаком — рубаха, аккуратно застегнутая на все пуговицы. На ногах — высокие, до колен, резиновые сапоги.

Парнишка тоже был в сапогах, но одет полегче: черные трико с вытянутыми коленками да футболка с короткими рукавами. Лёгкая кепочка с пластиковым козырьком прикрывала шевелюру почти бесцветных волос. За спиной у мальчика висел большой полупустой рюкзак.

Оба держали в руках по удочке, сделанной из тальника. Старик упёр свою комлем в землю и слегка облокотился на неё.

Я кивнул подошедшим в ответ:

— Здравствуйте.

— Ну как рыбалка? — старик спокойно и прямо смотрел на меня. — Есть что или пусто?

— Да есть маленько, — улыбнулся я. — Сперва сидел, совсем глухо было, а часов в семь поклевало немного, десятка два карасиков выудил. А вы как? Тоже здесь рыбачили? Я вас не видел.

— Нет, мы не на пруду, мы по речке ходили, — мотнул головой в сторону леса старик.

Парнишка переступил с ноги на ногу.

— Говорил я тебе, надо было на озеро идти, — тихонько сказал он, сердито глянув на старика, — а ты заладил своё: «По речке ходим, по речке...». Только крапивой все искололись. — Нагнувшись, он энергично почесал коленку.

— Крапива, это ничего... Здоровее будешь, она полезительная, — так же тихо ответил ему дед. — Кто же знал, что тут вечером клевать будет?

— У меня интуиция, я чувствовал, — буркнул мальчик и повернул голову к озеру.

— Вчера твоя интуиция тоже говорила, что здесь клевать будет, и чего? — покосился на него старик. — Просидели до обеда, так ни одной рыбки и не поймали.

— У меня сорвалась одна, сам же видел...

— Ну и как там, на речке? Наловили чего? — вклинился я в их спор.

— Да ну... — мальчик нахмурился. — Только день зря угробили.

— Неужели совсем ничего?

— Ну почему ничего? С утра восемнадцать песканов выудили, и у меня ещё два чебака сорвались, — мальчишка шмыгнул и потер ладошкой нос. — А после обеда вообще клевать перестало. Ещё четырех пескарей маленьких да шесть гольянов поймали и всё.

— Ты, прям, считал всех? — подмигнул я ему.

— Ну а как? — простодушно посмотрел он на меня. — Я всегда считаю.

— Так вы с самого утра, что ли, ходите? — я перевел взгляд на старика и подумал: «Как же он в такое пекло в пиджаке да в рубахе застегнутой ходит? Да ещё и в сапогах резиновых, ведь это свариться можно».

— Ну да, с утра, — кивнул тот. — Часов в восемь пошли, до большого жару ещё.

— А потом? Зной такой...

— Ну так чего... Жар, он костей не ломит, — дед невозмутимо пожал плечами. — Когда холодно, так хуже.

— Ага, хуже... — парнишка исподлобья глянул на своего спутника. — Я-то три раза за день купался, а он — шляпу намочит и на голову. Говорил, не одевай пиджак, всё бы полегче было, так заладил своё: «Как я без пиджака пойду». В театр, что ли, собрался? Хоть бы там снял, в рюкзак положить, и то нет...

Я улыбнулся. Было интересно слушать это беззлобное препирательство между старым да малым.

— Внук? — спросил я деда, кивнув на мальчишку.

— Внук... На каникулы приехал, вот рыбалить и ходим, ему интересно.

— Ха, — иронично усмехнулся мальчик, — да тебе самому в сто раз интереснее! Можно подумать, ты один без меня на рыбалку не ходишь.

— Почему не хожу, хожу, конечно, когда тебя нет, а как же... — старик снова повел плечами.

— Ну вот. А чего тогда говоришь, что мне интересно?

— А что, разве не интересно? Кто меня уговорил сёдни рыбалить пойти?

— Ну я... Так ты и не отказывался, сам вперед меня побежал.

— А чего мне отказываться? Дома-то чего делать? На лавке сидеть, ворон считать? В огороде старуха управляетя, там сейчас делать особо и нечего, а так хоть у воды побыть, всё радость. Уж бог с ней, с рыбой...

— Ага, радость... — мальчик снова почесал красный, облезлый от загара нос и посмотрел на меня. — Сегодня чуть не помер, я аж перепугался.

— Как это? — удивился я — Почему?

— А пойдй, разбери его, почему. Может, от старости, а может, от жары. Одеся-то... Ещё и рубаху на все пуговицы застегнул. И каждый раз так на рыбалку одевается.

— Ну а как? — дед погладил черной от загара рукой седую бороду. — Я что, расхристаный ходить буду? Ежели пуговицы есть, так их застегивать полагается. Это вы сейчас ходите как оборванцы.

— Так не в такую же жару! — мальчик снова сердито глянул на старика и перевел взгляд на меня. — Там в одном месте в гору надо подниматься, чтобы дорогу маленько срезать; мы до середины дошли, он встал и говорит: «Всё, помираю, дыханья нет», и стоит, смотрит на меня, не дышит. Мне аж поплохело. Думаю, сейчас помрет, чего я с ним тут делать буду? А он ртом только воздух хватает и всё. И глядит на меня. Потом раз вздохнул, другой, ну и оклемался помаленьку.

— Ладно ты, чего затурусил... — старик нахмурил длинные густые брови. — Живой, ну и слава богу. Всяко бывает. До моих годов доживешь, так я погляжу на тебя.

— Я в твои года дома сидеть буду. Ну или одеваться легче, когда жарко, — мальчишка переложил удочку в другую руку и снова спросил у меня: — А вы на что ловите, если не секрет?

— Да какой тут секрет... На перловку.

— Запариваете?

— Да как сказать... Обычно запариваю, но сегодня времени не было, так просто поварил полчаса и всё. Закутал кастрюлю в полотенце и поехал.

— Ну вот, — мальчишка чуть понизил голос и снова повернулся к деду, — а ты со своими червями всё время. Говорю тебе, надо разные наживки пробовать.

— Так это караси на перловку брать могут, — так же тихо ответил ему старик, — а на речке кого ты там на неё ловить будешь? Пескарей, что ли, с гольянами?

— Да на что они, пескари твои, сдались? Мелочь пузатая. А на перловку, может, чебак бы брал.

— Ты не понимаешь, так молчи лучше, — фыркнул дед. — Пескарь — самая наилучшая рыба будет. Да чего я тебе говорю, сам не знаешь, что ли? Кто на той неделе чуть не всю жарёху один уплёл? А сейчас пескари ему не глянутся.

— Я ничего против пескарей не имею, но пробовать-то по-разному надо. Вот если не клюют они на червей твоих, так, может, чебаки бы сегодня на перловку брали.

— Ага, держи карман шире, — дед с недовольным видом повернул голову в сторону. — Червяк — он на любую рыбу и на любое время.

— Ну да, то-то весь день сегодня проходили, а домой нести нечего, — на этот раз фыркнул парнишка.

— Как это нечего? Сам же только что говорил, сколь наловили.

— Это за весь-то день? Курам на смех. Кошке на обед не хватит.

— Хватит. Ей тоже есть чего-то надо.

Они стояли и тихонько переговаривались, не обращая на меня никакого внимания.

— А на какой крючок вы ловите? — снова глянул на меня мальчик.

Я неопределенно пожал плечами:

— Да я их не помню, по номерам-то, — нагнувшись, я достал из воды удочку и показал парнишке крючок. — Вот, не шибко большой, но и не маленький. Средний.

— Чего ты пристал-то к человеку? — по-прежнему опираясь на свою удочку, дед переступил с ноги на ногу.

— Ничего я не пристал, просто интересно, — мальчишка подошел поближе и стал разглядывать крючок. — А леска какая?

Я снова пожал плечами:

— Ты знаешь, уже и не помню. Кажется, ноль двенадцать, а может, ноль четырнадцать. Я года три не менял уже.

Дед недовольно покачал головой:

— Какая разница, какая леска? Клёвать будет, так с любой наловишь. Раньше вообще на конский волос лавливали.

Мальчик проигнорировал это высказывание и снова спросил меня:

— А вы прикармливаете?

— Это да, конечно, — кивнул я в ответ.

— А какой у вас прикорм? — продолжал выпытывать парнишка.

— Вот пристал к человеку, — буркнул дед себе под нос, но при этом сам с интересом глянул на открытую пачку прикормки, которую я достал из багажника.

— Вот, у меня покупная, — я продемонстрировал яркую цветастую упаковку.

— Ха, — снова усмехнулся мальчик, — на такую-то, конечно, сразу вся рыба приплывет.

Я улыбнулся:

— Ну не знаю, её тоже иной раз не поймёшь, чего она хочет.

— Ну-ка, ну-ка... — старик всё же не утерпел и, тоже подойдя ближе, нагнулся к пачке с прикормом. Понюхав её, он выпрямился. — Да-а-а... Дух-то какой сладкий. От такой я бы и сам не отказался.

— Вот говорю тебе всегда, надо больше всякого разного в прикорм добавлять, — снова зашептал парнишка, нахмутив брови и сердито посмотрев на деда. — Хоть мёда того же для запаха, а тебе всё жалко. Четыре улья в огороде стоит, — он снова обращался ко мне, — а две ложки мёда в прикормку добавить не хочет.

— Ну вот, рыбу я ещё мёдом не кормил. Клёв будет, так она и без мёда твоего прибежит. Каши сварил пшенной, и ладно. Ну, может, масла постного ложку положить. Этого добра не жалко.

— Да ну! Тебя не переспоришь...

— Так, нечего и спорить. Чего тут спорить-то?

— Гм, — мальчишка хмыкнул и, саркастически скривив губы, посмотрел на меня. — Вот и объясните ему. Как ловил рыбу сто лет назад, так по сей день и ловит.

— А чего мне? — дед достал из кармана пиджака носовой платок, снял шляпу и вытер мокрый лоб. — И раньше ловил, и сейчас ловлю. Правда, рыбы раньше не чета нынешнему было.

— Ну вот, — посмотрел на него снизу вверх внук, — сам же говоришь. А раз рыбы меньше стало, так и ловить её по-другому надо, хитрее как-то.

— Да ну-у... — скептически протянул дед, снова одевая шляпу. — Ежели нет рыбы, так и нет её. Ничем ты её не заманишь. А раньше-то, бывало, тут, пока ещё пруд этот не запрудили, по речке хаживали, так бидонами песканов домой приносили. Это я ещё, считай, мальчонкой был. Корчагу поставишь, так битком набивалась. И чебака, и сороги полно было.

— Вот и повыловили всю, — недовольно буркнул пацан, — что сейчас ловить нечего...

— Ага, ты щас наговоришь, — дед повернулся в сторону и громко высморкался. — Тебя послушать, так я всю рыбу выловил.

— Ну не ты один, так с остальными. Если бидонами её каждый день таскать.

— Разве я сказал, что каждый день таскали? Зачем же... Вот запруд понаделали, рыбы и не стало. Ей же ходить надо, а как она через дамбу вашу пройдёт? Вот и всё.

Дрова стали прогорать, и я подбросил ещё поленьев. Достав котелок, я налил в него воды из привезенной с собой канистры.

— Вот-вот, — протянул старик, — и воду на рыбалку с собой уж брать стали. Дожили... К воде идешь, и воду с собой тащишь. А раньше-то как было — зачерпнул кружкой и готово, пей, сколь душе угодно.

Я смущенно улыбнулся:

— Так, тут ведь и коровы ходят, они же сюда и дела свои справляют. Как же эту воду потом пить? Лучше уж подстраховаться.

— Конечно, — поддержал меня парнишка. — Да вы не слушайте его, он наговорит сейчас. У него вечно: раньше, раньше...

— Ну так и чего? Неправда, что ли? — старик вдруг чуть нахмурился, легонько притопнул пару раз левой ногой и как бы между прочим попросил внука: — Ну-ка поддержи меня. — Мальчик взял деда за локоть, тот снял сапог и вытряхнул из него мелкий камушек. — А я думаю, кого тут мне мешается... — пробормотал он тихонько, потом обулся, снова притопнул и опять посмотрел на меня, кивнув на озеро. — Я же не агитирую сейчас её пить. Понятное дело... Я говорю, как раньше, — чистёющая водица была, скусная, покуда прудов-то не понаделали. Речка текла, а она ж вся с родников у нас берется. Да и пескарь вот тот же... Он же только в чистой воде живет. Там вон, в тайге, где мы-то с тобой ходили, — покосился он на внука, — там и сейчас воду пить можно, ежели малёха подальше зайти.

Я подвесил котелок над костром. Солнце уже полностью спряталось за пригорок на другом берегу, и пруд погрузился в густую тень.

— Ладно, пошли домой, а то старуха нас, поди, уж потеряла, — дед снова погладил бороду. — Топать-то далёко ещё...

— Пошли, а то скоро совсем темно будет, — легко согласился внук. Он подпрыгнул на месте, поправляя рюкзак за спиной, и спросил меня: — Вы-то с ночевой приехали?

— Да, завтра утром на зорьке тоже хочу посидеть.

— Только, может, лучше там, где речка впадает? — предположил мальчик. — Там вода свежее и рыбы побольше должно быть.

— Да ну... — возразил старик. — Я тебе уж сто раз говорил: там же мельче, где речка-то впадает, а крупная-то рыба на глуби стоит, у дамбы.

Внук только помотал головой:

— Ладно, пошли.

— Ну, счастливо вам оставаться, — кивнул мне дед.

— Всего хорошего! — я махнул им рукой, и они вдвоем не спеша пошли вдоль берега в сторону дамбы.

— Дед, а мы завтра куда рыбачить пойдём? — услышал я как спросил старика мальчик.

Тот пожал плечами.

— Не знаю. Можно снова по речке походить, а можно сюда, на пруд прийти; может, карасиков потаскаем. А не сюда, так можно куда в другое место собраться. Может, кто из мужиков на дальние озёра поедет, так в попутчики напроситься. Хотя поздно уж сейчас узнавать-то. Чего там тебе твоя интуиция говорит?

Мальчишка задумался на секунду:

— Давай сюда пойдём.

Они медленно удалялись, а я стоял и смотрел им вслед.

— Ну что ж, — согласился старик, — давай сюда.

— Только надо перловки запарить на ночь, чтоб не только на червей ловить, — мальчик приостановился и снова чуть подпрыгнул на месте, поправляя рюкзак за спиной.

— Может, я рюкзак понесу? — предложил дед.

— Нет, не надо, ты и так за день упарился в пиджаке своем, — отказался внук.

— Ну как знаешь... Сейчас придём, так ты спрости у бабушки про перловку, должна быть где-то. Может, и выделит на нашу долю горсточку. Но и червей взять тоже надо будет, там ведь у нас ещё остались, кажись... А лучше свежих подкопнуть.

— Чего, с фонарём сейчас копать пойдёшь? Темно уж.

— Завтра с утра.

— Дед, а мёду дашь? Чтоб в кашу добавить, на прикорм. Чтоб повкуснее была, для запаха.

— Да брось ты, ерунда это всё, — махнул рукой старик.

Они были уже далеко, и голоса становилось трудно разобрать.

— Да почему ерунда-то? Ничего ты не понимаешь, дед!

— Ежели клёв будет, так он и так подойдет, без мёду.

Больше я их не слышал. В быстро сгущающихся сумерках было лишь видно, как мальчик жестикулировал одной рукой, видимо, что-то доказывая старику, а тот шел рядом — прямой, высокий, неспешно ступая по проселочной дороге, идущей вдоль озера.

Я сварил из пакета вермишелевый суп с тушенкой и с удовольствием поел, сидя под вызвездившим черным небом. У берега то и дело плескались ондатры, на середине пруда изредка играла рыба. Вдоль зарослей тальника туда-сюда мельтешили какие-то небольшие пичужки; похоже, что где-то рядом в кустах было их гнездо. Дым от угасающего костра расплзся по берегу, отпугивая комаров. Было хорошо.

Я посидел ещё немного, наслаждаясь ночной прохладой, и, выгнав из салона налетевших туда мух да комаров, полез спать в машину. Завтра нужно будет встать пораньше, чтобы подольше посидеть на утренней зорьке, потаскать ещё карасиков. А там, пока солнце снова не начнет давить жаром на землю, надо будет и домой собираться.

Курить — здоровью вредить

Только Ромка с родителями сели обедать, как во дворе залаял Дозор. Ромкина мать выглянула в окно.

— О... кажется, друг твой идет, — она посмотрела на сына. — Снова, выходит, нынче приехал.

Ромка вскочил с места и кинулся к окну.

— Куда?! — сердито прикрикнул на него отец. — Чего скачешь как козленок? Сядь за стол и ешь, не убежит от тебя твоя улица.

Через несколько секунд входная дверь открылась, и на пороге показался рослый парнишка, одетый в новые синие джинсы и яркую футболку.

— Тетя Лена, дядя Саша, здравствуйте! — громко сказал он, входя в избу. — Ромка, привет!

— Здорово! — широко улыбнулся Ромка и покосился на отца.

— Здравствуй, Владик, — кивнула гостю Ромкина мать. — Снова на каникулы приехал?

— Ага.

— Ну а мы вот только обедать сели. Будешь с нами кушать?

— Нет, спасибо, я уже поел.

— Ну ты тогда Ромку на улице обожди, он сейчас поест и выйдет.

Роман хотел, было, уже через минуту выскочить из-за стола, сказав, что наелся, но не тут-то было. Мать заставила его съесть всё, что было приготовлено к обеду — тарелку борща, тарелку тушеной картошки с мясом и стакан молока с большим куском хлеба. Как можно быстрее запихав в себя еду, он выкрикнул «спасибо» и выбежал прочь.

С Владькой они познакомились в прошлом году, когда тот впервые в жизни приехал к ним в деревню на каникулы к своим бабушке и деду. А познакомились они так.

Роман как-то пошел в магазин и увидел на улице незнакомого мальчишку, одетого явно не по-деревенски. Тот в нерешительности переминался с ноги на ногу, боясь пройти мимо гусей, которые щипали траву на лужайке возле одного дома. Лишь только мальчик делал пару шагов вперед, как гусь начинал хлопать крыльями и, угрожающе вытянув длинную шею, направлялся в его сторону. Мальчик испуганно отскакивал назад, не зная, что делать дальше.

— Что, не пускает? — улыбнулся Ромка, подходя к незнакомцу.

— Да ну его, дурак он какой-то! — сердито выкрикнул мальчишка.

— Не бойся, смотри как надо. Иди за мной, — и Ромка смело зашагал мимо гусей.

Мальчик, опасливо прячась за него, пошел следом. Гусь вновь вытянул шею, открыл клюв и, расправив крылья, направился, было, в их сторону. Но Ромка, не сбавляя шага и не показывая ни малейшего испуга, выставил в его сторону руку с растопыренными указательным и средним пальцами.

— А ну пошел отсюда! — прикрикнул он ещё при этом на птицу.

К удивлению мальчишки, гусь и вправду оставил свою попытку атаковать их, развернулся и пошел обратно.

— И что? И всё, что ли? — удивленно спросил он Ромку.

Тот засмеялся:

— Всё. Только, если честно, не со всеми гусями так можно, иногда приходится и удирать или прут какой-нибудь хватать, но этого гуся я уже знаю. И, главное, не останавливайся, иди быстрее, только спиной к ним не оборачивайся.

Они пошли дальше вместе.

— А ты откуда? — посмотрел на незнакомца Ромка. — Я тебя раньше не видел у нас. В гости, что ли, к кому-то приехал?

— Ага, на каникулы, неделю назад. У меня тут бабушка с дедом живут, вон на той улице, — мальчишка показал рукой в сторону. — Баба Наташа и деда Коля Белозубовы, может, знаешь?

— Ха! Конечно, знаю. Мы на соседней улице живем. А как звать-то тебя?

— Владькой, а тебя?

— Ромкой.

Так они и познакомились. Владька оказался всего на год старше Романа, который в этом году окончил пятый класс. Впрочем, новый друг выглядел старше своих лет: он был выше его почти на голову и значительно пошире в плечах.

— А сам ты где живешь? — продолжал расспрашивать Ромка.

— Далеко, — Владька назвал город. — Мы с отцом сначала сюда три часа на самолете летели, а потом ещё полдня на двух автобусах с пересадкой ехали.

— И надолго ты приехал?

— До конца лета. Ещё почти два месяца жить тут придется. Отец говорит, чтоб я узнал, что такое деревенская жизнь. Типа, я в городе всё время за компьютером сижу, в игры без конца играю, ну и всё в таком духе. А чего ещё делать-то? Зимой я в секцию легкой атлетики вообще-то хожу, а летом она не работает.

— Понятно, — кивнул Ромка.

— Только тут у вас совсем скучно, — недовольно скривил губы Владька. — Даже интернета нет.

— В школе есть, а так-то зачем он тебе? — удивился Роман. — Да и ничего не скучно — на рыбалку ходи хоть каждый день, в лес за ягодой, за грибами. В футбол гонять

можно, у нас поле красное на школьном стадионе. На озере купаться, да мало ли чего ещё...

— Ну не знаю, — Владька пожал плечами, — с дедом да с бабой много не накупаешься и в футбол не поиграешь, — засмеялся он.

— А ты ко мне приходи, вместе будем гулять, — предложил ему Ромка. — Я тебе у нас всё покажу.

Новый приятель ему как-то сразу пришелся по душе — несмотря на свой городской вид, тот держался довольно просто, хотя было видно, что иной раз ему хотелось подчеркнуть, что он старше Романа.

И они стали встречаться чуть не каждый день и много времени проводили вместе. Ромке было интересно послушать Владькины рассказы о городе, только он многого не понимал, когда речь заходила об интернете, всяких сайтах, компьютерных играх и тому подобное. Владьке же было интересно узнавать новое о деревенской жизни. Оказалось, что он до этого ни разу не был на рыбалке и за всю свою жизнь не поймал ни одной рыбки.

— Да ты чего? Правда, что ли? — никак не мог поверить в это Ромка. — Ну ты даешь... — удивленно качал он головой. — Завтра же пойдем на речку, а сейчас айда червей копать.

— Червей? — Владька брезгливо поморщился. — А без них никак?

— Никак, — деловито обрубил Роман, давая в руки приятелю лопату.

Но зато уже через неделю Владька сам спрашивал Ромку, когда они снова пойдут на речку «за пескарями». Со временем Ромка научил нового друга различать съедобные грибы от ядовитых, объяснил, какую ягоду в лесу есть можно, а какую нет.

Надо сказать, что Владька довольно быстро вошел во вкус деревенской жизни и всякие там «интернеты» больше не вспоминал. Характер у него оказался довольно деятельный, в какой-то мере даже авантюрный, из-за чего он время от времени попадал в разные неприятные для себя ситуации.

Так, однажды он вспомнил как смотрел дома какой-то военный сериал про разведчиков, и решил поупражняться в метании ножа. Взяв без спроса кухонный ножик размером

побольше, он не придумал ничего лучше, как кидать его прямо в дверь летней кухни, на которую прицепил лист бумаги с нарисованной мишенью. Услышав непонятный стук, доносившийся с улицы, баба Наташа вышла из избы и схватилась за голову — гладкая, покрашенная в красивый светло-голубой цвет дверь, была вся истыкана ножом. Тут и там на ней белели сколы от Владькиных попаданий. Естественно, внуку тут же за это влетело по первое число, и пришлось ему потом дверь перекрашивать, но всё равно следы от ножа на ней так и остались видны.

Потом он как-то залез в дедов шкаф и отыскал там старую-престарую коробку с порохом. На охоту дед Николай давно уже не ходил, но кое-какие запасы пороха и дробы у него оставались. Они лежали прибранными в дальнем углу шкафа — вдруг когда-нибудь понадобятся.

И вот они понадобились Владьке, который спокойно пройти мимо такой находки, естественно, не смог и загорелся желанием повзрывать бомбочки. Он насыпал немного пороха на бумагу, заворачивал её и поджигал. Потом бросал такую бомбочку и ждал, когда огонь дойдет до пороха и бабахнет. А поскольку порох был дымный, то не просто бабахало, но при этом ещё образовывалось красивое облако вокруг. Выглядело всё это весьма эффектно.

Однако просто взрывать такие бомбочки где-нибудь подальше за огородами Владьке быстро надоело, и он решил немного попугать таким образом кур. Когда дед Коля с бабой Наташей уехали в очередной раз на пасеку, он сделал сразу штук десяток бомбочек, залез на крышу стайки, и стал поджигать и бросать бомбочки вниз, где по птичьему двору ходили курицы. Можно сказать, устроил им своеобразную бомбардировку. При этом он научился делать свои бомбы так, что те взрывались почти сразу как только падали на землю.

Бедные птицы от этих дымных взрывов дико хлопали крыльями, орали не своими голосами, пытались взлететь на забор и вообще носились как ошпаренные. Однако для Владьки всё это было ужасно интересным и смешным. Но потом вышло так, что то ли он в какой-то бомбочке переборщил с порохом, насыпав его слишком много, то ли курица попалась особо впечатлительная, но одна из них после очередного взрыва упала

на месте без чувств. Может, сердце её не выдержало такого стресса, но в себя она так и не пришла, на что Владька очень надеялся.

— Я тут ни при чем, — угрюмо отпирался он потом. — Она сама померла. Я уже давно видел, она какая-то квелия последнее время ходила.

— Я вот сейчас ремня тебе всыплю, так это ты у меня квелиый ходить будешь, — грозился дед.

— Детей бить нельзя, — бурчал себе под нос внук.

— Это нормальных нельзя, которые не пакостят, а таких как ты — не только можно, но и нужно.

Дед Николай, несмотря на преклонный возраст, был ещё весьма крепок, и с внуком в случае чего справился бы. Но, конечно, он только грозился, так как в глубине души Владьку всё же любил и бить ремнем не стал бы.

Однако, когда кто-то из соседей рассказал бабе Наташе о том, что слышал в районе их стайки подозрительную активность и шум, и когда сам дед Николай после тщательного осмотра нашел на птичьем дворе остатки горелой бумаги, внук всё же получил от деда подзатыльник.

И вот в этом году Владьку вновь привезли в деревню, только он сказал Ромке, что уже сам попросился сюда. И снова друзья стали вместе ходить на рыбалку, гоняли мячик с пацанами на стадионе, гуляли в лесу.

Как-то раз, сразу после завтрака, Ромка пришел к Владьке. Тот сидел на лавке возле калитки и щелкал прошлогодние семечки.

— Здорóво, — пожал он приятелю руку. — Я сегодня один загораю, дом сторожу. Дед с бабой на пасеку опять уехали, а я вот остался. Не охота там с пчелами с этими, не люблю я их, — Владька сплюнул шелуху на землю.

Какое-то время друзья посидели на лавочке, болтая о разной ерунде, а потом пошли в летнюю кухню. Там Владька, взяв в руки коробок спичек, лежавший около печки, вдруг неожиданно спросил:

— Слушай, а ты курил когда-нибудь?

— Чего? — удивился Ромка.

— Ну... сигареты курил уже?

— Мне чего, делать больше нечего?

Из Ромкиной родни курил только его дядя Андрей. Ни отец, ни старший брат Володя, который сейчас служил в армии, к табаку не притрагивались.

— Да я так просто спросил, — протянул Владька, сядя на стул.

— А ты что, куришь, что ли?

— Ну не курю, конечно, но пробовал. У отца стрелял сигареты несколько раз.

— Делать тебе нечего, — Ромка неодобрительно покачал головой.

Однако Владька сказал обо всём этом с таким важным видом, словно хотел в очередной раз подчеркнуть, что он старше, и Ромка всё же немного смутился. Ему не хотелось казаться совсем уж сопливым пацаном на фоне своего городского товарища.

— Ну и как, понравилось? — спросил он через некоторое время, глядя на развалившегося на стуле Владьку.

— Чего? Курить, что ли? — тот пожал плечами. — Не знаю. Прикольно... — И тут же быстро предложил: — Слушай, а давай сейчас попробуем! — При этом он даже немного подскочил на месте.

— У тебя что, сигареты есть?

— Да нет, конечно... Хотел у отца парочку свистнуть, да не вышло, но можно что-нибудь другое покурить.

— В смысле? — не понял Ромка. — А что ещё курят?

— Ну... можно чай. Он ведь такой же, как и табак. Свернуть трубочку из газеты, насыпать туда чай, и кури сколько влезет.

— Не знаю, — нахмурился Ромка, однако в глубине души он уже был готов переступить эту запретную черту только лишь ради того, чтоб Владька не корчил из себя взрослого.

— Ты посиди тут пока, я махом! — Владька вскочил и быстро убежал в дом. Вернувшись с пачкой обычного черного чая, он взял с тумбочки газету. — Сейчас сделаем...

— Ты чего, прям здесь курить собрался? — Ромка посмотрел по сторонам. — Вонять же потом будет.

— Точно... — Владька на мгновение огорчился, но его глаза тут же вновь загорелись. — А давай тогда спрячемся

где-нибудь! Чтоб соседи тоже не заметили. Вон, можно за баню или за поленницу, которая у погреба возле забора стоит.

Выйдя из летней кухни, они подошли к навесу, закрывающему погреб. Возле него была сложена небольшая поленница, высотой немногим более метра. За ней стоял высокий забор, но между ними было около метра свободного пространства, густо заросшего крапивой.

— Давай крапиву примнём и за поленницей спрячемся, там нас точно никто не заметит, — предложил Владька.

Он хотя и строил из себя взрослого, но всё же побаивался, что кто-нибудь может их увидеть за этим занятием и расскажет деду, а этого он ой как не хотел.

— А если твои приедут? — опасливо спросил Ромка.

— Не, они с пасеки всегда поздно приезжают, часам к семи только, к ужину.

Аккуратно, чтоб не обжалиться, приятели пробрались в щель между поленницей и забором, примяли там крапиву и уселись на корточки. Владька достал из кармана газету, оторвал с угла небольшой кусок и начал скручивать его в трубочку. Он даже предусмотрительно взял для этого из дома карандаш: явно делал это не в первый раз. Потом засыпал в свернутую трубочку чай и зажал её губами как настоящую сигарету. Подмигнув Ромке, он зажег спичку и прикурил. Затянувшись, Владька выпучил глаза и сразу же закашлялся.

— Не-не... нормально... — прохрипел он. — Это я так, с непривычки, затянулся сильно.

Он опять взял свою чайную сигарету в зубы и вновь втянул в себя дым, только уже не так сильно. Вытянув губы трубочкой, он выпустил вверх струйку дыма.

— На, попробуй, — протянул он сигарету Ромке.

Тот на секунду задумался, но потом всё же решил отказаться:

— Не, не буду я, не хочу.

— Как знаешь, — ухмыльнулся Владька и снова пару раз неумело затянулся дымом.

С важным видом он стряхнул на землю образовавшийся пепел. Выпустив следующую порцию дыма, Владька блаженно улыбнулся:

— Классно!

И в этот самый момент сверху раздался громкий голос:

— Я тебе сейчас покажу «классно»!

Из-за поленницы показалась голова деда Николая. Сурово сдвинув брови, он гневно смотрел на внука.

Блаженная улыбка с Владькиного лица исчезла в доли секунды, а сам он сразу же приобрел жалобный и испуганный вид. Ромка тоже перепугался. Сложность ситуации была ещё в том, что бежать им было совсем некуда — с боков были поленница с забором, а спереди и сзади — крапива в человеческий рост.

Владька не успел опомниться как крепкая рука деда быстро схватила его за ухо и подняла в полный рост.

— Ах вы, стервецы! Пожар мне тут устроить решили?! Поленницу с сараем спалить удумали?! — дед Николай от души тянул внука за ухо, словно хотел перетащить его к себе.

— А-а-а-а!! — заорал Владька. — Деда! Больно, пусти!!

Ромка сломя голову кинулся назад сквозь крапиву и, выскочив из укрытия, побежал к калитке. Возле летней кухни стояла ничего не понимавшая баба Наташа. Со стороны поленницы слышались истошные Владькины крики и суровая ругань деда Николая.

Оказалось, что старики на этот раз управились с делами довольно быстро и вернулись с пасеки раньше обычного, ещё до обеда. При этом они с удивлением обнаружили свой дом настежь открытым, а летнюю кухню пустой. Внука, которого они оставили за сторожа, нигде не было видно. Заволновавшись, не случилось ли какой беды, дед Николай пошел дальше в огород. Когда он проходил мимо погребца с поленницей, то услышал за ней голоса и заметил поднимающийся дымок. Заглянув туда, он увидел блаженную Владькину физиономию с самодельной сигаретой в зубах, которому как раз в тот момент было очень «классно».

— Чего там случилось-то? — тревожно спросила баба Наташа пробежавшего мимо Ромку. — Где Владик-то?

— Да всё нормально, — не останавливаясь, тот махнул рукой в сторону погребца. — Там он...

И он пулей выскочил через калитку на улицу. «Только бы отцу с матерью не рассказали, — верталось у него в голове, — хотя я ведь и не курил вовсе, так просто сидел».

Родителям никто ничего не сказал, но Ромка всё равно боялся пойти к Владьке, не зная чего ожидать от деда Николая и бабы Наташи. Сам же Владька пришел только через неделю.

— Ну и чего тебе было? — участливо спросил Ромка друга.

— Да... — нахмурившись, тот опустил голову. — Дед поругался, поругался маленько, да успокоился. Правда, сейчас меня одного дома оставлять не хотят, говорят, с ними везде ездить буду. Ничего, как-нибудь переживу.

— Курить-то будешь ещё?

— Да ну его... — небрежно махнул Владька рукой. — Курить — здоровью вредить... Да и уши потом от этого курева болят.

Засмеявшись, друзья взяли мяч и пошли на футбольное поле.

Вожжи

Зал, хоть и был велик, но в нем стало уже довольно душно. Слишком громкая музыка назойливо била по барабанным перепонкам, и это раздражало. Все пытались перекричать друг друга, лезли к имениннику с объятиями и предложениями сделать «селфи» на память.

Недовольно поморщившись, Юрий Николаевич Корепанов встал из-за стола и, аккуратно работая плечами, стал пробивать себе дорогу к выходу на открытую террасу. Выйдя на свежий воздух, он с облегчением вздохнул, отошел в дальний конец, облокотился на деревянные перила и с удовольствием закурил. Несмотря на вечернее время, было светло, так как июньское солнце ещё довольно высоко висело в ясном беззаботно-синем небе.

Эту просторную двухэтажную дачу на окраине небольшого поселка недалеко от Москвы снял на выходные шеф Корепанова Сергей Сергеевич Луговской. Снял для того,

чтобы на широкую ногу отметить свой юбилей (личную дачу, не менее просторную, он использовать для этих целей пожалел).

Луговской — начальник финансового отдела одной среднего размера строительной фирмы — решил немного соригинальничать и пригласил на торжество довольно много человек, столько же, сколько исполнилось ему лет — пятьдесят пять. В основном присутствовали люди с работы (руководящий состав, конечно же), деловые партнеры, ну и прочие друзья-товарищи разной степени близости с женами и без.

Гуляли с двух часов дня, но надо сказать, что приглашенный тамада довольно умело не позволял сборищу превратиться в банальную череду здравниц с поднятием рюмок и бокалов. Было весело, разнообразно, в общем — неплохо. В итоге, к семи вечера те, кто хотел, конечно же, изрядно поднабрались, а те, кто как Юрий Николаевич старались сохранить ясность ума, тоже смогли это сделать.

— Николаич, ты чего нас покинул? — незаметно подошедший Луговской хлопнул Корепанова по спине пухлой ладошкой. — Чего тут один стоишь?

— А? — вздрогнул тот. — Да так, Сергеич, задумался что-то... Душно там стало, вот и вышел.

Корепанов уже несколько лет был у Луговского замом, поэтому они, будучи вдвоем, общались запросто, называя друг друга по отчеству или даже просто по имени. А близкий возраст (Юрию Николаевичу пару месяцев назад стукнуло пятьдесят два) лишь подчеркивал такое право.

— Да, душновато, — кивнул Луговской. — И кондиционера у них в этом зале нет. Я и внимания-то не обратил, когда дом смотрел. Из головы вылетело, да и по интернету всё ведь.

Корепанов ещё раз затыкнул и, затушив сигарету, кивнул на простор, открывающийся перед ними:

— А место хорошее, красивое...

Основной вход и подъезд к дому с парковками были с противоположной стороны. Здесь же, за террасой, зеленела небольшая лужайка с аккуратно подстриженным газоном, чуть дальше шел ряд невысоких сосен, росших вдоль деревянного забора. За забором никаких домов уже не было: там уходили к горизонту холмистые поля с серыми прожилками дорог, весело

зеленели березовые перелески, извилистой полосой темнел густой кустарник, росший, видимо, вдоль какой-то речушки.

— Что, прикупить домик хочешь? — засмеялся Сергей Сергеевич, весело шлепнув себя широкими подтяжками по шарообразному животу. Настроение у него было хорошее. — Куда тебе такой, одному-то? Ты, кстати, жениться не надумал ещё? Сколько уже с Варварой своей шуры-муры крутишь, всё не решишься никак.

Корепанов поморщился и лениво махнул рукой:

— Да ну, Сергеич... В третий раз как-то боязно уже, что ли... Вроде и ничего она, а нет-нет, да и мелькнет мыслишка — а вдруг из-за денег только да из-за квартиры ко мне липнет? Вдруг враньё всё это? Я имею в виду любовь её эту...

— Ну, дружище, — шеф развел руками, — так и вовсе один останешься. Тоже ведь беспорядок. Да и какая тебе разница — деньги, любовь... Где её сейчас найдешь, любовь-то эту? В книжках только и осталась.

— Ну почему в книжках...

— Ну а где ещё?

Юрий Николаевич пожал плечами, продолжая смотреть вдалёк.

— Не знаю... Может, где-нибудь там, от Москвы подальше.

— Например? — усмехнулся Луговской.

— Да хоть в Сибири, на родине моей. Там люди другие. Или ещё где-нибудь...

— Эк куда тебя понесло, Сибирь вспомнил... Хорош дурить, Николаич! Ты давно там был в последний-то раз, в Сибири этой?

— Давно, — грустно покачал головой Корепанов. — Лет двадцать точно уже не был. Я же как после армии в Москву приехал, так и всё... Первое время, правда, пару раз ездил, а потом... — он снова махнул рукой. — То одно, то другое...

— Ну вот и не бери в голову, — снова хлопнул его по плечу шеф. — У тебя там никого уже и нет, наверно.

— Ну почему... Есть. Брат старший с семьёй живет.

— А родители?

— Отец давно уже умер, вот к нему тогда и ездил на похороны, последний-то раз когда. Мать два года назад умерла,

мы тогда с тобой как раз в Финляндии были на выставке. Я говорил тебе, может, помнишь?

— Да-да, припоминаю.

— Ну вот... А я ж тогда так и не съездил туда, даже на могиле у неё не был.

— Ну ничего, съездишь как-нибудь, — Луговской засунул руки в карманы брюк и качнулся с пятки на носок. — Эх, денек сегодня хороший! Жаль бассейна у них тут нету, искупаться бы в самый раз! Ладно, Николаич, пошли за стол! Нехорошо от людей надолго удаляться. Пошли давай!

— Ты иди, Сергеич, я сейчас. Ещё разок покурую...

Луговской ушел, а Корепанов достал из нагрудного кармана рубашки жестяную коробочку «Макинтоша» и вынул сигарету.

В последнее время он всё чаще ловил себя на ощущении некой то ли неудовлетворенности, то ли тревожности, посещавшей его в самое разное время. Он пытался отследить в этом какую-нибудь закономерность, понять, когда и от чего это накатывает, но не получалось. Иной раз мог в плохом настроении проснуться посреди ночи, а мог ни с того, ни с сего захандрить посреди рабочего дня, плюнуть на всё и уехать с работы сразу после обеда, сказавшись больным.

Корепанов был уже два раза женат, и оба случая оставили в душе не очень приятные воспоминания. Оба брака были вовсе не по любви. Первый раз был вполне циничный расчет с его стороны — искал себе выгодную партию, кого-нибудь из москвичек, чтобы крепче зацепиться в столице, приобщиться, так сказать, к коренным жителям. Даже двоих детей родили, но через тринадцать лет развелись. После двух лет холостой жизни соблазнился на смазливую мордашку провинциальной покорительницы столичных подиумов. Захотелось иметь рядом молоденькую модельку, чтоб знакомые смотрели и завидовали. Этого брака с трудом хватило на одну бестолковую пятилетку, и хорошо, что хоть здесь обошлось без детей: они в планы жены, бывшей моложе Корепанова на десять лет, не входили.

Сейчас вот Варвара эта... Вроде, неглупая, ненавязчивая, симпатичная. И одному-то жить поднадоело, а жениться боязно. Попробуй, залезь ей в голову, чего там... Они встречались уже почти шесть лет, жили то вместе, то порознь. Она-то, в

принципе, была не против узаконить отношения, да вот он всё колебался — уверенности не было.

Как-то он всерьез задумался, почему же не стало её — уверенности этой, и пришел вдруг к неожиданному для себя выводу, что семья семьёй, но и вся жизнь у него получилась какая-то непонятная, словно ненастоящая, не чувствовал он её своей, что ли...

Впрочем, если бы кто-нибудь посмотрел на Юрия Николаевича со стороны, то сказал бы, что мужику вообще-то в жизни повезло. Многие, наверное, даже позавидовали бы ему. За тридцать с небольшим лет он достиг многого, и всё у него было: хорошая работа, зарплата в разы выше средней, квартира недалеко от Садового кольца, престижная машина, одет с иголочки... Семьи, правда, не было, но это по нынешним временам не показатель. И ни у кого язык бы не повернулся сказать, что жизнь у него не удалась. Да он и сам бы не взял на себя такой грех — жаловаться на судьбу. Однако как бы там ни было, а уныние и хандра всё чаще посещали его.

Хотелось изменить что-то, а что именно и как — не понимал. И смеялся он над собой, говоря, дескать, революционная ситуация у него сложилась — низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-новому. Только вот дальше этого горького смеха дело у него не двигалось.

Он стяхнул пепел и, тяжело вздохнув, снова обвел взглядом вид, открывавшийся перед ним. Пейзаж отдаленно напоминал Юрию Николаевичу его родину. И точно так же высоко-высоко в небе кружил коршун — покружит-покружит, потом встанет против ветра, постоит неподвижно на одном месте, и снова начинает круги вырисовывать, высматривая добычу.

Желания возвращаться в дом у Корепанова не было. Оттуда по-прежнему доносилась громкая музыка, что-то кричал в микрофон тамада, пытаясь организовать гостей на конкурсы. Время от времени на террасу выходили люди, пьяно хохотали, курили, пробовали танцевать, но больше просто кривлялись. Юрий Николаевич старался ни на кого не смотреть. К нему попытался подойти с разговором молодой начальник какого-то отдела, но он, достав телефон, сделал вид, что занят важной перепиской, и его оставили в покое.

Корепанов глянул на часы — доходило восемь. Все ушли в дом, и на террасе он остался один. «А, может, прогуляться по деревне этой, а? — мелькнула вдруг у него мыслишка. — Время ещё раннее, темнеет сейчас поздно. Как говорится, себя показать, на людей посмотреть». Предполагалось, что большая часть гостей должна была вечером разъехаться, а человек десять-пятнадцать, в том числе и он, оставались до утра, поэтому особо следить за временем было незачем.

Глянув по сторонам, он сел на перила, по-мальчишески перекинул через них ноги и прыгнул с террасы вниз на траву. Потом быстро дошел до забора, осмотрелся — калитки здесь не было. «Да плевать, — Корепановым вдруг овладело непривычное для него озорство, — чего я, в самом деле?» — он ухватился руками за штакетины, поставил ногу на прожилину и, оттолкнувшись, перевалился через забор. «Вот и всё, — Юрий Николаевич отряхнул брюки от прилипших соринки, — а то привык через парадную дверь всё время ходить».

С этой стороны забора шла обычная грунтовая дорога. Корепанов сорвал травинку, взял её в зубы и, сунув руки в карманы брюк, не спеша побрел по дороге. У него не было какой-то конкретной цели куда идти, он хотел просто прогуляться в тишине, может быть с часик подышать воздухом, а потом вернуться, выйдя к дому с главного входа, то есть, с другой стороны.

Здесь было действительно тихо, музыка словно осталась там, по ту сторону забора; лишь с полей доносился нескончаемый стрекот кузнечиков, да в листве деревьев щебетали птицы. Ветра почти не было, но если налетал легкий порыв, то он приносил с лугов приятный аромат цветущего разнотравья.

Корепанов, чтобы не запылить сильно туфли, старался идти между колеями по травянистой полоске, густо заросшей подорожником и мелким белым клевером, над которым деловито жужжали пчелы.

Метров через сто дорога стала заворачивать от домов в поля, где чуть поодаль виднелся небольшой лесочек. Юрий Николаевич посмотрел на часы: «Ладно, пройду немного в ту сторону, а потом обратно поверну». Правда, на мгновение внутри шевельнулась легкая тревога, а не потеряют ли его, и

если потеряют, то не будет ли это выглядеть с его стороны некрасиво, но потом махнул рукой и решил идти дальше.

Через некоторое время он услышал позади себя размеренный топот. Оглянувшись, Юрий Николаевич увидел на дороге догонявшую его гнедую лошадь, запряженную в телегу. В телеге, свесив ноги, сидел мужичок, на вид уже лет за шестьдесят — обычный деревенский мужик, ничего особенного, одет в рубаху и старые застиранные штаны, на голове сдвинутая на затылок кепка, на ногах пыльные галоши. Телега была на резиновом ходу и, видать, хорошо смазана, поэтому двигалась почти бесшумно, слышно было лишь тяжелый и неспешный лошадиный шаг.

Корепанов остановился, и когда телега поравнялась с ним, спросил:

— Здравствуйте! А можно с вами немного прокатиться?

Мужик натянул поводья:

— Тпру-у...

Лошадь встала, и возница спросил:

— А куда вам надобно?

— Да никуда, — улыбнулся Корепанов. — Просто прокатиться, детство вспомнить. Пошел вот прогуляться, а тут вы едете...

Мужик пожал плечами:

— Не жалко... Садись, коли охота, только у меня тут грязно, испачкаешься.

— Ничего, отряхнусь.

— Ну как знаешь... А назад-то как? Я тебя не повезу.

— Да и не надо, — Юрий Николаевич ловко запрыгнул на телегу с другой от мужика стороны. — Я маленько с вами проедусь и обратно пойду.

Мужик легонько шлепнул кобылу вожжами по бокам:

— Пошла!..

Лошадь зашагала дальше. В телеге было постелено сено, лежали какие-то доски, лопата, ещё кое-какой инструмент.

— Скажите, а можно я вожжи возьму, а? — неожиданно даже для самого себя вдруг попросил Корепанов.

Мужичок тоже удивился такой просьбе своего пассажира:

— Вожжи? Зачем это? — глянул он на него, недоверчиво прищурившись.

— Да как сказать... — Юрий Николаевич немного смутился и пожал плечами. — Детство вспомнить.

— А ты умеешь?

— Так я сам-то деревенский, из Сибири родом. Умел когда-то.

— Деревенский? — мужичок скептически смерил Корепанова взглядом. — Ну на, попробуй. Кобыла у меня, вообще-то, смирёная, сама идет куда надо, — и он протянул пассажиру потертые вожжи из широкой грубой тесьмы.

Юрий Николаевич взял их и вдруг почувствовал, как у него заколотилось сердце, как его охватило непонятое волнение, мандраж... «Ёлки-палки, прям как на экзамене», — проглотил он вставший в горле комок.

Корепанов легонько шлепнул вожжами и громко понукнул:

— Н-но-о!

Лошадь прибавила шаг.

— Шибко-то не гони, — промолвил мужичок.

— Да я нет... я ничего... Так... почувствовать немного.

Мандраж у Корепанова быстро прошел, и ему на смену пришла хорошая и бесхитростная радость. На мгновение он даже почувствовал себя совсем счастливым. Юрий Николаевич расправил плечи, широко и глуповато улыбнулся и, коротко хохотнув, глянул на мужичка. Тот тоже чуть усмехнулся в ответ:

— Чего, глянется?

— Эх, папаша, как же это всё... — весело начал Корепанов, но не договорил, а вдруг погрустнел и замолчал, словно вспомнил что-то.

— Чего ты? — удивился мужик резкой перемене настроения своего пассажира.

Тот не ответил. Проехав ещё немного, он вздохнул и вернул вожжи мужичку:

— Ну ладно, спасибо вам. Я обратно пойду, — кивнув, Юрий Николаевич на ходу соскочил с телеги и не спеша зашагал в обратную сторону.

Он и вправду вспомнил кое-что — один случай из детства. Может, мышечная память так сработала, непонятно.

Он тогда окончил не то четвертый, не то пятый класс. Лето выдалось богатое на траву, поэтому косить начали довольно рано, уже в конце июня. Отец, работавший в совхозе трактористом, косил обычно на тракторе, выкраивая редкие более-менее свободные деньки. Сено сохло быстро, и уже через день после того, как трава была скошена, её можно было грести и копнить. Копнили вилами, вручную, а гребли на конных граблях. Последние годы это обычно делал Юркин старший брат Антон (он уже оканчивал школу), но нынче, перед тем как ехать на покос, отец после обеда подошел к младшему сыну:

— Ну что, Юрок, справишься с лошадьёю или как?

Тот замер и облизнул губы:

— А чего делать надо?

— Да вот подумал, может, тебя нынче на грабли посадить, а? Ты бы грёб, а мы с Антохой копнили бы. Всё дело быстрее бы пошло.

Юрку захлестнуло от радости. Он, конечно, управлял лошадьёю раньше, но это было всё несерьезно, когда ему давали просто подержать вожжи в телеге или в санях зимой. Юрка в эти моменты сидел, с важным видом похлопывал лошадьёю по бокам вожжами и покрикивал время от времени: «Н-но-о-о!». Чего тут сложного? Лошадьёю идет да идет себе по дороге; тем более, рядом взрослый сидит, который в случае чего поможет. А так вот, чтобы совсем самому, да ещё на конных граблях!

— Конечно, справлюсь! — заерзал он на стуле. — Что я, маленький?

— А какой? Большой уже? — засмеялся отец и потрепал его по светлым волосам. — Ну давай попробуем.

— Да ты чего, Николай? — воспротивилась, было, мать. — Куда ты его на грабли-то сажать собрался? Мал он ещё для таких дел.

Она сама на следующий день ехать на покос не могла, ей надо было на работу.

— Ничего и не мал! Мама, я справлюсь, у меня получится! — затараторил Юрка.

Не мог же он упустить такую возможность. Ему страсть как хотелось самому, совсем по-взрослому, поехать на лошади, да ещё и на граблях.

— Справится, — улыбнулся отец.

На следующее утро, когда чуть обсохла роса, поехали на покос втроем на телеге. Конные грабли были уже там, стояли спрятанными в кустах. Отец выпряг лошадь Стрелку из телеги и переапряг её в грабли.

Конные грабли — это много-много стоящих в ряд загнутых дугой толстых металлических прутьев, расположенных между двух колес. Эти прутья чем-то похожи на гигантскую расческу с кривыми зубьями, они скребут по земле и собирают сено. Чтобы вывалить сено из граблей, надо эту «расческу» поднять, нажав ногой на специальную педаль или потянув за рычаг, торчащий позади сиденья. Когда Юрка смотрел как это делают другие, то всё казалось легким и простым, но сейчас, когда отец усадил его на жесткую железную сидушку, он, как ни пыхтел, так и не смог надавить на эту педаль.

— Мало каши ел сегодня? — усмехнулся Антон.

— Ничего, ты рычагом пробуй, — посоветовал отец.

Юрка, ухватившись за рычаг, потянул его, навалившись всем телом вперед. Получилось — грабли поднялись.

— Ну вот, — одобрительно улыбнулся отец, — значит, так и будешь действовать. Мы с Антохой копнить будем, а ты гребь. Да смотри не пропускай ничего. И шибко много не собирай, чтоб легче опрастывать было. Давай я тебе на сидушку фуфайку ещё накину, чтоб помягче было.

Стрелка была лошадь покладистая, ранее не замеченная в особой урси. Пока Юрка слушал как управляться с граблями, она спокойно стояла, помахивала хвостом и головой, отгоняя мух и слепней. Когда же он, забравшись на сиденье, уселся поудобнее и прикрикнул: «Н-н-о-о!», она тихо и спокойно пошла. Стоило ему чуть потянуть вожжи влево, как Стрелка послушно поворачивала влево, вправо — вправо. Когда надо было сдать назад, он не особо понимал, как надо действовать, просто тянул вожжи на себя, и Стрелка, чуя пожелания молодого возничего, пятилась задом.

И Юрка быстро приноровился. У него стало вполне неплохо получаться колесить по покосу и скрести землю граблями, собирая сено в кучи. Он жалел Стрелку, старался не перегружать грабли и освобождал их, может быть, даже чаще,

чем нужно. Отец сперва пристально следил за сыном, но потом, глядя, что всё идет вполне неплохо, сосредоточился на копнах.

Подошло время обеда. Перекусили тем, что собрала мать: свежие огурцы, зеленые стрелки лука-батуна, вареную молодую картошку, вареные яйца, хлеб, да бутылку утрешнего молока. Хоть и неказистой может показаться эта еда, но на свежем воздухе, когда уже подустал, то ничего вкуснее и не надо. Наевшись, легли в теньке немного отдохнуть. Стрелка пощипывала траву тут же, неподалёку.

— Ну что, хлопцы, хватит прохлаждаться! — поднялся через десять минут отец. — Отдохнули малёха, пора и честь знать. Надо дальше работать, пока погода даёт.

Они сметали уже две копны, и хотелось до вечера сделать ещё парочку.

Юрка снова залез на грабли и поехал грести сено дальше. Он успел три или четыре раза освободить гребенку от сена, как внезапно Стрелка взбрыкнула и, громко заржав, резко ускорила ход.

— Эй! Ты куда!? — закричал Юрка, натягивая поводья. Он не понял, что произошло. — Тпру-у!

Но Стрелка не слушалась и, снова громко заржав, рванула вперед ещё сильнее. И тут Юрка заметил, что вокруг неё кружат то ли пчёлы, то ли осы. Скорее всего, это были осы, а может, даже и шершни, которые иногда делают свои гнёзда в земле. Наверное, лошадь наступила ногой на такое гнездо и разрушила его, и те сразу набросились на бедное животное. Но в тот момент Юрке некогда было думать об этом, он просто догадался, что Стрелку кто-то больно укусил, и, похоже, не один раз.

Лошадь, не реагируя на его крики, помчалась вкруговую по большой поляне. Юрка перепугался. Одной рукой он держал вожжи, а другой что было сил вцепился в сидушку, чтобы не слететь с неё. Грабли подскакивали на кочках, а в голове у него вертелась одна мысль: «Хоть бы только вниз не свалиться». Упасть вниз означало попасть под эту страшную «расчёску» из кривых стальных прутьев, а это ничего хорошего не сулило. «Если уж и грохнуться, то лучше бы назад», — думал Юрка, подскакивая на кочках.

В какой-то момент, когда грабли подпрыгнули особенно сильно, он бросил вожжи и схватился за сиденье двумя руками. Краем глаза он видел бегущего отца, который размахивал руками и кричал:

— Вожжи-то... вожжи пошто бросил?!

К счастью Стрелка дальше побежала туда, где сено было ещё не убрано, поэтому грабли быстро набились до отказа, и лошади стало тяжело. Осы давно отстали, и она наконец-то остановилась.

Тут же подбежал запыхавшийся отец и схватил Стрелку за узду.

— Тпру-у-у... тихо, тихо... — тяжело дыша, он стал гладить лошадь по морде. — Юрка, чего случилось-то? Чего она понесла? — отец повернулся к сыну, и тот заметил, как у него трясутся губы.

Испуганный Юрка сидел, по-прежнему вцепившись двумя руками в сидушку, и боялся отпустить её.

— Пап, я не знаю, — пробормотал он. — Укусил её, похоже, кто-то, осы, наверное...

— Да чтоб им... Ну тихо, тихо... — успокаивал отец лошадь, которая стояла, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, и время от времени испуганно всхрапывала.

Когда все успокоились, отец сказал сыновьям:

— Давайте, хлопцы, только мамке не будем ничего про это говорить. Пожалеем её, а то она перепугается. Ладно?

Братья согласно кивнули.

А потом дома, когда Юрка после ужина сидел на крыльчке и щёлкал семечки, на улицу вышел отец и сел рядом.

— Сынок, я чего тебе сказать ещё хотел... — он достал папиросу, задумчиво помял её пальцами и закурил.

— Чего, пап?

— Ты на будущее одну штуку запомни — никогда не бросай вожжи. Понимаешь? Никогда... Лучше свалиться, но вожжи в руках держать, тогда шанс будет, а иначе... Тут ведь дело такое — или ты правишь лошадью, или она тебя несёт куда хочет. Поэтому никогда, что бы ни случилось — не бросай вожжи. Понял? — он улыбнулся и обнял сына.

— Понял, — кивнул в ответ Юрка.

— Ну вот... — отец немного помолчал, глядя вдаль, потом задумчиво сказал: — Да и по жизни так же... Всегда, сын, держи вожжи сам, в своих руках, никому не отдавай. Ежели сам не будешь жизнью своей править, то охотников много найдется. Завезут так, что рад не будешь. Ну ладно, иди в избу, спать уж пора ложиться...

И вот сейчас Юрий Корепанов шагал проселочной дорогой и думал над вдруг вспомнившимися словами отца. Как же давно всё это было! И словно в какой-то другой жизни, как и не с ним вовсе.

Уставшее за день солнце скатилось по небу вниз и, казалось, легло передохнуть на лес, темневший на горизонте. Всё вокруг — поля, кусты, деревья — приобрело нежный бледно-оранжевый оттенок. «Так что ж, отец, выходит, я снова вожжи бросил, так что ли? Отдал непонятно кому их и всё», — Юрий Николаевич шел, пиная белые пухлые шапки одуванчиков, и вспоминал свою жизнь.

...С самого детства он очень любил лес. Любил деревья, особенно нравились ему сосны — высоченные, тянущие свои прямые как струны стволы ввысь, туда, где больше солнца. Нравилось ему работать с деревом, дома он всегда что-то строгал, пилил в небольшой сараюшке, служившей отцу мастерской. И после школы хотел поступать в лесоторговый техникум, который находился в соседнем райцентре. Но так получилось, что как только он окончил десятый класс, отец сильно заболел и слёг. Юрка тогда дальше учиться никуда не пошел, остался дома и устроился работать в совхоз помощником тракториста. Через год его призвали в армию, и он решил поступать в техникум после службы. Но армейский дружок Валерка Суслов уговорил его после «дембеля» ехать в Москву. Служили они в Калуге, до Москвы рукой подать, вот и уболтал Валерка его: «Зачем тебе этот техникум? Кому сейчас твой лес нужен? Время уже не то, Юрок!» Да, время было, действительно, другое... Все хотели учиться или на юристов, или на экономистов. В моду входили такие слова, как менеджер, мерчендайзер, супервайзер... И Корепанов, поддавшись на уговоры сослуживца, поехал в Москву, хотя, положа руку на сердце, душа у него к этому совсем не лежала.

Потом, уже в Москве, ему очень нравилась одна девчонка. Она работала в столовой, где они обычно обедали. Корепанов познакомился с ней, и они стали встречаться. Девчонка была родом с Урала и тоже приехала в Москву за лучшей долей. Корепанову с ней было легко и хорошо, и через некоторое время даже появились мысли о женитьбе, которыми он поделился с тем же Суловым. «Ты серьезно?» — удивленно посмотрел на него армейский дружок, с которым они в то время вместе работали на одном торговом складе. «А чего? — пожал плечами Корепанов. — Девчонка она вроде хорошая, правильная». «Ну и дурак будешь, — безапелляционно заявил тот. — Ни у тебя жилья и работы нормальной нет, ни у неё... Два сапога пара». «А при чем тут это?» — обиделся, было, Юрка. «Да при том, что в нашем положении надо не хороших и правильных искать...» — «А каких?» — «Москвичек, вот каких. Чтоб с жильем и со связями московскими. — Сулов постучал Юрку пальцем по лбу. — Или ты всю жизнь квартиры снимать хочешь да на складе коробки таскать?» Корепанов не хотел жить на съемных квартирах и таскать коробки, поэтому вздохнул и, согласившись с другом, стал искать москвичку.

Когда свободная москвичка (кстати, на пять лет старше его) с трудом, но была найдена и с ней была сыграна свадьба, то через положенный срок на свет появился их первый ребенок — дочка. Корепанов хотел назвать её Леной, в честь своей бабушки по матери. Но тут вмешались родственники жены, особенно теща: «Ну вот ещё! Какая такая Лена? Кто сейчас так детей называет? Сейчас другие имена в моде». Он тогда удивился: «Разве бывает мода на имена?» Оказалось, что бывает, и девочек сейчас надо называть Инной, Дарьей или Юлией. Отстаивать бабушкино имя он не стал и согласился на Инну — Инна Юрьевна звучало лучше, чем другие предлагаемые варианты.

Получив водительские права, он хотел купить себе «Ниву», чтобы можно было выбираться на выходных на рыбалку, куда-нибудь подальше от города. Машина нравилась ему своей проходимостью и простотой — как говорится, дешево и сердито. Но когда на работе он обмолвился о своем желании (а трудился Корепанов в то время уже менеджером в одной довольно крупной торговой сети. Кстати, с работой

помог дядя жены. Этот же дядя помог и с высшим экономическим образованием, хоть и заочным, но это было неважно), то его чуть не подняли на смех и стали объяснять как дитю неразумному: «Ты пойми, что по машине ведь о тебе самом судить будут. С твоей пенсионерской «Нивой» серьезные люди с тобой даже разговаривать не станут. Надо иномарку брать. В идеале — «мерина» или «бэху», пусть даже бэушную, но можно и попроще — другого «немца» взять или «японца» какого-нибудь». «Так, мне ведь на ней не просто по работе, но и на рыбалку ездить охота, поэтому проходимость нужна», — возразил Корепанов, на что коллеги лишь усмехнулись и развели руками: «Тебе жить, сам выбирай... Только потом не жалуйся и не говори, что тебя не предупреждали». И, взяв кредит, купил он тогда десятилетнюю «БМВ» пятой серии. «Серьезные люди» с ним разговаривали, но от выездов на рыбалку пришлось отказаться.

Тот же дядя жены помог и с образованием, пристроив мужа племянницы учиться на экономиста на заочное отделение в мало кому известный ВУЗ. То, что ВУЗ был мало кому знаком, было, на самом деле, неважно, дипломы он выдавал вполне нормальные, а этого было достаточно.

Вспомнил он ещё довольно много чего «по мелочи», и даже такую вещь, как прическа, вспомнил. Ему всегда нравилось подстригаться коротко, по-спортивно, — легко голове было, да и проще за волосами ухаживать, но надела жена (первая ещё): «Несолидно так. Подстригаешься как мальчишка, надо модельную стрижку». И стал он делать модельную стрижку, маялся с ней, на укладку ходил... Было неудобно, зато солидно.

Постепенно Корепанов свыкся с тем, что его собственное желание — это ерунда, на которую не стоит и внимание обращать. Оно и исчезло напрочь — желание это, и когда нужно было что-то покупать или делать, то он даже не задумывался, а чего, собственно, хочется ему самому. Сразу шел выяснять, что там сейчас «модно», что «в тренде», как «принято» и тому подобное...

Хотя нет, справедливости ради надо сказать, что одна вещь, которую он стал делать, потому что это было «в тренде», в итоге совпала с его собственными желаниями — вторая жена

настояла, чтоб он стал посещать тренажерный зал. Спорт он любил, занимался в детстве бегом, это потом уже стало не до этого, в Москве. И вот, начав ходить в спортзал, он втянулся и сейчас делал это с удовольствием, поддерживая себя в неплохой физической форме. Хотел ещё бросить курить, но пока не получалось.

И вот шел он сейчас, слушал стрекот кузнечиков и видел, как пазлы его жизни складывались в общую безрадостную картину. И видел на этой картине он жизнь свою, прожитую совсем не так, как хотел сам, как его душа просила, а жизнь «из вторых рук», жизнь без своего мнения, без своих желаний, которая, хоть и была сытая и устроенная, но стала так его в последнее время раздражать. И взяла Корепанова из-за всего этого злость на самого себя. Остановившись, он с силой дважды треснул себя кулаком по лбу: «М-м-м... дурак! Жизнь, считай, прожил, а где она?!» Он громко выругался и зашагал дальше.

Дойдя до поселка, Юрий Николаевич отыскал нужную улицу и, как и планировал, вышел к дому с обратной стороны, с главного входа. К этому времени он уже немного успокоился.

На парковке толпился народ: некоторые гости собирались ехать домой, шумно рассаживались по машинам, громко прощались с именинником.

Луговской, увидев своего зама, идущего к дому по дороге, развел руками:

— Николаич, ты куда подевался? Где был-то? Я уж потерял тебя, звонить собирался.

Тот задумчиво пожал плечами:

— Да так... Прогуляться немного захотелось.

— Ну ты артист... Мало ли что тебе захотелось! Так же не делается. Ушел куда-то один... — лицо шефа выражало недовольство вперемешку с легкой обидой.

Юрий Николаевич сердито нахмурил брови:

— Почему «мало ли»?

— Чего?

— Я говорю, почему то, что мне захотелось, это «мало ли»?

Луговской непонимающе глянул на своего зама, потом махнул рукой:

— Да ну тебя... — и снова повернулся к отъезжающим гостям.

Корепанов прошел в дом. Он был задумчив. Примерно треть гостей к этому времени уже разъехалась, и в зале, где проходило застолье, теперь было намного просторнее. Когда через десять минут Луговской вернулся к столу, Юрий Николаевич подошел к нему и шепнул на ухо:

— Сергеич, знаешь, я, наверное, тоже сегодня домой поеду.

Шеф удивленно посмотрел на него:

— Как это? Да какая муха тебя там укусила? Чего случилось-то?

— Да так... — поморщился Корепанов. — Настроения что-то нету.

— Николаич, я обижусь... На тебя и место спальное припасено. Так, ты ведь ещё и выпил...

— Да у меня всё уже выветрилось.

— А Филонова? Завтра же с тобой ещё Филонова с мужем должна была ехать. На чем они-то поедут, если ты сейчас уедешь?

Филонова у них в фирме заведовала кадрами, и подводить её с транспортом Корепанов, конечно же, не хотел. Он совсем забыл о том, что они скооперировались, и она с мужем возвращалась завтра в Москву на его «Лексусе».

— Хорошо, — чуть подумав, кивнул он, — останусь.

Потом с серьезным видом посмотрел на шефа:

— Только, Сергеич... Я остаюсь, потому что сам хочу, понятно?

Тот, не зная, что ответить, лишь растерянно пожал плечами.

— Ну ладно...

А Корепанову почему-то было важно сказать это. Он шел к своему месту и думал: «Я вам дам «мало ли»... Если я захотел, значит, захотел, и никакого «мало ли» тут быть не может. Сам свои вожжи держать буду, хватит! И к брату надо будет съездить, отца с матерью попроведать...»

Букетик одуванчиков

Утром за завтраком Максим Сергеевич Трушин успел поругаться с женой. Не так, чтоб уж очень сильно, но настроение было испорчено. Нахмурившись, он бежал на работу (трудился Максим Сергеевич завхозом в одном торговом предприятии) и кутался в легкую курточку, продуваемую всеми ветрами.

Весна в этом году затянулась: апрель теплом не радовал, да и май выдался холодный и ветреный. Даже листья на деревьях распускались как-то нехотя, словно не хотели мерзнуть. А из цветов на клумбах да газонах пока желтели лишь пяточки нетребовательных одуванчиков. В последние несколько дней стало немного теплее, но погода всё равно менялась как в калейдоскопе: день могла стоять жара под тридцать, а на завтра снова ветер и холод — не знаешь, что надевать утром.

— Сергеич, ты чего такой смурной сегодня? — спросил Трушина, когда тот пришел на работу, заведующий складом и его приятель Михалыч.

— Та-а... — Максим Сергеевич махнул рукой. — С женой маленько поругались.

— Чего не поделили?

— Да ну её! Я ж тебе говорил, что мы в июне на Алтай собрались, в Белокуриху. Путевки уже оплатили, в общем, денжат-то не шибко... Да и с кредитом за машину ещё не расплатились. А она заявляет сегодня утром: «Я себе там платьице одно присмотрела, охота гардероб к лету немножко обновить». Ты представляешь? Хочется ей, видите ли! Я пива лишний раз выпить боюсь — экономлю, а она платьица себе присматривает.

— Чего, дорогое сильно? — участливо спросил завкладом.

— Да не в этом дело, Михалыч! Просто надо же думать, ёлки-палки! Ей что, ходить не в чем? Шкафы полнёхоньки... Да и не девочка уже, чтоб обновки каждое-то лето покупать. Куда старое-то девать? Выкидывать, что ли? Я вон удочку себе хотел семиметровую взять, да и то сiju, не вякаю — понимаю, что не время пока, а ей платье подавай. Да и в сентябре у нас с ней двадцать пять лет уже будет... Совместной жизни-то...

Серебряная свадьба, бляха-муха! Она уж заикалась, что отметить хочет, ресторан, гости, туда-сюда... А это же тоже деньги, и немалые! Ну и... поругались, короче, из-за этого платья, будь оно неладно...

— Да ладно, ты шибко-то тоже не заводись. Чего нервы себе трепать? Бог с ней, пусть купит. Они, бабы, все такие, им без этих обновок жизнь не жизнь. И у меня такая же. Тоже постоянно то одно, то другое: то юбочку, то кофточку, то туфельки... Тут с ними бесполезно бороться, себе дороже будет.

— Да я это понимаю, не первый год, как говорится... Но сегодня, прям, злость взяла! Я ж говорю — в другое какое время, так на здоровье, покупай ты себе это платье, не жалко, но сейчас-то не того...

— Ладно... Плюнь да разотри.

— А вот ты знаешь, Михалыч, не хочу плевать! Вот уже как-то на принцип охота, чтоб неповадно было, чтоб думала маленько наперёд.

— Ну, дело твоё. Только нервы трепать, опять же.

— А ничего... Может, оно того и стоит. А то взяли моду, а мы молчим вечно, — и Максим Сергеевич энергично махнул рукой, словно ставя жирную точку в разговоре и утверждаясь в своей решимости.

И когда Трушин после работы ехал домой в троллейбусе, то понимал, что утрешний неоконченный разговор с женой неизбежно придется завершать сейчас, вечером. Уступать он не собирался, поэтому всю дорогу накручивал себя, распалял, мысленно обращаясь к супруге: «Нет, дорогуша, хватит! Думать надо, а не только деньгами швыряться. А то избаловал я тебя, похоже».

Впрочем, его жена Светлана деньгами никогда особо и не швырялась, тут он был к ней несправедлив, но в данный момент это было для него не принципиально. Главное, что он решил настоять на своем и поставить вопрос ребром — или «платьице», или... Тут он ещё не решил. Может, скажет так: «Если ты себе это платье покупаешь, то я себе удочку беру!» И всё! Плевать на деньги! Может, тогда и передумает, а то она вечно ворчит, когда он себе что-нибудь для рыбалки берет.

Выйдя на своей остановке, Максим Сергеевич быстрым решительным шагом пошел по аллейке в сторону дома. Он был

сосредоточен на своих мыслях и по сторонам не смотрел, глядел себе под ноги, и поэтому, когда дорогу ему преградили, вздрогнул от неожиданности и резко остановился.

Перед ним стояли две девочки, на вид лет двенадцать или тринадцать. Самые обычные девочки, ничего особенного.

— Здравствуйте! — сказала одна, широко улыбаясь. — Дяденька, это вам.

И она протянула Трушину небольшой букетик желтых одуванчиков. При этом взгляд её голубых глаз был так прост и открыт и не таил в себе никакого подвоха, что «дяденька» растерялся и удивленно переспросил:

— Мне? Зачем?

— Вам! — энергично и радостно подтвердила вторая. Зачем, она объяснять не стала.

Девочка, державшая цветы, вручила Максиму Сергеевичу букетик, и они с подружкой сразу же убежали.

Трушин стоял и глядел на желтые цветочки. Хлипкие стебельки не держали яркие бутончики, и те как-то трогательно и беззащитно клонились на бок. Максим Сергеевич улыбнулся. Он посмотрел по сторонам в поисках вручивших ему цветы девочек, но тех уже нигде не было видно.

«Гм, — хмыкнул про себя Трушин, — занятно... Сроду мне никто цветов вот так не дарил». Ему вспомнилась улыбка девочки, давшей ему одуванчики, — открытая и бесхитростная, какая-то добрая и очень позитивная, как стало модно говорить в последнее время. И глаза... Такие же, как и улыбка: чистые, открытые... Максим Сергеевич снова усмехнулся. Где-то внутри ему стало хорошо-хорошо, а по затылку побежали мурашки: с ним такое иногда бывало, когда на душе делалось покойно и тепло.

— Ой, вам тоже цветы подарили? — вырвал его из задумчивости женский голос.

Он поднял голову — мимо проходила молодая женщина, в руках у неё был такой же желтый букетик.

— Ага, — радостно кивнул Максим Сергеевич.

— И мне! — женщина весело помахала своими одуванчиками.

Трушин подумал, что, наверное, в данный момент выглядит глуповато, стоя посреди аллеи, поэтому постарался спрятать улыбку и не спеша пошел дальше.

Через несколько шагов в голову стали возвращаться мысли о жене: «Да бог с ним, с этим платьем. Пусть берет, делов-то на копейку, — думал Максим Сергеевич, не торопясь шагая по узкой аллейке. До дома оставалось метров сто, не больше. — У неё тоже радости-то в жизни не шибко много, а так, наверное, и вправду ей веселее. Ладно уж, пусть побалуует себя, проживём как-нибудь».

Размышляя таким образом, он дошел до своего подъезда. Желтый букетик к этому времени совсем поник, и нести его в квартиру не было смысла, но выбрасывать цветочки в урну Максиму Сергеевичу почему-то было жалко. Он отошел в сторону и аккуратно положил их на траву возле раскидистого куста сирени, росшего на газоне под окнами. Взгляд его упал на набиравшие силу сиреневые соцветия. Воровато оглянувшись по сторонам, — нет ли кого — он быстро сломил несколько веток и прошмыгнул в подъезд.

Жена была уже дома. Когда она открыла дверь, он не стал сразу входить — стоял на лестничной клетке и широко улыбался, держа руку за спиной, а в его глазах светилась неподдельная радость.

— Ты чего? — нахмурила брови жена. — Дерябнул где-то?

Трушин отрицательно помотал головой и вынул из-за спины букет сирени.

— Светик, это тебе! — протянул он руку, не переставая улыбаться.

Жена раскрыла от удивления рот:

— А чего у нас сегодня?

— Ни-че-го, — произнес по слогам муж.

Спиртным от него и вправду не пахло. Светлана взяла букет и неуверенно улыбнулась в ответ:

— Ну, спасибо, конечно, раз так...

Она прошла на кухню, налила воду в литровую банку и поставила в неё веточки, источающие волшебный аромат. Максим Сергеевич переоделся в домашнее, спокойно поцеловал жену в щеку, чем немало её удивил, и сел перед телевизором.

Через некоторое время Светлана позвала его ужинать.

— Знаешь, я сегодня тут прикинула... — сказала она мужу, отрезая кусок оставшегося с утра манника. — Ладно, не буду пока это платье брать.

— А чего так? — вскинув брови, бодро возразил Трушин.

— Бери, если хочешь, мне не жалко.

Жена удивленно посмотрела на него.

— Ты же против был.

— Та-а... Когда это было...

— Так... утром.

— Забудь!

— Нет, я всё же пока повременю. Лучше на осень деньги придержать, чтобы свадьбу серебряную отметить.

— Ну как знаешь...

Трушин отхлебнул сладкого чая и посмотрел в окно. Погода наладилась, и в вечернем небе ярко светило клонящееся к горизонту солнце. Взгляд Максима Сергеевича упал на веточки сирени, стоявшие в банке на подоконнике. Улыбнувшись кончиками губ, он непонятно к чему подумал: «А хорошо, всё-таки... Хо-ро-шо!»

Воспитательные меры

Полдень в этот субботний сентябрьский день выдался довольно теплым. Небо было ярко-голубым, безоблачным, и поднявшееся солнце дарило остывшему за ночь городу своё ласковое тепло.

Во дворе пятиэтажной «хрущевки» было немногочисленно: возле второго подъезда мирно беседовали на лавочке три бабушки, у шестого подъезда двое мужчин что-то оживленно обсуждали возле ВАЗовской «десятки», стоящей с открытым капотом, да ещё двое мальчишек тихонько крутились на небольшой железной карусели, возле которой лежала небольшая куча желтых листьев.

Один мальчик — худенький, пониже ростом — сидел, засунув руки в карманы куртки, на деревянном сиденье, а второй — повыше и в целом покрупнее — присел на стальную раму и, отталкиваясь время от времени ногой, неспешно крутил карусель.

— Везет тебе, Лёнька, — щурясь и с легкой завистью глядя на товарища, сказал тот, который был поменьше, — ты в школу уже в этом году пошел, а мне ещё целый год ждать. Хотя тебе ведь тоже ещё только шесть лет, как и мне.

— Валерка, ну я ж тебе уже объяснял, — Лёнька снова оттолкнулся ногой. — Мне хоть и шесть, но семь-то уже скоро будет, через месяц, а тебе только в следующем году, в феврале. Если б тебе семь тоже скоро исполнялось, хотя бы в ноябре, тогда другое дело, а так слишком рано получается, нельзя.

— Да я понимаю, — грустно вздохнул Валерка и посмотрел в сторону. — Только гулять вместе сейчас не получается. У тебя уроки, потом домашнее задание делать надо.

— Ну ты ведь тоже в садике целый день. Чего ты? В выходные будем гулять.

— Ну да... Только в выходные.

Мальчики были друзьями, и, несмотря на разницу в возрасте в полгода, ходили до этого лета в детский сад в одну группу. Но Лёнькины родители решили отдать сына в первый класс после старшей группы, а Валерка остался в детском саду в подготовительной группе ещё на год.

Из первого подъезда вышел пожилой дворник в синей рабочей куртке. Выкурив сигарету, он направился к карусели.

— Ребятки, я сейчас тут листья жечь буду, так что вы это... идите, однако, куда-нибудь, — сказал он мальчикам. — А то дым тут будет, пропахнете, родители ругаться станут.

Мальчики слезли с карусели.

— А можно мы посмотрим маленько, а? — спросил Валерка.

— Нет, нет, ребятки. Идите куда-нибудь, не положено таким маленьким возле огня.

— Слушай, пошли к двенадцатизэтажке, — кивнул в сторону недавно построенного дома Лёнька. — Там площадку классную сделали: горки, качели всякие...

— Пошли, — согласился Валерка, и мальчики не спеша побрели в ту сторону.

— Лёнька, слушай, а тебе правда в школе нравится? — искоса глянул на друга Валерка. — Или врешь? А то уроки эти... И учительница, наверное, строгая.

Тот едва заметно пожал плечами:

— Да нет... Нормальная она, старенькая, правда, уже. А уроки... — он чуть наклонил голову на бок и скептически скривил губы. — Нам же пока много не задают. Да мы в школе их и делаем почти все, на продлёнке.

— На какой продлёнке?

— Я ж тебе уже рассказывал... Это если кого не могут сразу после уроков домой забирать, то они ещё в школе остаются.

— Прямо до вечера?

— Да нет, не до вечера, до четырех часов можно.

— А потом ты куда?

— Потом иногда мама забирает, когда раньше с работы отпрашивается, а чаще Светка.

— Лёнька, а почему тебя в ту же школу не отдали, где Светка учится? Вы бы тогда вообще вместе ходили.

— Так её школа дальше. Когда Светка в первый класс пошла, нашей школы ведь ещё не было, её позже построили.

— А почему она сейчас в твою школу не ходит?

— Потому что ей всего два года осталось учиться, вот и не хочет. Говорит, я в той школе всех знаю, а тут никого.

— Понятно... — Валерка пнул пластиковую бутылку из-под газировки, валявшуюся на тротуаре. — А в этой продленке вы только уроки делаете и всё?

Лёнька тоже пнул бутылку.

— Да нет, не только. Сначала в столовой обедаем, потом в классе сидим: уроки делаем, можем играть во что-нибудь.

Ребята дошли до детской площадки во дворе нового дома. Несколько мальчишек гоняли между горкой и песочницей мяч, и Лёнька с Валеркой присоединились к ним.

Примерно в это же время в Лёнькиной квартире состоялся другой разговор.

— Послушай, Андрей, — тихо говорила Лёнькина мама, стоя у окна и глядя во двор, — мне всё это уже осточертело.

Андрей — её муж и Лёнькин отец — с виноватым видом сидел на диване перед выключенным телевизором.

— Оль, ну ладно... — протянул он. — Ну чё ты?

— Я уже каждую пятницу жду как не знаю чего... А какой пример ты сыну подаешь? Он же видит всё это.

— Ну чё такого-то? — скусил болезненную гримасу Андрей. — Чё ты в самом деле? Просто у Сани Менькова вчера годовщина была как устроился к нам. Ну вот и посидели немного.

— Немного? Это ты называешь — немного? Немного, это когда от силы на час-два задержался, а ты домой в двенадцать ночи пришел! Ты считаешь, это нормально? Мне надоело это, Андрей. И сын ведь всё это видит!

— Да он спал уже... Слушай, а где Светка-то у нас? Уже увистала куда-то?

— Светка в библиотеку ушла, а ты не переводи разговор на другую тему, я ещё не закончила. Вот именно, — продолжила она недовольным тоном после секундной паузы, — сын ложится спать, а отца дома ещё нет. Это, по-твоему, нормально? Ты бы хоть поинтересовался как у него с учебной дела идут. В школу бы ходил, поговорил с учительницей, домашнее задание проверил. Он бы, глядишь, почувствовал, что отец не просто так, а... — она замолчала, подыскивая подходящие слова.

— Так он в школу-то только пошел. Месяца ещё нет. Потом схожу как-нибудь.

— Вот именно: «потом», «как-нибудь». А мне что — одной всё тащить?

Муж поерзал на месте. У него после вчерашнего побаливала голова, да и в целом самочувствие было неважным, поэтому вести какие-либо разговоры сейчас не хотелось. Хотелось включить телевизор, завалиться на диван и просто лежать, смотреть бокс или футбол, и ни о чем не думать.

— Да почему одной-то? Я же не отказываюсь.

— Правильно, ты не отказываешься, ты просто ничего не делаешь. А, между прочим, школа — это не детский сад. Тут глаз да глаз нужен, не успеешь оглянуться как в компанию

какую-нибудь попадет, потом будешь локти кусать, да поздно будет.

— Да ну, Оль... — поморщился Андрей. — Какая компания? Он ещё в солдатки играет. Да всё нормально будет.

— Нормально, нормально... У тебя всегда всё нормально. Ты вообще другие какие-нибудь слова знаешь?

— Ну так и чего?

— Ничего...

— Ну, Оль, — муж встал, подошел к жене, приобнял её за плечи, ткнулся носом в волосы, — ну не ругайся.

— А я и не ругаюсь, — жена освободилась из мужниных объятий и повернулась к нему лицом. — Я говорю о том, что тут надо постоянно руку на пульсе держать! Понимаешь ты это или нет? Реагировать в случае чего, меры принимать.

— Да ладно тебе... Надо будет, так примем.

Жена тяжело вздохнула:

— Примешь ты... — она посмотрела мужу в глаза. — И, Андрей... я же не требую, чтоб ты совсем был трезвенником, но так ведь тоже нельзя! Ладно — в праздники, когда событие какое, но не каждую же пятницу, а то и чаще!

— Ну не буду, не буду... Обещаю, — мужу хотелось, чтоб этот разговор поскорее закончился.

— Ладно, посмотрим, чего твои слова стоят.

— Оль, да всё нор... — начал Андрей, но осекся на полуслове и виновато улыбнулся.

На следующей неделе во вторник Лёнька, придя в школу, первым делом бросил взгляд на стол, стоящий в самом конце класса. Это была не учебная парта, а обычный стол, на который иногда складывали разные ненужные на уроках вещи: какие-то поделки, игры.

Вчера, то есть в понедельник, родители Борьки Радищевского — полного, крупного мальчика — принесли в школу потрясающую игру, чтобы сын играл в неё на продлёнке. Это была большая карта города, на которую ставились маленькие игрушечные дома, деревья, светофоры, машинки и даже люди. В свернутом виде всё это было уложено в яркую, цветастую коробку.

Сейчас, глянув на стол, Лёнька с радостью отметил, что коробка лежит на нём. Вчера ему так и не удалось поиграть в эту игру, которая абсолютно всем в их классе — и мальчишкам, и девчонкам — сразу же очень понравилась. Сначала Борька вообще не хотел никого подпускать к игре, но потом, когда его соседке по парте Варя Карпова чуть не разревелась, великодушно позволил поиграть ей и ещё нескольким ребятам. Однако Лёнька так и не смог добраться до игры. А потом пришла Светка и забрала его домой.

Сегодня после первого урока несколько ребят, в том числе и Лёнька, сунулись, было, сразу же к игре, но учительница строго заявила, что «все игры только в продлёнке, а на перемене надо отдыхать от уроков и выходить в коридор».

Сразу после уроков у Лёньки с игрой снова ничего не вышло. Круг тех, кому было дозволено поиграть в неё, определял Борька, и Лёнька, сидевшей в классе довольно далеко от Радищевского и не успевший с ним толком познакомиться, в этот круг не попал.

— Ну дай хоть машинки посмотреть, — надув губы попросил он у Борьки. — Жалко тебе, что ли?

Тот исподлобья глянул на Лёньку:

— Какие?

— Полицейскую... или пожарную.

— Ладно. На, посмотри, только не поломай.

Радищевский протянул модельку полицейского автомобиля. Лёнька с восторгом взял её и стал разглядывать. Машинка была маленькая, размером чуть больше спичечного коробка, но выглядела совсем как настоящая. Все-все мелкие детали были сделаны очень аккуратно: у дверей были ручки, на лобовом стекле дворники, но что самое интересное, если снизу переключить маленький рычажок, то на крыше загоралась синяя мигалка, и включалась негромкая сирена.

— Ну дай поиграть маленько, — снова попросил Лёнька.

Борька пожевал полными губами:

— Ладно, только после обеда.

— Обещаешь? — у Лёньки загорелись глаза.

— Обещаю. С обеда придем, тогда играй.

— А я? Я тоже ещё не играл, — обиженным тоном сказал стоявший тут же Гошка Пиворчук, который на уроках сидел позади Лёньки.

— Ладно, — Борька сам, видимо, уже наигрался, и был добрым, — ты тоже после обеда можешь поиграть.

На обед стали собираться уже минут через десять.

— Так, ребята, выходим из класса и строимся парами! — сказала сидевшая за столом учительница, строго посмотрев поверх очков на первоклашек.

Все потянулись в коридор. Радищевский не стал убирать игру в коробку; те, кто играл с ним, оставили модельки прямо на карте и пошли из класса. Лёнька вздохнул и тоже направился к выходу. Ему хотелось, чтобы обед прошел как можно скорее.

— Ага, — вдруг сказал Пиворчук, — с обеда придем, и опять не поиграем.

— Почему? Борька же пообещал, — возразил Лёнька.

— Он-то обещал, а вдруг кто-нибудь сам раньше нас возьмет машинки и всё.

— Так пошли тогда скорей. Быстрее поедим и первыми прибежим обратно.

— Как ты первый прибежишь? Всё равно ведь всем классом ходим. Слушай, — тихонько предложил Гошка, — а давай так сделаем: возьмем машинки с собой на обед, и когда вернемся, они уже у нас будут. Тогда точно поиграем.

Лёньке эта мысль показалась дельной. Действительно, если машинки будут у них, то никто другой не сможет играть с ними, даже если и придет раньше. Тем более, что Борька уже пообещал. Можно будет даже и не торопиться.

— Точно! Давай, — кивнул он Гошке.

Они быстро взяли по машинке и сунули себе в карманы.

Учительница отодвинула в сторону пачку тетрадей, сняла очки и встала из-за стола.

— Так, а вы чего ждете? — глянула она на Лёньку и Гошку. — Вам особое приглашение нужно? Выходим, выходим...

Хотя после обеда можно было не торопиться, но Лёньке так хотелось уже наконец-то поиграть, что он вбежал в класс одним из первых. И тут же настроение у него упало. Игры на месте не было. Коробка с уложенной в неё картой и модельками

стояла на столе, а рядом прохаживалась туда-сюда высокая полная женщина в длинном красном плаще — мама Бори Радищевского.

Борька подбежал к матери, и она, наклонившись, спросила его о чем-то. Тот пожал плечами и стал смотреть по сторонам. Когда в класс вошла учительница, мама Радищевского направилась к ней. Отойдя в сторонку, они стали разговаривать. Через минуту учительница громко сказала:

— Так, ребята, прошу всех сесть на свои места.

Все расселись за парты.

— Тишина в классе! Ребята, скажите, из вас кто-то брал машинки из Бориной игры? Не хватает двух машинок. У кого машинки, говорите.

Лёнька сразу же встал.

— У меня одна, — спокойно сказал он, достал машинку из кармана и оглянулся, — и у Гошки...

Пиворчук тоже поднялся.

Мама Борьки Радищевского возмущенно всплеснула руками.

— Как же вы могли?! — вскричала она. — Такие маленькие, и уже воруют! Зачем вы украли машинки? Мы ведь и так оставили игру в школе, чтобы все могли играть в неё, зачем же воровать-то?

Лёнька недоуменно пожал плечами:

— Мы не воровали. Мы их только на обед взяли, чтоб никто их не занял раньше нас. Мы потом поиграть хотели...

Гошка молчал. Насупившись, он тоже достал из кармана машинку и положил на парту. Учительница подошла, взяла машинки и отдала их Борькиной маме.

— Вот, возьмите. Извините, пожалуйста. Мы ещё разберемся в этой ситуации, — для убедительности она покачала головой и строго посмотрела на Лёньку и Гошку.

Лёнька подумал, что вообще-то разбираться больше не в чем, и сел на место.

Мама пришла за ним часа через два. Когда она заглянула в класс, учительница встала из-за стола.

— Ольга Петровна, мне надо поговорить с вами, — и она вышла в коридор.

Лёнька сложил всё в ранец, взял пакет со сменной обувью и вышел следом.

Его мама с учительницей стояли у большого окна. При этом лицо у Лёнькиной мамы было растерянное, с красными пятнами на щеках. Она нервно теребила кончик повязанного на шее платка и испуганными глазами смотрела на учительницу, которая с серьезным видом что-то говорила ей, непрерывно качая головой.

— Леонид, — учительница строго глянула на Лёньку, — подожди маму возле лестницы.

Мальчик отошел к лестничной клетке и, положив ранец на пол, стал ждать. До него долетали отдельные слова и фразы учительницы: «украли», «принимать воспитательные меры», «чэпэ», «важно вовремя реагировать», но он, впрочем, не придавал им значения. Он думал о том, что было бы неплохо ещё сегодня сходить погулять на улицу, уроки он успел сделать на продленке.

Наконец, учительница пошла в класс, а Лёнькина мама, поправив висевшую на плече сумочку, с каменным лицом быстрым шагом направилась к сыну. Лёнька надел ранец на спину и взял пакет со сменкой. Не останавливаясь и не говоря ни слова, мама на ходу схватила его за руку и быстро застучала тонкими каблучками вниз по лестнице. Лёнька кое-как успевал за ней.

— Мам, куда ты так бежишь? — спросил он, скусив недовольное лицо.

— Куда надо, — буркнула та, показывая всем видом, что обсуждать с сыном она ничего не намерена.

Выйдя на улицу, они так же быстро пошли в сторону дома. Причем Лёньку мама буквально тащила за собой, а он, ничего не понимая, вприпрыжку бежал следом.

— Господи, господи... — вдруг стала приговаривать на бегу мать. — Стыд-то какой... Ведь семи лет ещё нету, а он уже ворует. Что же дальше-то будет?

Вдруг, остановившись и гневно посмотрев на сына, она спросила:

— Ты можешь мне объяснить, кто тебя вообще этому научил?

Лёнька растерялся. Он видел, что мама чем-то сильно расстроена, но чем именно — не понимал.

— Чему научил? — хлопая глазами, он посмотрел на мать снизу вверх.

— Он ещё спрашивает у меня! У тебя что — совсем совести нет?

Под её взглядом Лёнька съежился и умолк.

— Ты почему машинки украл у Бори Радищевского? Объясни мне, пожалуйста! Тебе что — играть нечем? Да вообще, как ты мог взять чужое без спроса?!

Ах, вот в чем дело, оказывается! Ну, так это ерунда, сейчас он всё объяснит маме, и она сразу успокоится.

— Я не крал, — тихо ответил Лёнька. — Мы с Гошкой просто взяли их в столовую, чтобы поиграть с ними после обеда. Нам Борька разрешил.

— Он разрешил вам их брать в столовую?

— Он поиграть разрешил. После обеда. А машинки мы взяли сами, чтобы их никто не занял, чтоб первыми быть.

Мать покачала головой:

— Да уж... Не ожидала я от тебя такого. Ещё выкручивается.

И снова схватив сына за руку, она быстро зашагала дальше. А Лёнька, хоть и продолжал бежать за мамой, даже как-то успокоился. Он же объяснил, как всё было на самом деле, так чего переживать? А мама бежит потому, что у неё дома, наверное, какие-то дела, вот и всё.

Вечером, когда отец пришел с работы, Лёнька сидел на полу в своей комнате и строил из кубиков большую крепость (на улицу он так и не сходил, мама почему-то его непустила). Один отряд рыцарей должен был эту крепость оборонять, а другой — нападать на неё. Эти рыцари — русские красного цвета и немецкие синего — были у него уже давно, и ему нравилось играть с ними, устраивая разные сражения.

На раздавшийся дверной звонок Лёнька выбежал в коридор.

— Пап, привет! — он подскочил к отцу, и когда тот присел, с улыбкой обнял его за шею и поцеловал в щёчку.

Лёнькина мать стояла тут же, сложив руки на груди.

— Иди к себе, — строго посмотрела она на сына, потом перевела взгляд на мужа. — Андрей, мне надо поговорить с тобой.

Лёнька развернулся и побежал обратно в комнату. Через какое-то время до него донеслись громкие голоса. Казалось, что родители о чем-то то ли спорили, то ли что-то выясняли. Громче говорила мама, отец что-то глухо отвечал, но было не понятно, что именно. Да Лёньке это было и не интересно, в его крепости разворачивались интересные события...

...Немецкие рыцари пошли в наступление. Русские воины, вооруженные мечами и луками, отважно обороняли её, несмотря на тяжелые потери. И тут из-за укрытия (это была высокая гора, роль которой выполнял школьный ранец) на помощь обороняющимся прискакало сразу пять конных витязей с копьями; в битве наметился перелом...

Дверь в Лёнькину комнату открылась. Мальчик, отвлекшись от игры, поднял голову. На пороге стояли родители: впереди хмурый отец, за ним мама.

— Ну, — вышла на первый план мать, — может, ты сейчас расскажешь нам с отцом как ты докатился до такого? — сдвинув брови, она сурово посмотрела на сына.

Лёнька, не понимая, о чем речь, положил синего рыцаря на пол.

— Молчишь? Тебе нечего сказать?

А что нужно говорить? И по какому поводу? Если про те машинки, то он ведь уже всё сказал.

— Тебе не стыдно? — спросил в свою очередь отец. — Ты разве не знаешь, что брать чужое без спроса нельзя?

А-а, значит, всё-таки про машинки. Но он ведь уже всё объяснил маме по дороге домой.

— Дóжили, — мать, покачала головой. — Сын вором растет. Стыд-то какой...

— А ну быстро иди сюда, — жестко произнес отец.

И Лёнька вдруг понял... Понял, что ему — не поверили. Ему, Лёньке — не поверили! А поверили совсем чужой тётё, учительнице.

Он медленно поднялся с пола и его взгляд упал на ремень в руках отца. Зачем этот ремень? Неужели его хотят бить? Но за

что?! Он же не сделал ничего плохого! Он никогда не врал, не врет и сейчас, так почему же ему не верят?!

Лёньку раньше как-то стеганули разок этим ремнем, но тогда он был виноват: он обозвал сестру дурой. Хотя, если честно, она сама была в этом виновата. Однажды она заявила, что родители купили ему новый велосипед, Лёнька побежал смотреть, но оказалось, что это неправда, оказалось, что в этот день было первое апреля, и Светка его просто разыграла. Но он всё равно обиделся на неё и громко, при всех, обозвал дурой. Родители сказали, что обзывать нехорошо, но Лёнька топнул ногой и опять сказал, что сестра всё равно дура, что так не шутят. После этого отец схватил ремень и стеганул разок его по заду. Было больно, но Лёнька не плакал и даже не обиделся, потому что понимал, что сам напросился. Это мама потом так сказала: «Сам напросился», и он не спорил: виноват — получил. Но сейчас?.. Сейчас же он действительно ни в чем не виноват!

— Ну! Я жду! — снова сказал отец и тряхнул кожаным ремнем с большой и тяжелой бляхой.

Как? Он ещё должен сам идти *туда, где его будут бить*?! Но разве можно требовать от него этого?! Хотите бить — идите сами, но чтобы он... сам... к ремню... Но если он не пойдет, тогда получится, что он не слушается папу, а тот из-за этого может разозлиться ещё сильнее.

Лёнька почувствовал, как его ноги сделались ватными, а внутри всё сжалось. Идти *туда* он не мог, но и послушаться отца он тоже не мог. Но что же тогда делать?! Он хотел что-то сказать, но только открыл рот и стоял, смотрел на родителей немигающими глазами. Его губы мелко затряслись, а на глаза навернулись слезы.

Мир, в котором Лёнька жил до сих пор, мир, в котором мама с папой любили его, верили ему — рухнул...

— Ну как знаешь... — тихо сказал отец и, сердито поджав губы, шагнул к сыну.

А мать, оставшаяся у двери, заметила, что на Лёнькиных штанишках вдруг появилось темное пятно, которое быстро поползло вниз по штанине.

Впрочем, она не придавала этому большого значения. Она была занята другими мыслями: главное, что муж, с которым они

в последнее время стали часто ссориться, послушал её, и воспитательные меры были своевременно приняты.

Братья

Федора разбудил непонятный глухой стук. Незадолго до этого он, выкупив после завтрака папиросу, прилег на диван, да и задремал под какой-то фильм о войне, шедший по телевизору. Открыв глаза, Федор прислушался. Стук повторился: кто-то не очень сильно колотил в обшитую дерматином входную дверь.

Кряхтя, Федор сел, сунул ноги в старые, обрезанные по щиколотку валенки, и вышел в коридор. Скинув с двери массивный кованый крючок, он толкнул дверь.

— Кого там принесло? — не очень-то гостеприимно спросил хозяин, щуря глаза.

— Здорово, брательник, — послышался с лестничной клетки хрипловатый голос, и в дверном проеме показалась невысокая худощавая фигура, одетая в старый овчинный тулуп, крытый черной материей. — А я уж уходить собрался, думал, дома тебя нету.

— Хо-о! Тимоха! Ты ли, чо ли? — продолжал щурить глаза Федор. — Вот так ядрёна-матрёна... Ну заходи, заходи...

Гость, стряхивая снег, постучал друг о друга валенками и шагнул в квартиру.

— Каким это ветром тебя в наши края занесло? — закрыл дверь на крючок, спросил Федор.

— Да вот... надумал. Попроведать, думаю, надо, а то уж — сколько? — лет пять, однако, не виделись.

— Да около того. Вы ж аккурат приезжали, когда Марью хоронили.

— Ну да...

Тимофей снял тяжелый тулуп.

— Вон... вешай на гвоздь, — кивнул на вешалку хозяин. Взяв из рук брата выдавшую виды кроличью шапку, он положил её на стоявший в углу у двери маленький холодильник.

Гость, оставшись без верхней одежды, казался и вовсе тщедушным.

— Ты чего-то совсем отошал, — смерил его взглядом Федор. — Тебя Елена твоя не кормит, что ли?

Тимофей смущенно хмыкнул и ничего не ответил. Оглядевшись по сторонам, он посмотрел на брата:

— Ну давай хоть обнимемся, что ли...

— Здорово, здорово... — приобняв гостя, Федор похлопал его по плечу. — Давай, проходи в горницу. Садись, куда хочешь, куда душа просит.

Тимофей не торопясь прошел в комнату и сел в кресло, стоявшее наискосок от дивана. Федор взял пульт и убрал звук у телевизора, совсем выключать не стал. Сев на диван, он достал из-под него консервную банку, служившую пепельницей.

— Кури, ежели хочешь, — Федор кивнул на банку и взял пачку «Беломора», лежавшую возле подушки.

— Погону немного, дух переведу, — отказался Тимофей. — А то мороз сегодня, прям дыханье перехватывает.

Братья посмотрели друг на друга. Разница в годах между ними была в пять лет — Тимофей был старше. Не виделись они с тех пор, как старший брат приезжал со своей женой Еленой на похороны жены Федора Марьи. А до этого не виделись ещё года три. Тогда к Тимофею на шестидесятилетний юбилей ездил в деревню Федор. Писем друг другу они не писали, но в общих чертах всё же знали, кто и чем живет — нет-нет, но то один знакомый весточку принесет, то другой новостями поделится. Всё ж таки от деревни, где жил Тимофей, до небольшого поселка городского типа, где жил Федор, было не так уж и далеко, всего-то километров шестьдесят если по асфальтовой дороге, а если напрямик, по полям да через лес, так и того меньше.

— Бородища-то у тебя какая стала, — усмехнулся Федор. — Прямо как разбойник какой сделался. Атаман...

Тимофей тоже усмехнулся в ответ, но снова промолчал, ничего не ответил, лишь смахнул с усов намерзшие на них льдинки и смущенно потер ладони о колени.

Если бы кто посмотрел на братьев со стороны, то никогда бы не предположил, что они — родня, настолько разные они были внешне. Федор — крепок телом, широк в плечах, и сейчас,

несмотря на возраст, брился практически каждый день, не носил даже усов. Конечно, прожитые годы не пожалели и его, как-никак, а седьмой десяток шел: волосы поредели и поседели, сделались мягкими и тонкими как лён, лицо покрылось множеством морщин. Тимофей же никогда не мог похвастаться крепкой комплекцией, он всегда был довольно шуплым, даже в лучшие свои молодые годы. Однако в отличие от брата, и, несмотря на то что он был старше, шевелюра его сохранила почти всю свою черноту, а густая и жесткая борода делала его похожим на цыгана. При этом борода была не длинной, но широкой, и книзу расходилась в стороны на две части.

Впрочем, различия между братьями не заканчивались одной лишь внешностью, по характеру они тоже значительно отличались друг от друга. Из Тимофея подчас было трудно слово вытащить, он всегда был молчалив и замкнут, отчего казался нелюдимым. Более-менее разговорчивым он становился лишь под хмельком. Федор же был балагуром, всегда и везде душа компании, шутник и весельчак.

Сейчас он, прикурив беломорину, снова глянул на брата:

— Так как ты надумал-то ко мне, а? С оказией какой, что ли?

Тимофей кивнул:

— Ну да, подвернулось тут... У нас из клуба к вам сюда автобус сегодня пошел. Концерт у них какой-то, что ли, в доме культуры. К Новому году, кажись. Песни петь будут. Вот я с ними и напросился.

— Так ты сегодня и обратно? — Федор стряхнул пепел в банку. — Не заночуешь у меня?

— Нет. Они до обеда выступать будут, а потом, часа в четыре, обратно поедут, чтоб засветло домой успеть. Надо не опоздать мне, — Тимофей поднял голову на часы, висевшие над дверью во вторую комнату.

— Рано ещё, пол-одиннадцатого только, — Федор вытащил из нагрудного кармана рубахи расческу и пригладил волосы на голове. — Ну понятно...

Какое-то время помолчали. Молчал Тимофей, молчал и Федор, глядя в беззвучный телевизор, по которому по-прежнему шел тот же самый фильм о войне. Он затыкнулся ещё раз, выпустил облачко дыма к потолку и затушил папиросу.

— Ну ты как живешь-то? Как Елена, как там вообще у вас? Новости какие? — вновь повернулся к брату Федор.

— Да ничего, живем... — Тимофей поерзал в кресле. — Копшимся помаленьку...

От него пахло овчиной и сеном, было сразу понятно, что человек этот только-только из деревни.

Пару дней назад ему вдруг нестерпимо захотелось повидаться с младшим братом. Вдруг ощутил он, что как-то ужасно соскучился по нему, что ли, и захотелось обняться с ним, посмотреть в глаза. Прямо сердце заныло, защемило... Узнав, что сюда через день поедет автобус с их деревенским хором, он сразу же кинулся к завклубу и уговорил того взять его с собой. И вот сейчас, когда он был здесь, то настроение, которое он хранил в себе вплоть до минуты, пока Федор не открыл ему дверь, вдруг куда-то улетучилось, а он сидел и не знал, что говорить.

— Ты работаешь ещё или как? — вновь задал вопрос Федор.

Никогда раньше Тимофей не приезжал к нему один, как сегодня, поэтому он действительно удивился, увидев брата в дверях. Он понимал, что по-хорошему надо бы о чем-то говорить, не сидеть же молча, но кроме самых общих и дежурных вопросов в голову ничего не приходило.

Так получилось, что братья в своей жизни мало общались по душам, мало делились друг с другом тем, что их волновало. Да, они родились в одном доме, да, до поры до времени вместе росли, но то ли разные характеры, то ли пятилетняя эта разница в возрасте сделали их не то чтобы чужими, но и не родными по-настоящему. Они гуляли друг у друга на днях рождения, сидели за одним столом, отмечая какие-то праздники, но ровно так же сидят за одним столом и обычные друзья или просто знакомые.

На вопрос Федора Тимофей кивнул:

— Работаю.

— Чего делаешь-то? — опять спросил тот, видя, что брат не развивает тему.

— Хлеб в магазин вожу из пекарни. На лошади. Утром только, а потом весь день свободный, ежели никаких дел больше не придумают.

— М-м-м... — промычал, глядя в телевизор, Федор. — А Елена чего делает?

— Да чего... Она-то на пенсии сидит, по хозяйству управляется.

— Много у вас скотины-то?

Тимофей сунул руку в карман ватных штанов и вынул мятую пачку «Примы».

— Да с чего много-то её будет... Коровенку, правда, пока держим, да курей с десяток. Ну и собака с кошкой... Хотя и не скотина, но зрять тоже дай.

— Понятно... От Сереги-то ничего не слышать?

Сергей был единственным сыном Тимофея и Елены. Перед самой армией он за драку угодил на три года в колонию. Когда освободился, то даже не стал возвращаться домой, написал родителям, что завербовался куда-то на север и уехал. Оттуда от него была ещё пара писем, а потом он и вовсе пропал. Был человек и не стало. Елена писала какие-то запросы, пыталась искать сына, но всё без толку. Так они и жили, не зная то ли есть где у них сын, то ли нет его уже.

— Да ну... Столько лет ни слуху ни духу.

Тимофей достал из другого кармана спички и закурил. Федор пододвинул к нему ногой банку-пепельницу.

— На вот... сюда тряси.

И снова замолчали. Через некоторое время, поерзав в кресле, Тимофей спросил в свою очередь:

— А ты-то не работаешь?

Федор поморщился и махнул рукой:

— Да ну их в пим дырявый! Нет, не работаю. Мне пенсии хватает.

— Ты же, вроде, сторожил где-то раньше.

— Ну так это по первости, как на пенсию только пошел, ещё Марья живая была. Скучно стало, вот в садике сторожем и подрабатывал, да потом плюнул. Там у них картошку по ночам чистить надо, а мне оно к чему? Ладно бы маленько, а то здоровую кастрюлищу...

Федор, хоть и был моложе брата, но на пенсию вышел раньше, ещё в пятьдесят три года, по льготному подземному стажу. В отличие от Тимофея, который в родной деревне прожил всю свою жизнь, младший брат уехал из дома в

двадцать четыре года, вскоре после того, как вернулся из армии. Но уехал недалеко: сперва обосновался в райцентре, где нашел себе жену, а потом устроился на работу на бокситовый рудник и перебрался в этот вот поселок, где и жил по сей день.

От рудника им в свое время дали просторную двухкомнатную квартиру в старом, послевоенной постройки, двухэтажном кирпичном доме. В этой квартире они с Марьей растили двоих детей — сына, народившегося первым, и дочь. Сын Аркадий незадолго до смерти матери погиб — его завалило в шахте, и это в свою очередь, наверное, приблизило Марьин конец. А дочь Зинаида, выйдя в свое время замуж за военного, оказалась с развалом Советского Союза в одночасье за границей — в Казахстане, где сейчас и жила. Она изредка писала отцу письма, но в последние годы, всё реже и реже, а о том, чтобы приезжать в гости, так и вовсе речи не шло.

— Зина-то пишет? — Тимофей, теребя бороду, посмотрел на рамку с фотографиями, висевшую над диваном.

— Да ну... Нужен я им сто лет.

— Как они там, в Казахстане-то?

— Да почему я знаю? Шибко плохо было б, так, поди, не жили бы.

— Понятно, — вздохнул Тимофей и вдруг встрепенулся. — Ой, из головы-то у меня вылетело... — встав, он вышел в коридор и сразу же вернулся оттуда, держа в руках поллитровку. — Вот взял, думал, посидим, может...

— Хо! Ну ты даешь! — хлопнул себя по бокам Федор. — И молчит, сидит...

— Так, говорю, из головы вылетело, — виновато улыбнулся старший брат.

— Значит, голова у тебя совсем дырявая стала, — хозяин поднялся с дивана. — На кухню пойдём или тут будем?

Тимофей пожал плечами:

— Да почему я знаю... Сам решай.

— Ладно, давай здесь посидим, — Федор принес из другой комнаты табуретку и поставил её между диваном и креслом. — Сейчас закусить чего-нибудь соображу.

Он ушел на кухню и через пять минут вернулся с большой тарелкой, на которой с одной стороны лежали ломти черного хлеба, а с другой — нарезанное кусками копченое сало.

Потом из холодильника была извлечена банка с солеными огурцами и помидорами.

— Рюмки достань, — Федор кивнул на сервант с мутными стеклами, стоявший между телевизором и креслом, в котором сидел Тимофей. Тот взял со стеклянной полки пару небольших граненых стопок, поставил на табуретку.

Разлив водку, младший брат протянул свою рюмку:

— Ну давай за встречу, что ли?

— Давай за встречу.

Чокнулись, разом выпили.

— Кхэх, — крикнул Федор. — Ну вот, хоть кровь маленько разогнать, — закусывать он не стал, а сразу же налил по второй. — Повторим...

— Да ты не гони. Куда торопишься-то? — Тимофей достал из банки огурец и с хрустом откусил.

— Так, кого с одной-то... — Федор снова протянул свою стопку брату. — Надо, чтоб хоть зацепило чуток. Бери давай...

Тимофей покачал головой, но рюмку взял. Снова выпили, и Федор довольно откинулся на спинку дивана.

— Ну вот, другое дело.

Он отломил небольшой кусочек хлеба и положил в рот. Потом достал из пачки беломорину, не спеша размял ей пальцами, согнул мундштук гармошкой и закурил.

Какое-то время помолчали. Федор снова довольно крикнул и расправил плечи. По его телу пошло приятное тепло. Тимофей тоже откинулся в кресле, тоже закурил и спросил:

— Ты-то один живешь? Ни с кем не сошелся?

— Да как тебе сказать... — Федор пожал плечами. — Живет тут бабенка одна, здесь же, в моем подъезде, на первом этаже. Натальей кличут. Она сразу, как Марью схоронили, так давай ко мне захаживать. То поесть чего принесет, то постирать бельишко возьмет к себе. Ну и я ей нет-нет да помогу чем-нибудь. Вроде, как и не вместе живем, не скажешь, что сошлись, но будто бы и не поодиночке, как-никак, а живая душа рядом. И ей веселей, как бы при деле она, при мужике, и мне с кем поболтать есть. Вот... Ну и, говорю, сам ей иной раз подмогну по хозяйству. Хотя, какое тут у нас хозяйство, в квартирах-то. Но то гвоздь какой в стенку вбить, то дверку у шкафа подправить...

От выпитого язык у Федора немного развязался. На Тимофее же две рюмки почти не сказались, поэтому младший брат налил по третьей.

— Давай, а то ты какой-то квелый сидишь. Развеселись хоть маленько-то...

— Да чего веселиться... — Тимофей задумчиво взял свою рюмку.

— Здрасьте... «Чего веселиться...» Плакать, что ли, сейчас сидеть?

— Да нет, конечно, но и радоваться шибко нечему. Жисть-то проходит...

— Да ну-у... — поморщился Федор. — Нашел, о чем говорить. Ежели об этом думать, так и вовсе в петлю полезешь. Живи да живи, пока живется, а срок придет, тогда и горюй. Да и то... Хоть горюй, хоть нет, а все помрем как ни крути, так чего тогда? Давай, Тимоха! — он стукнул своей рюмкой о братову. — Выкинь дурь эту из головы.

Тимофей, выпив, погладил рукой бороду и вздохнул:

— А я, Федьша, знаешь чего...

— Чего ты?

— А я вот Володьку последнее время чего-то вспоминать стал.

Между ними когда-то был ещё один брат — Володя, Вовка... Он родился аккурат через два с половиной года после Тимофея и умер совсем молодым, когда ему только-только исполнилось восемнадцать. Тимофей в то время служил срочную, а Федор, окончив семилетку, учился в техникуме. Осень в тот год выдалась вредная, холодная, с ветрами да частыми проливными дождями. Володя где-то подпростыл, вовремя к врачу не пошел и сам толком не лечился. Когда спохватились и повезли его в районную больницу, было слишком поздно: оказалась двусторонняя пневмония в тяжелой форме. Через пару дней он умер на больничной койке.

— Во как! А чего это ты? — удивился Федор. — Он же весной именинник был. А помер осенью, в октябре, кажись?

— Да я помню, — Тимофей поднялся с кресла и подошел к окну. — Сам не знаю, так чего-то... Иной раз умаешься дома: то со снегом (нынче сам видишь, какие бураны), то с углем да дровами, а то с кобылой на работе сладить не можешь, какая-то

уросливая попалась... И вот вспомнится мне Володька, а я и думаю — хорошо, небось, ему там, никаких тебе забот, никаких проблем, отмаялся в своё время и всё... А тут копаешься изо дня в день как мураш. Не жисть, а так... маета сплошная.

Федор посмотрел на худую спину брата, стоявшего у подоконника и положившего руки на чуть теплые батареи.

— Ты, однако, не допил, Тимоха, — наконец, вымолвил он, почувствовав внутри легкое раздражение. — Ерунду какую-то несешь сегодня. То жизнь у него проходит, то покойникам завидовать начинаешь. Ты давай бросай это дело! — он взял бутылку и снова разлил водку по рюмкам. — Иди, лучше, ещё рюмахи прими.

Тимофей вздохнул и вернулся к креслу.

— Не знаю, может, и не допил, — он коротко выдохнул и, чокнувшись с братом, резко выплеснул в себя содержимое рюмки. Поморщился, откусил хлеба, взял прямо рукой кусок сала. — Сам тогда чего-нибудь веселого расскажи, у тебя это лучше моего получается.

Он достал сигарету и закурил.

— А чего рассказывать? — развел руками Федор. — Живу да живу себе. Вон, в телевизор пялюсь, в магазин иной раз сбегая, а так всё дома да дома... Книжки почитываю всякие.

И снова замолчали.

Пять лет не виделись родные братья, а вот встретились и не знали о чем говорить. И словно неловкость какая-то повисла в воздухе. Тимофей даже почувствовал себя виновато, что ли, словно потревожил он брата своего зазря, внес дискомфорт в его жизнь. И водка, на которую он, зная свою молчаливость, рассчитывал, не помогала. Федору же на самом деле хотелось как-то растормошить обстановку, сделать её более непринужденной, более свойской, но он не знал как.

— Кхэ-кхэ, — кашлянул Федор, снова откидываясь на спинку дивана.

— М-да... вот так вот... — неопределенно протянул Тимофей. — Жисть наша...

Минут через пять общего молчания он спросил:

— Федьша, а ты помнишь, как на отца похоронка пришла?

— Чего-о? — протянул Федор, прищурившись.

— Ну в войну-то, когда на него похоронку прислали, помнишь?

— Так мне тогда четыре года только было, кого я упомяну?

— А я вот хорошо-хорошо помню. Не всё, конечно... Мать вот совсем не помню, а бабушку помню, Ульяну-то, — сидит на табурете возле печи и волосья на себе дерет. Ревёт дурнинушкой и волосья дерет. Прямо как щас перед глазами стоит.

— Слушай, ты какого хрена ко мне сегодня приперся? — вдруг обозлился Федор на брата. — Про покойников разговаривать? Тебе поговорить больше не о чем, что ли?

Тимофей смутился и отвел глаза в сторону.

— Да нет... чего ты... — забормотал он. — Кино-то вон про войну идет, вот и вспомнилось.

— Ты, Тимоха, то ли вправду не допил, то ли перепил уже. Только с чего тут? Выпили-то всего ничего, полбутылки.

— Да всё, всё... не буду.

Тимофей снова потянулся за сигаретой.

А Федор вдруг почему-то вспомнил как он, когда-то давно уже, в первый и последний раз в жизни поколотил старшего брата. Тимофей тогда только вернулся из армии, и Федору словно захотелось показать, что он хоть и младше, но ни силой, ни удачью не уступит старшему, уже отслужившему.

Тогда вечером были какие-то посиделки, он уже не помнил у кого. Парни выпили немного вина, а потом, когда пошли расходиться по домам, стали дурачиться на улице, толкать друг друга, сперва шутейно, а потом кто-то и всерьез. Тимофей лишь усмехался на это и в потасовку не ввязывался, держался в стороне. Армия не сделала его сильнее, не шибко он там окреп и возмужал. В какой-то момент Федька выпрыгнул из барахтающейся толпы, подскочил к брату и с размаху саданул того в плечо кулаком. Тимофей не ожидал этого и чуть не свалился с ног, но устоял. Тогда Федор снова подскочил к нему и ловко сделал подножку, после чего тот уже грохнулся на траву. «Ты сдурел, что ли?! — заругался Тимофей. — Ты чего творишь-то, Федька?» При этом он даже не пытался дать сдачи, как-то защитит себя. А тот захохотал и бросился обратно в толпу.

И вот сейчас Федора снова словно какой-то бес толкнул под руку, а может, и выпитая водка сделала свое дело, но ему вдруг опять захотелось показать свое превосходство в силе. Да и, если честно, то разозлило его немного настроение Тимофея, все эти разговоры невеселые. Как бы там ни было, но он вдруг рывком встал, шагнул к креслу и наотмашь, сбоку дал Тимофею кулаком по уху. Дал несильно, легонько, но всё же...

— Вот так вот, — к чему-то ещё сказал при этом Федор, вернулся на диван и уставился в телевизор.

Не глядя на брата, он взял пульт и стал переключать каналы. Потом не утерпел и всё же бросил хмурый взгляд на молчавшего и продолжавшего неподвижно сидеть в кресле Тимофея.

Тот смотрел на него, и лишь губы у него чуть заметно подергивались. Глаза блестели, но это был не тот блеск, который появляется от выпитой водки — в глазах у Тимофея стояли слезы. Он часто-часто моргал, и, казалось, сейчас заплачет. Федор растерялся.

— Ты... — чуть слышно промолвил старший брат, при этом губы его задрожали ещё сильнее. — Ты... ты за что меня ударил?

Федор смутился ещё больше и отвел взгляд. Он совсем не ожидал такой реакции. Да он сейчас, наверное, и сам не смог бы сказать, чего он, собственно, ожидал, когда стукнул брата. Он поерзал на диване и, не глядя на Тимофея, потянулся за папиросами.

— Ты за что ударил-то меня? — так же тихо опять спросил Тимофей.

Он по-прежнему не шевелился. И Федор вдруг заметил, как по правой щеке у брата покатилась слеза и быстро исчезла в густой бороде.

— Да ладно ты... — буркнул он. — Я ж так... шутейно...

— Разве... как это... — невнятно пробормотал Тимофей и вдруг, закрыв лицо руками, заплакал.

Его узкие плечи затряслись, он заплакал совершенно по-настоящему, как-то даже по-детски. Никогда раньше Федор не видел брата плачущим. Он растерялся ещё сильнее и понятия не имел, что делать. Ему стало не по себе. «Гьфу,

дурак! — выругался он про себя. — Куда полез-то с кулаками своими?»

Тимофей между тем взял себя в руки и немного успокоился. Он вытер глаза рукавом кофты и шмыгнул носом.

— Ведь мы ж с тобой вдвоем только и остались, — тяжело вздохнув, через некоторое время тихо сказал старший брат. — А ты меня — бить... Брата родного. За что?

Федор поерзал на месте.

— Да чего ты? Я ж так... шутейно... не бери в голову.

— Гм... — Тимофей невесело скривил губы, — шутейно...

— Ну ладно тебе... Ну хочешь — тоже дай мне по уху. Ну, дурак я, дурак! Ты ж меня знаешь, — младший брат налил водку и протянул Тимофею стопку. — Давай лучше выпьем.

Тот не стал отказываться, неспеша взял водку и, молча, не чокаясь, выпил.

— Закусывай, — Федор кивнул на тарелки. — Надо, наверное, уже по нормальному пообедать, время-то уже два доходит. Ты голодный, небось?

Тимофей отвернулся и снова вытер глаза рукавом.

— Да нет... Мне идти уж скоро.

— Тут до ДК нашего десять минут пёхом. Полчетвертого пойдешь, успеешь.

— Нет, пораньше надо. В три пойду, вдруг раньше ехать соберутся.

— Ну как знаешь... Вот как раз — допьем бутылку, перекусим и пойдешь.

Федор снова налил. Ему было неловко за свою глупую выходку, и он хотел как-то разрядить обстановку, чтоб забылось это сразу же.

— Куда погнал-то опять? — недовольно нахмурился Тимофей.

— Да чего на неё смотреть? Тут осталось-то...

Через некоторое время в дверь постучали. Это была Наталья, соседка Федора с первого этажа. Он обрадовался её приходу.

— Вот это ты, мать, вовремя пришла. А у меня брательник в гостях, из деревни приехал. Слушай, нам поесть бы не мешало, а то ему скоро уходить уже. Сварганишь чего-нибудь?

Наталья на скорую руку пожарила картошки, принесла от себя квашеной капусты, и братья переместились из комнаты на кухню. Какое-то время посидели втроем, потом соседка ушла: «Ладно, не буду мешать вам, разговаривайте». Федор уговаривал её остаться, но она сказала, что у неё там «стирка идёт», и ушла. Попили чаю с пряниками, и минут через двадцать Тимофей стал собираться.

Федор на прощание хлопнул его по плечу:

— Ну давай, счастливой дороги тебе. Ты это... не сердчай на меня. Привет там супружнице передавай, вместе как-нибудь приезжайте.

Тимофей кивнул, но буквально на пороге вдруг остановился и серьезно посмотрел на брата:

— Вдвоем ведь мы с тобой, Федьша, остались. Вдвоем...

— Ну так не вчера же остались! Давно уже, чего ты...

— Давно... А я вот только намедни это и понял по-настоящему. И вот, знаешь, что... Понял, что я ведь тебя... — он как-то смутился и умолк, опустив глаза.

— Чего — ты меня?

Тимофей махнул рукой:

— Да ладно... Так это я. Не бери в голову... — и, не оборачиваясь, он пошел прочь вниз по деревянной лестнице.

Через три недели в дверь к Федору снова постучали. На площадке стояла почтальонка.

— Телеграмма вам.

— От кого? — щурия глаза, спросил Федор. — От Зинки, что ли?

— Не знаю, сами смотрите, — она протянула ему бланк с извещением. — Вот здесь распишитесь. Число, время и подпись поставьте.

— Ручку-то давай, — Федор пытался разглядеть, что написано на бланке. — Погоди, я очки возьму...

Он сходил за очками, вернулся и расписался в извещении. Почтальонша ушла. Выйдя из темного коридора на свет, Федор прочитал: «Тимофей умер. Похороны семнадцатого. Лена».

«Как это? — растерянно подумал он, садясь на диван. — А сегодня какое? Шестнадцатое, кажись. Погоди, как помер-то? Он же вот только что у меня был». Федор повертел телеграмму

в руках, посмотрел на неё с обратной стороны — нет ли там ещё чего, свернул вдвое, снова расправил. Потом встал и пошел из зала во вторую комнату, постоял там у окна, глядя сквозь морозные разводы на одинокий тополь во дворе, вернулся и сел в кресло, в котором сидел Тимофей, когда приезжал к нему.

«Как это — помер? Тимоха, как же это? — думал Федор, нахмутив брови и тупо глядя перед собой. — Ты ж говорил, нас двое осталось, а сейчас, выходит, я один, что ли? Ты как это удумал-то, а? Ты же мне ещё чего-то сказать хотел, да так и ушел, не сказавши. Чего сказать-то хотел, а? Выходит, не договорили мы... — Он тяжело вздохнул и опустил голову. — Тимоха, Тимоха...»

Гитарист

Вдоль стены конференц-зала пансионата «Жемчужный» в два ряда стояли стулья, на которых сидело человек десять. Окна в зале были плотно зашторены, и включенные через один светильники тускло, в полсилы, освещали невысокого мужчину с гитарой, который стоял в нескольких метрах перед сидевшими. На вид ему было лет пятьдесят пять, может, чуть больше. Правильные черты его лица не скрывали усталость, особенно читавшуюся в глазах, которые он время от времени широко раскрывал, начиная при этом часто-часто моргать, словно пытался избавиться от чего-то мешавшего.

— Ну и в завершение своего выступления я хотел бы исполнить ещё одну песню тех лет, — Мужчина поправил висевшую на плече гитару и провел ладонью по коротко стриженным волосам, изрядно побитым сединой. — Думаю, многие из вас должны её помнить, она была довольно популярна, а исполнял её вокально-инструментальный ансамбль «Пламя». Называется песня «Мы строим БАМ», автором слов был талантливый журналист Виталий Петров.

Ударив по нейлоновым струнам, он сыграл небольшое вступление и запел:

*Рельсы упрямо режут тайгу,
дерзко и прямо, в зной и пургу.
Веселей, ребята, выпало нам
строить путь железный, а короче — БАМ.*

Голос у мужчины был довольно приятный. Он пел спокойно, ровно, без надрыва, не забывая время от времени бросать взгляды на сидевших перед ним людей и кивать им, призывая подпевать. Зрители — все люди явно пенсионного возраста — кивали в ответ, улыбались, кто-то тихонько притоптывал, а некоторые действительно пробовали подтягивать слова песни.

*И сквозь туманы, и сквозь года
до океана помчат поезда.
Веселей, ребята, выпало нам
строить путь железный, а короче — БАМ.*

Закончив петь, гитарист ударил в последний раз по струнам и поклонился захлопавшим зрителям.

— Спасибо. Спасибо большое, — кивал он с усталой улыбкой.

— Только, кажется, у неё название было просто «Строим БАМ», без «мы», и пели её, как я помню, «Самоцветы», — вставая со стула, сказала ярко покрашенная, загорелая до черноты, морщинистая женщина в широкополой пляжной шляпе.

Гитарист пожал плечами:

— Вполне возможно. В то время одну песню могли разные группы исполнять: «Пламя», «Самоцветы», «Веселые ребята», «Лейся, песня»... Просто аранжировки немного отличались.

— Я помню, эту песню ещё «гимном БАМа» называли, — закивала другая женщина в больших роговых очках и длинном, до пола, цветастом платье. — А вообще-то — да, хорошие песни тогда были, не то что сейчас. Ерунду всякую поют, бормочут чего-то, а чего, и не поймешь. И ругаются, и матерятся со сцены, — и она сердито замотала головой.

— Ой... и не говорите, — женщина в пляжной шляпе тоже нахмурилась и махнула рукой. — Всё развалили, всё... Ни

песен, ни музыки хорошей не стало. А раньше другое дело было, — улыбнувшись, она кивнула гитаристу. — Спасибо вам большое за выступление, как в молодости побывали.

Тот улыбнулся в ответ:

— Вам спасибо, что пришли. Всего вам доброго и хорошего отдыха.

— Спасибо, спасибо...

Когда все потянулись к выходу, а гитарист стал укладывать инструмент в старый потертый кофр, к нему вразвалку подошел грузный, с большим выпирающим животом, мужчина, который до этого всё выступление молча сидел на стуле с краю.

— А я вас сразу узнал, — тяжело дыша, произнес он грубоватым баском. — Я ещё два года назад вас слушал.

— Да? — улыбнулся гитарист. — Ну что ж, я рад.

— Только в другом месте это было, в «Чайке» я тогда отдыхал.

Не зная, что ответить, музыкант чуть пожал плечами:

— Угу.

— И вы тогда, кстати, те же самые песни пели. Я думал, вы хоть сегодня что-нибудь новенькое споете, а всё то же самое опять.

Гитарист немного смутился и виновато развел руками:

— Так, наверное, совпало. Просто у меня есть подборка именно ретро песен, и я время от времени с ними выступаю. Ну и сегодня вот...

— Да? А я уж думаю — ну, мужик, даёт, одно и то же каждый раз шпарит.

— Да нет... нет, конечно же, — гитарист смущенно переступил с ноги на ногу и посмотрел по сторонам. — Совпало так...

— Ну ладно, счастливо тогда, — толстяк протянул потную ладошку.

Музыкант пожал руку и кивнул:

— Спасибо, вам всего хорошего.

Уложив гитару в кофр, он сел на стул и с силой потер глаза. В последние дни они не давали ему покоя. Знакомый врач из одного санатория говорил, что это нервное, что-то наподобие тика. Что ж, вполне возможно... Кстати, он замечал, что этот

тик проходил, если он «выпивал». Причем, не рюмку-две, а больше — грамм триста, а то и все четыреста чего-нибудь покрепче. И самое неприятное во всём этом было то, что именно пить-то ему вовсе и не хотелось, но без алкоголя проявления тика становились со временем всё сильнее и сильнее. А после выпивки тик пропадал, и недели три-четыре он чувствовал себя в этом плане вполне нормально, но потом всё начиналось заново.

Поднявшись, музыкант энергично потрянул головой, взял свой кофр и, выйдя из конференц-зала, пошел по коридору к двери с табличкой «Арт-директор».

— Ну что? Всё? — плотный лысый мужчина с пышными усами, сидевший за небольшим письменным столом перед ноутбуком, поднял на гитариста глаза, когда тот вошел в кабинет.

— Всё.

— Сколько народу сегодня было?

— Да сколько... Сколько их всегда бывает? Человек пятнадцать от силы.

Гитарист прислонил кофр к стене.

— На вот, держи, — мужчина достал из выдвижного ящика стола и протянул музыканту свернутый лист бумаги, закрытый скрепкой.

— Сколько тут?

— Как обычно, — пожал плечами арт-директор и снова повернулся к ноутбуку.

— Слушай, Петрович, может, добавить уже пора? Цены-то, как на дрожжах на всё растут, а на эти деньги уже только раз в магазин сходить можно и всё.

— Анатолий, ну ты как маленький, прямо. Где я тебе больше возьму? Если бы мы с этих отдыхающих за твои концерты деньги брали, тогда и разговор был бы другой, а так... Галочку только поставить, что мероприятие провели, вот и всё. Да чего я тебе рассказываю, первый год, что ли...

— Вот именно, что не первый, а деньги всё те же. Петрович, ну поговори с главным, пусть хоть процентов двадцать накинет. Ваши-то цены каждый год растут, да не один раз. В «Светлане» с «Чайкой» и то больше платят.

— Толь, ну так пой у них, ёлки-палки, — арт-директор опять посмотрел на гитариста.

— Я и так пою, но каждый день ведь не будешь у них петь, сам понимаешь. Всё равно, самое частое раз в две недели.

— Ладно, Толь, хорош... Завязывай этот гнилой базар, — усатый поморщился и махнул рукой. — Ну правда, сколько можем, столько и платим.

Гитарист развернул лист бумаги и, взяв деньги, сунул их в карман брюк.

— В подземном переходе и то, наверное, больше зарабатывают, — тихо пробормотал он себе под нос.

— Чего? — снова оторвался от ноутбука хозяин кабинета.

— Ничего, так я...

Взяв кофр, Анатолий буркнул «пока» и вышел прочь.

Настроение было не очень. Оно всегда у него портилось после того, как он получал деньги за свои выступления. Конечно, в целом за месяц он наскребал сумму, позволявшую жить более-менее нормально, но это — в целом. А если посмотреть, сколько ему платили за одно выступление, то, действительно, было до обидного мало. Поэтому-то и приходилось ему чуть не каждый день выступать в дюжине разных санаториев, пансионатов и домов отдыха, обходя их по кругу один за другим. Да и уставать он стал в последние годы значительно больше, словно села батарейка, дававшая ему силы и энергию раньше.

Выйдя на улицу, Анатолий посмотрел на клонящееся к горизонту августовское солнце. Погода была хорошая, и в голове мелькнула мысль: «Может, искупнуться немного? А то на море живу, а нынче всего-то один раз и купался». Но потом решил отказаться от этой идеи: оставлять без присмотра кофр с гитарой было небезопасно, всякое случается, и он пошел домой.

Жил Анатолий в этом причерноморском курортном городе довольно давно, уже лет двадцать, с тех пор как врачи посоветовали его жене поменять суровый сибирский климат на более мягкий. Здесь у них родился поздний и долгожданный ребенок — сын Сашка, здесь они и жили втроем в двухкомнатной квартире. Их старый, послевоенной постройки, двухэтажный дом стоял довольно далеко и от моря, и от большинства санаториев. Предстояло долго идти в гору и

можно было, в принципе, доехать на автобусе, но он всегда ходил пешком: это у него была такая замена физкультуре.

Когда он, наконец, поднялся к дому, с него градом катил пот, и рубашка была мокрая, хоть выжимай. Ранние южные сумерки быстро заполняли город, и где-то над дальней горой в темнеющем небе уже загорелась первая звездочка. Войдя в стоящий у раскидистой мушмулы небольшой павильончик, Анатолий поздоровался с пожилым седым армянином, сидевшим на деревянном ящике за прилавком:

— Привет, Васак.

— Толя, здравствуй, дорогой! — продавец, вставая с ящика, приветливо кивнул в ответ.

— Васак, собери мне, пожалуйста, чего-нибудь как обычно: чтоб не сильно дорого, но чтоб хорошее, а? — улыбнулся гитарист продавцу, вытирая со лба пот. — Сыра там, хлеба, картошки, зелени какой-нибудь...

— Хорошо, Толя, сейчас сделаю, — взяв пластиковый пакет, тот стал складывать в него продукты. — Как дела у тебя? Как здоровье?

— Спасибо, в порядке.

— Поёшь?

— Да пою помаленьку, только не знаю вот... — Анатолий криво усмехнулся. — Может, и завязывать уже пора с этим делом.

— Почему завязывать?

— Да ну... Копейки платят. Курам на смех...

— Не надо завязывать, Толя. На жизнь хватает и ладно, всех денег всё равно не заработаешь. Тебе же самому петь нравится, людям тебя слушать нравится, а это самое главное. Ты хорошо поешь, душевно.

— Да кому она сегодня нужна, душевность эта... — усмехнулся Анатолий, ставя кофр к прилавку. — Уставать я стал, Васак. Не молоденький уже...

— Так все мы не молодеем. Жизнь такая, куда деваться? А душевность людям всегда нужна.

Васак поставил почти полный пакет возле весов.

— Если бы за неё ещё платили нормально, за душевность эту, — гитарист вынул деньги.

— Э-э... Зря так говоришь! Если только про деньги думать, но без души, потом сам плакать будешь.

— Ладно, Васак, сколько с меня?

— Я тебе скидку дам хорошую, — улыбнувшись, продавец назвал сумму.

— Спасибо.

Расплатившись, Анатолий одной рукой подхватил кофр, другой взял пакет и пошел к выходу. Вдруг, остановившись у двери, он обернулся.

— Васак, слушай, чуть не забыл... У тебя, может, есть что-нибудь?... Ну... ты понимаешь... Недорого, чтобы, — он виновато улыбнулся.

— Толя, — продавец перешел на полусеппот, — могу только чачи предложить. Вина нет, а чачу для себя делал. Сам знаешь, не торгую, но тебе уступлю. Хорошая чача получилась.

— Хорошо, давай чачу.

Васак ушел в подсобку и быстро вернулся оттуда с бутылкой, завернутой в газету. Подойдя к гитаристу, он запихнул её в пакет.

— Возьми сам деньги в кармане, руки заняты, — Анатолий кивнул на брюки.

Продавец сунул руку в карман его брюк, вынул деньги и отсчитал сколько надо.

— Ну всё... Пока, Васак. Спасибо тебе.

— Счастливо, Толя, заходи, — армянин махнул на прощание рукой.

Придя домой, Анатолий поставил кофр с гитарой в угол за платяной шкаф и переоделся. Хотелось есть, но жены ещё не было, а готовить самому было лень. Он достал из пакета зелень, отрезал большой кусок сыра, краюху темного хлеба и сел к столу. Налив в граненую рюмку чачи, гитарист залпом выпил и поморщился: «Ох, ё... Градусов шестьдесят, не меньше». Немного закусив, он подпер голову руками и задумался.

...Сколько себя Анатолий помнил, он всегда был с гитарой: сначала, когда ещё толком и ходить-то не умел, старая отцовская гитара без струн служила ему любимой игрушкой; потом он подрос и стал брэнчать на обычной «шестиструнке», а чуть позже отец показал ему несколько аккордов и он начал что-то наигрывать; затем была музыкальная школа по классу

гитары с ежедневными гаммами, этюдами и мучительной болью в пальцах... После окончания десятилетки у него даже не возник вопрос, куда идти учиться дальше — конечно же в институт культуры! И он всегда вспоминал те годы как самые счастливые в своей жизни. Были там и волосы до плеч, и подражания «битлам» с «роллингами», и песни у костра, и стройотряды... Были поездки с институтским ансамблем по деревенским клубам и домам культуры, были первые попытки создавать что-то своё, оригинальное; потом — работа в вокально-инструментальном ансамбле во Дворце культуры железнодорожников, женитьба и мечты о прекрасном будущем. И всё это он ухватил сполна, и было это по-настоящему здорово, так как была молодость, была цель в жизни и уверенность в завтрашнем счастье.

А потом пришли девяностые и всё это как-то вдруг закончилось. Если честно, то он даже и не понял, как именно: он никогда не увлекался политикой, его интересовала только музыка, только творчество. Во Дворце культуры деньги платить перестали, и ребята постепенно разбежались кто куда. Одни как-то очень уж легко порвали с музыкой и ушли в бизнес, стали торговать кто чем; другие, кто был пошустрее, рванули в Москву, искать счастья там, а он как раз в это время перебрался к морю: у жены начала развиваться астма, и врачи настоятельно посоветовали сменить климат.

Анатолий думал, что где-где, а здесь-то, на черноморском берегу, у хорошего музыканта проблем с работой не будет, но реальность оказалась другой. Впрочем, найти заработок было действительно не так уж и сложно, но лишь в каком-нибудь ресторане или кафе, где был соответствующий репертуар. И вот к этому репертуару душа у него совсем не лежала. Он жил другой музыкой, другими песнями, другим отношением к своему делу. А тут на поверхность, словно пена в кипящем бульоне, повыскакивали другие исполнители, появилась другая эстрада с новыми идеалами и новыми кумирами. Романтика и песни у костра уступили место подчас откровенной пошлости, деньгам и «красивой» жизни с яхтами и кабриолетами. Он пробовал было давать уроки игры на гитаре, но быстро понял, что быть педагогом, это тоже не его.

Анатолий невесело вздохнул, налил ещё рюмку и снова выпил. Минут через десять, когда на улице стало уже почти совсем темно, пришла домой жена, открыв дверь своим ключом.

— Привет, как дела? — она зашла на кухню и, увидев бутылку, нахмурилась. — Пьешь, что ли?

Анатолий недовольно поморщился:

— Марин, ну зачем ты так говоришь? Прямо уж — пью...

— Ну, а что ты делаешь? Или глаза опять?

Муж промолчал.

— Сходил бы уж тогда к невропатологу. Чего не разогреешь-то себе? — Марина достала из холодильника сковороду с жареной картошкой и, поставив её на плиту, тут же задала следующий вопрос: — Как в «Жемчужном» прошло?

— Ну и на какой вопрос мне отвечать? — глянул на супругу Анатолий. — Разогреть лень. В «Жемчужном» всё как всегда.

— Заплатили?

Муж раздраженно повел плечами и налил из бутылки.

— Заплатили, — он выпил и кхэкнул в кулак.

— Что в бутылке-то?

— Чача. Васак дал.

— О-ой, — скептически протянула жена. — Дрянь всякую пьешь.

— Это не дрянь, это экологически чистый продукт, получше всяких коньяков будет.

Марина разложила разогретую картошку в две тарелки и тоже села за стол.

— Ну, правда, сходи к врачу. А то ты так у меня сопьешься с глазами своими.

— Не сопьюсь.

— Толь, — чуть помолчав, сказала она, — может, тебе всё же на работу какую-нибудь устроиться, а?

— Марин, ну ёлки-палки! — Анатолий поморщился как от зубной боли. — Ну говорили ведь уже об этом... Чего ты мне душу рвёшь? Мне через три года шестьдесят будет! Ты понимаешь? Шестьдесят! Не тридцать, и даже не сорок! Кому я такой нужен?! Я же больше ничего делать не умею, кроме как на гитаре играть!

— Ну тихо, тихо... Чего завелся-то сразу?

— Ну а чего ты? Куда я устроюсь? Грузчиком? Да и то не возьмут, старый, скажут. На охранника и то учиться сейчас надо, лицензию получать. Да и не смогу я, сама ведь знаешь.

— Знаю... Но смотреть как ты маешься, бегаешь по своим пансионатам да санаториям.

— Значит, не смотри.

— Ну чего ты ерунду-то говоришь? «Не смотри...» Я жена тебе или кто? Как-никак, а тридцать лет уже вместе.

— Кстати, а Сашка где? Что-то долго его нет сегодня, — вспомнил Анатолий про сына.

— Он сегодня к однокласснику на день рождения пошел, сказал, что попозже вернется.

Муж вздохнул и снова взял бутылку.

— Будешь? — спросил он жену.

— Ну вот ещё... Скажешь тоже...

Марина, достав из морозилки сало, отрезала несколько кусков.

— Закусывай хоть нормально, — она снова посмотрела на мужа. — Ну, может, тебе тогда репертуар свой как-нибудь расширить, а? Что-нибудь посовременнее?

— Посовременнее? — усмехнулся Анатолий. — Ну да... Знаешь, мне сегодня тип один заявил, что уже два года назад слышал меня, и что тогда я те же самые песни пел. Ты представляешь? Бывает же так. Вы, говорит, то же самое пели, что и два года назад, вы что, кроме этого больше ничего не знаете? А я вру ему: нет, знаю, конечно, это просто совпадение такое...

— Ну вот видишь.

— Вижу-то, вижу, только на всех ведь не угодишь. Один как-то попросил, спойте чего-нибудь из Круга, а в другом пансионате, в «Светлане», кажется, однажды Розенбаума с Шуфутинским требовать стали.

— Ну так и чего? Спел бы. И народа будет больше приходиться, тебе же самому приятнее будет, да и зарабатывать больше будешь, в конце концов. Разве это плохо?

— Ну не пою я такие песни, понимаешь ты? Не пою я такое! Я *те* песни люблю, *те*, ты понимаешь?! Для меня *они* настоящие! В них же вся моя жизнь! — он на секунду замолчал

и посмотрел на жену. — Но ты знаешь, что самое страшное? Я недавно поймал себя на том, что я и их начинаю уже потихоньку ненавидеть. Ты понимаешь? И мне страшно стало. Я и люблю их, и боюсь уже, что свихнусь от них же. Я их столько лет пою и что? «Ретро»... «песни семидесятых»... И каждый раз человек десять-пятнадцать приходит, не больше. А я стою перед ними и спрашиваю себя: «Зачем я тут? Кому это надо? Для чего я это делаю? Неужели только ради этих копеек?», и хочется плюнуть на всё, развернуться и уйти. Но потом спою одну, другую, и вижу, как все эти тетки радуются, как глаза у них оживают, и снова петь охота. Ты понимаешь? А потом опять думаешь — зачем? И так без конца... Это мука какая-то... Господи, ну за что мне всё это?! — Анатолий поднял лицо вверх и потряс руками в воздухе. Его глаза блестели, но были в них лишь тоска и безысходность. — А попса эта или шансон — ну это же так... это же кич, это не музыка! Это только во дворе по пьяни орать про атаманов с есаулами да про «гоп-стоп» всякий! Это же... ну это же... — он растерянно посмотрел по сторонам. — Ну неужели ты сама этого не понимаешь?!

— Да при чём тут я-то? — Марина с жалостью смотрела на мужа. — Не я ведь перед людьми выступаю, а ты. Ну пой свои «семидесятые» любимые, но и Розенбаума того же с Кругом, бог с ними... Раз людям нравится.

— Да мало ли что людям нравится! Я же объясню тебе — не могу я это петь, не могу!! Я — музыкант, а не лабух, который поёт всё подряд на потребу публике лишь бы платили! И нельзя же всё только деньгами мерить! Так можно черт знает до чего докатиться!!

— Ну говорят же, что спрос рождает предложение.

— Ха! Нет уж, милая моя, это не ко мне... — Анатолий отрицательно помотал головой. — С такой философией можно далеко уехать. Спрос... Если всегда потакать этому спросу... Вон он где, весь их спрос, — он кивнул в сторону зала, — в телевизоре. Ты вот говоришь — посовременнее что-нибудь... А мне противно смотреть на все эти рожи, которые годами у нас по ящику крутят, на всё то, что у *них* сейчас популярно. Это же всё ширпотреб, и даже не второй, а черт знает какой сорт!

— Ширпотреб тоже нужен, без него никуда, — снова возразила жена.

— Так вот кому нужен, пусть тот и поёт!!

— Не кричи, пожалуйста. Выпил — ладно, но на меня кричать не надо! — твердо произнесла Марина.

— Извини, — повесил голову муж. — Я же не на тебя кричу, а так... в целом...

— И в целом не кричи.

Анатолий встал и, подойдя к окну, распахнул его настежь. В кухню ворвался свежий ночной воздух.

— Понимаешь, — жена, подойдя к мужу сзади, обняла его, — мне просто тебя жалко. Я же вижу, как ты мучаешься из-за всего этого: из-за денег, из-за того, что людей мало приходит. Знаешь, я где-то читала, что вот этот вот закон эволюции, что выживает сильнейший — это полная чушь. Выживает не сильнейший, а тот, кто лучше приспособливается к новым условиям. Иначе на Земле до сих пор жили бы динозавры, так как они были самые сильные. Но они не смогли приспособиться, поэтому и вымерли, а тараканы, хоть и слабые, но приспособились и живут до сих пор.

— Тараканом становиться я не хочу, — задумчиво произнес муж, — а значит, вымру как те динозавры.

— Не вымрешь, — улыбнулась Марина, — я тебе не дам. Тебе просто надо немного отдохнуть.

Взяв бутылку с чачей, Анатолий убрал её в шкаф.

— Ладно, хорош на сегодня. Давай будем чай пить.

Примерно через месяц в большом актовом зале санатория «Волна» на стоящих полукругом стульях сидело ровно пятнадцать человек. Практически все были люди старшего поколения, в основном женщины, всего двое-трое — мужчины. Только с краю сидела супружеская пара явно моложе остальных, на вид — лет тридцать пять или сорок, не больше.

Перед сидящими стоял не молодой уже мужчина; на широком ремне, перекинутом через плечо, у него висела гитара. Мужчина провел рукой по струнам и слегка поклонился зрителям:

— Добрый вечер! Меня зовут Анатолий, и я очень рад, что вы сегодня нашли время и пришли на моё выступление. Я

исполню для вас несколько песен, которые сейчас относятся к категории «ретро». Эти песни были весьма популярны в семидесятых, восьмидесятых годах прошлого века, и я уверен, что вы их прекрасно знаете. Поэтому я был бы рад, если вы будете мне подпевать, — гитарист улыбнулся и обвел присутствующих взглядом. — А ещё я рад тому, что сегодня сюда пришли люди не только старшего возраста, но и, практически, молодежь.

Он кивнул супружеской паре, сидящей с краю.

— А нам нравятся такие песни, — бойко и громко ответила женщина.

— Ну что ж, это замечательно. Может, и правда, не все динозавры тогда вымрут, — тихо сказал музыкант и снова улыбнулся. — Это я так, о своем... А первой я сегодня исполню песню, у которой в своё время было даже несколько названий: «Не надо печалиться», «Кольшется дождь», но со временем утвердилось другое — «Вся жизнь впереди». Помните такую? — ударив по струнам, он кивнул зрителям. — Ну а вы — подпевайте...

*Моей бабушке
Бахаревой Анне Тихоновне
посвящается*

Бумажки с цифрами

«Метёт и метёт... Однако уж дён пять метёт не переставая», — Евдокия Филонова сидела на некрашеном деревянном табурете посреди маленького торгового зала деревенского магазинчика и слушала, как за темным окном завывает ранняя зимняя чернота. Чуть затихнув, пурга словно спохватывалась и снова начинала швырять пригоршни жесткого снега в стекло, будто бы говоря: «Эй, вы, там, не расслабляйтесь! Я по-прежнему здесь».

Рядом с табуретом стояло ведро с грязной водой, на котором лежала ручкой длинная швабра с рваной, выдавшей виды тряпкой. «Вроде зима на дворе, до Нового года рукой

подать, откуда же столько грязи берется?» — думала Евдокия, тихо покачиваясь взад-вперед.

Она работала в магазине уборщицей третий год, устроившись сюда аккуратно перед тем, как забрали на фронт её Андрея. С того жаркого августовского дня прошло два года и четыре месяца. А через два года и три месяца с того проклятого августовского дня, то есть месяц назад, она получила в казенном конверте серую бумажку — извещение, в котором размашистым деловым почерком было написано, что её муж Филонов Андрей Алексеевич «пропал без вести в январе 1943 года».

Она тогда что-то делала во дворе. Было уже холодно, недели как три лежал снег. Их деревенская письмоноска, ещё молодая, но уже крупная, страдавшая одышкой баба Ленка Зубкова, подошла к их калитке и окликнула её. Ленка поправила на плече сумку и протянула Евдокии конверт, при этом как-то виновато и в то же время настороженно глянув на неё. От Андрея писем уже не было почти год, но мало ли что бывает, война как-никак.

— Чего там? — спросила Ленка, когда Евдокия, сняв варежки, торопливо вскрыла конверт и пробежала содержимое глазами.

— Так, это... — растерянно подняла глаза та. — Пишут, без вести пропал.

«Это как же? — подумала тогда она. — В январе пропал, а пишут сейчас, в ноябре только. Это что же, стало быть, искали всё это время да не нашли?» Евдокия села на крылечко, не зная, что думать и как реагировать. Она облизнула пересохшие от волнения губы и растерянно глянула на почтальоншу.

— Может, ещё обойдется. Может, ошибка какая. Всяко бывает... — Ленка Зубкова сочувственно глянула на Евдокию и снова поправила на плече сумку. Было непонятно то ли она спрашивает, то ли утверждает. — Ну ладно, я тогда пойду...

Почтальонша нерешительно переступила с ноги на ногу и, кивнув, медленно пошла дальше вдоль по улице.

Евдокия снова посмотрела на извещение. Ведь «пропал без вести» не значит, что убили. Вот и тут в бумажке этой, зачеркнуты же чернилами страшные слова «...верный присяге,

проявив геройство и мужество, был... Похоронен...». Значит, не похоронен он, значит, не убитый.

На крыльцо, суетливо шаркая ногами, вышла свекровь. Было видно, что она наскоро накинула на себя дедову фуфайку да старую шаль, наверное, увидела в окно, что почтальонша что-то принесла.

— Чего там? Письмоноска была, что ли? От Андрея чего?

Она нагнулась и взяла из рук Евдокии бумагу. Минуты три, прищурившись, разбирала написанное, потом как-то неловко и тяжело осела на крыльцо и тихонько завyla. При этом она стала раскачиваться вперед-назад, почти так же, как сейчас качалась сама Евдокия, сидя посреди пустого магазина. Невестка испуганно посмотрела на неё.

— Мама, ты чего?

— Ву-у-у... — продолжала раскачиваться свекровь, уставившись неподвижными глазами прямо перед собой.

— Мама, ты чего?! — уже выкрикнула Евдокия и вскочила с крыльца. — Чего ты?! Ведь «без вести пропал» пишут, ведь не убитый, чего ты?!

Ставив с головы платок, свекровь схватила пятерней седые волосы и стала терзать их из стороны в сторону.

— Сыно-о-чек, Андрюшенька мо-ой, — стиснув зубы, заскулила она.

Из избы один за другим выскочили неодетые трое ребятишек — два сына, старший и младший, и средняя дочка. Увидев растерянную мать и ревущую бабуку, они остановились и замерли.

— Мама стáра, ты чего? — старший, десятилетний Вовка подошел к бабушке и ткнул её рукой в плечо.

Дети смотрели то на Евдокию, то на бабуку, не понимая, что стряслось и как надо себя вести.

— Идите в избу, а то застудитесь, — махнула на них рукой мать и вдруг почувствовала, как ноги у неё враз сделались ватными.

И тут она поняла, что это всё, что никаких «пропал без вести» быть не может, и что мужа ей больше никогда не увидеть. Был бы жив, так с января-то уж нашелся бы.

Евдокия тряхнула головой, прогоняя прочь ещё совсем свежие воспоминания. Боль только-только начала укладываться куда-то на задворки души, и она как могла гнала от себя давящую тяжким грузом тоску. Конечно, нет-нет, да выскакивала где-то мысль: «А вдруг? А вдруг ещё объявится Андрей?» Может, лежит где в госпитале, или в плен попал, ведь разное может быть. Но через минуту уже понимала, что особо надеяться на эти «вдруг» не стоит. Почему-то не верилось ей в такое чудо...

Но как бы ни было тяжело, а надо жить дальше. Надо было жить хотя бы ради детей. По большому-то счету, только ради них... Себе она ничего уже не хотела и готова была лечь, да и помереть хоть сейчас, но разве так бывает? И кто потом будет растить их с Андреем детей? Враз постаревшая на десяток лет свекровь, которая сразу же, как прочитала то извещение, слегла и, считай, две недели пролежала на койке почти не вставая? Её старушечьи слезы быстро кончились, и она, похудевшая и осунувшаяся, просто молчком лежала на кровати, глядя в потолок сухими красными глазами. Или свёкор, который большей частью бестолково топтался по избе в старых, сто раз подшитых, валенках, не зная куда себя деть и чем занять свои руки? Сидеть без дела было выше его сил, надо было что-то делать. Делать, чтобы в голове были мысли не только о сыне. Нет, на них детей оставлять нельзя, надо самой...

И поэтому она каждый день шла в этот магазин, тащила из ближайшего колодца воду и мыла пол. Мыть надо было два раза в день: днем с часу до двух, когда был обеденный перерыв, и вечером, после семи, когда магазин закрывался. Правда, осенью и весной, когда на улице было особенно грязно, приходилось мыть пол в торговом зале ещё и в рабочие часы, но так случалось не каждый день.

Был у такой работы один плюс — она могла больше времени быть дома, чтобы убираться по хозяйству да присматривать за ребятишками. Но с другой стороны — платили совсем мало. Денег хватало лишь на то, чтоб кое-как сводить концы с концами. Благо, выручал огород — были всё же свои картошка, капуста, брюква и прочее. А на получку можно было купить лишь соли, муки да немного сахара.

Вздыхнув, Евдокия встала с табурета, взяла ведро и пошла за прилавок — оставалось вымыть там. Макнув тряпку в воду, она слегка отжала её и стала тереть коричневый крашенный пол. Метель стремительно выдувала из магазина тепло, и вода на полу довольно быстро замерзала тонкой ледяной корочкой. «Скоро там Клавдия-то придет? Уже печку топить пора, а то совсем выстудит всё», — думала Евдокия, привычными движениями орудя шваброй.

Клавдия работала в магазине сторожем, охраняя его ночами, но в её обязанности также входило топить железную буржуйку, стоявшую в углу торгового зала. Она обычно приходила к восьми часам вечера, к тому времени, когда Евдокия уже домывала пол, а Прохор Лукич, заведующий магазином, подбивал результаты работы за день. Он и сейчас сидел в своей маленькой коморке, отгороженной досками в подсобке, подшивал какие-то накладные, ордера, и делал записи в разных толстых книгах.

Из-под прилавка швабра достала несколько завалившихся туда маленьких бумажек с написанными на них цифрами. В магазине было два отдела — продовольственный и промтоварный. Обслуживая покупателя, продавщицы сперва считали общую стоимость товара, записывали его на бумажку, с которой человек шел на кассу, стоящую в том же углу, что и буржуйка. Заплатив и получив на руки от кассирши Нины Кузьмовны чек, покупатель возвращался с ним и с той же самой бумажкой к прилавку и забирал товар. Надорванные чеки продавщицы отдавали с покупкой, а бумажки накалывали на тонкие длинные стальные спицы, вертикально воткнутые в круглые дощечки. В конце каждого дня кассирша и продавщицы сверяли показания кассы с этими маленькими бумажками. Это была не обязательная процедура, но её ввел сам Прохор Лукич, боявшийся, чтобы не дай бог не случилась какая-нибудь недостача или расхождение в бумагах. «Уж лучше мы лишние полчаса после работы посидим, зато потом, когда ревизия приедет, спокойнее себя чувствовать будем», — размеренно покачивая головой, объяснял он своим продавщицам, которые всё время норовили убежать домой пораньше. Кассовый отчет завмаг потом оформлял как положено, а бумажки с цифрами просто выкидывали.

Евдокия подобрала бумажки рукой и бросила их в мусорное ведро. «Хорошо бы вот мне продавщицей работать перейти. Хотя и весь день занятый будешь, так, то не беда, зато и денег больше платят. И не просто больше, а, считай, раза в два с лишним. Тогда бы уж нам полегче жилось. Можно было б материалу купить ребятишкам на обновку, мыла вот не хватает, и продуктов нет-нет да и взять каких-нибудь. Сахару того же, муки... Только кто же меня возьмет в продавщицы без образования-то?» — она вздохнула и снова окунула тряпку в ведро с холодной водой.

Так получилось, что за все свои тридцать два года жизни Евдокия училась лишь два дня. В ту пору никаких школ в их дремучей сибирской тайге, раскинувшейся на отрогах Салаирского кряжа, отродясь не бывало. Это потом уже, при новой власти, когда она была замужем да при ребенке, в их селе построили небольшую семилетку. А тогда, раньше, в деревнях лишь время от времени появлялись люди, которые называли себя учителями. Они останавливались в разных домах, — кто пускал к себе, — где и учили местных ребятишек какой-никакой грамоте: как писать и читать буквы, да как цифры складывать.

Аккурат на третий год после октябрьского переворота, когда Евдокии исполнилось девять лет, к ним в деревню в начале лета приехал на телеге с местным мельником не старший ещё мужчина в круглых очках и потрепанной форменной фуражке. Мужчина прошелся по дворам и сказал, что будет учить ребятишек писать да считать. Остановился он у того самого мельника, который выделил ему для этих целей половину пустовавшего в это время года амбара. В амбаре поставили лавки, стол, и этого хватило, чтоб он превратился в учебный класс, благо на улице было тепло. Детей мельника учитель должен был за это обучать бесплатно, а остальные, кто был не против приобщить своих ребятишек к грамоте, должны были чего-то платить ему. Евдокия, которую отец тоже послал учиться, конечно же, не вникала в эти подробности.

Однако учебы ей хватило лишь на два дня. То ли виноваты были новые знания — поди-ка упомни сразу все эти буквы да цифры, то ли было в этом амбаре шумно да душно, но только на второй день у неё так разболелась голова, что,

вернувшись от мельника домой, Евдокия легла на кровать, да и пролежала так до ночи.

На вопросы отца, «чего там с Дуськой стряслось», мать объяснила, что вот, дескать, с учебы этой вернулась и лежит, говорит, голова шибко болит. После чего тот сделал вывод: «На что нужна эта грамота, ежели от неё только здоровью вред? Нечего там больше делать! Да и деньги целее будут».

На этом всё образование Евдокии и закончилось. Ни отец, ни мать её сами грамоты не знали, однако это не мешало им вести вполне крепкое хозяйство и жить довольно-таки даже богато по местным меркам. Ну, а уж коли сами, считай, жизнь так прожили, так и дети проживут.

«Кто бы знал тогда, что жизнь-то вон она как повернется, — думала Евдокия, думывая пол и вспоминая отца. Его увезли на санях с таежной заимки в райцентр в декабре тридцать седьмого, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. — Эх, тятя, тятя, вот оно как всё вышло-то». Конечно, с годами она худо-бедно выучилась и писать, и считать — всё-таки подсказали разные люди чего да как. С письмом дело обстояло хуже, а с цифрами получше. По крайней мере и десятки, и сотни могла складывать и отнимать хоть и медленно, но без ошибок. Только вот на счетах, чтобы так быстро да ловко, — раз! раз! — как это делают продавщицы в их магазине, так она не умела.

Крепко выжав тряпку и расправив её, Евдокия прислонила швабру к стене и подошла к прилавку, на котором возле весов стояли счёты: потертая деревянная рама со вставленными в неё стальными спицами, на которые нанизаны деревянные же костяшки. Она провела по счётам рукой. Быстро бросила одну костяшку пальцем в сторону, та звонко стукнула о раму. Евдокия кинула к ней ещё пару таких же костяшек и, вздохнув, вернула их на место.

— Дуся, ты всё? Управилась? — из двери, ведущей в подсобку, выглянул Прохор Лукич.

— Да, Прохор Лукич, — Евдокия отдернула руку от счёта и глянула на него. — Сейчас Клавдия придет, и домой пойду.

— Можешь идти, я её один дождусь, — кивнул заведующий магазином.

Он был ещё не очень стар и подпадал под призывной возраст, но на фронт его не взяли по состоянию здоровья.

Прохор Лукич, будучи совсем ещё молодым парнем, воевал с немцами в Первую Мировую, был там травлен газом, поэтому легкие были у него не вполне здоровы. А если говорить честно, то совсем не здоровы — мужик начинал задыхаться, пройдя быстрым шагом каких-то метров пятьдесят, поэтому он старался всегда ходить размеренно, не торопясь. Сидячая работа заведующего магазином, которую он освоил незадолго до начала войны, была ему в самый раз, и в этом плане его жизнь не особо изменилась в последние годы.

— Хорошо, — кивнула в ответ Евдокия.

Пройдя в подсобку, она сняла серый халат, накинула овчинный тулуп, вязаный платок и, вернувшись в зал, взяла ведро с грязной водой, чтобы выплеснуть на улице. Но потом вдруг поставила его обратно и нерешительно посмотрела на заведующего магазином:

— Прохор Лукич...

— Чего тебе? — тот оторвал взгляд от скудного прилавка промтоварного отдела и мельком глянул на неё поверх очков.

— Прохор Лукич, а покажите мне как на счётах считать.

Заведующий удивленно повернулся к ней:

— Чего-чего? Зачем это тебе?

— Ну... мне интересно, — смутилась Евдокия.

Действительно, зачем это ей? Она и сама не знала, как объяснить внезапно появившееся желание. Хотя, нет... Всё же объяснить можно было, вот только она не осмелилась бы сказать об этом сейчас никому. Но внутри уже что-то тихонько подзуживало её: «А чего ты, хуже других, что ли? Они умеют, а ты что — дура совсем? Цифры ведь знаешь, считать их как-никак умеешь, так, может, и на счетах выучишься. А там можно попробовать и в продавщицы попроситься. К тому же Зинка Вахрушева с продотдела как-то говорила, что хочет в райцентр переезжать со своими, вот и место будет».

— Покажите, пожалуйста, Прохор Лукич, — Евдокия смущенно улыбнулась. — Я быстро пойму, вы только разок покажите мне и всё.

Тот пожал плечами:

— Ну что ж, раз интересно, давай покажу, — он пододвинул к себе ближние счёты. — Смотри...

Евдокия подошла к заведующему, сняла с головы платок и стала внимательно глядеть на костяшки, затаив дыхание. Нужно было запоминать всё сразу, чтобы потом не переспрашивать и не дай бог не выставить себя какой-нибудь bestолковщиной.

Прохор Лукич потерял кончик носа.

— Значит так, с чего начать? Вот видишь, здесь четыре костяшки всего? На этой спице, — он показал на счёты.

— Вижу, — чуть слышно сказала Евдокия.

— Так вот, плясать от них будем, только на них самих внимания не обращай. На них сейчас не считают, это раньше, когда полушки были, да фунты вешали... Понятно? Так что их не трогай вовсе. Нижний ряд тоже редко нужен. Мы в основном деньги считаем, а в рубле сто копеек, а там, на нижнем ряду, уже тысячные кладутся. Это только когда вес считаешь в граммах. Ну а дальше вот что...

И Прохор Лукич стал объяснять Евдокии, где и как надо класть единицы, десятки, сотни да тысячи, как их складывать, как перебрасывать костяшки с нижней спицы на верхнюю, если их не хватает, сколько при этом оставлять костяшек на нижней. Он показал, как считать, если речь идет о рублях и копейках, как можно на этих же счётах посчитать общий вес чего-нибудь в килограммах да граммах, в центнерах и тоннах. Он ловко кидал костяшки вправо, влево, щелкал ими как заправский фокусник.

Евдокия слушала и боялась проронить хоть слово. Она шевелила губами вслед за заведующим, беспрестанно кивала головой и мяла в руках платок.

Прохор Лукич, наконец, перестал щелкать костяшками и снова поверх очков посмотрел на уборщицу:

— Ну как, поняла?

Та вздохнула:

— Ой, господи... Кажись, поняла, — она растерянно посмотрела на заведующего. — А ежели ещё спрошу, вы покажете? Ежели чего забуду?

— Да мне особо-то некогда учебой с тобой заниматься. Тем более, не пойму, зачем тебе это. Так, от скуки, что ли? — Прохор Лукич пододвинул счёты на место.

В дверь постучали. Это была Клавдия. Она ввалилась в магазин и стала отряхиваться от снега, шумно при этом отфыркиваясь.

— Ну, метет! Как дунет иной раз, так чуть с ног не валит! Вот же Новый год нынче, ёлки зеленые...

Она хлопала себя по воротнику, по голове, и с неё на пол летели хлопья снега.

— Ну ты чего?! — сердито крикнула ей Евдокия. — Я же только всё вымыла, на улице не могла стряхнуть с себя?

— Ой, Дуська, погоди, — отмахнулась от неё Клавдия. — Дай хоть дух переведу. Да не сердись, ежели натает, так я сама за собой подотру.

— Ну смотри, коли так, я уж перемывать не буду.

Снова накинув платок на голову и запахнув полушубок, Евдокия, попрощалась со всеми и вышла в темноту.

Она шла домой, закрывая лицо от колючего, больно бьющего по глазам снега, а перед ней мелькали пальцы Прохора Лукича. Пальцы ловко кидали костяшки по спицам счёт, а его голос при этом говорил: «Ежели, допустим, есть у нас рубль пятнадцать, стало быть, рубль кладем сюда, — он кинул одну костяшку влево, — а пятнадцать надо поделить на один десяток и пять. Десяток кладем сюда, — он кинул влево другую костяшку, пониже первой, — а пять здесь, — и он подвинул влево пять костяшек на спице ещё пониже. — Поняла? — Не дождавшись ответа, он продолжал: — Допустим, надо сюда тридцать семь копеек ещё накинута. Стало быть, это получается три десятка и семь. Три десятка кидаем к одному, — он щелчком кинул три костяшки к одной, — а сюда семь. Но у нас тут уже пять лежит, стало быть, ещё пять сюда добавляем, получается целый десяток, значит, копейки убираем вовсе, — он сдвинул десять костяшек, где лежали копейки, вправо, — а к десяткам ещё один накидываем. — И снова одна костяшка на спице повыше летит влево. — Но мы ведь семь копеек прибавляли, а не пять, стало быть, две копейки ещё сверху осталось, их и кладем к копейкам. — И две костяшки от десяти, сдвинутых вправо, летят обратно в левую сторону. — И что имеем? А имеем в итоге рубль пятьдесят две. Понятно? Ничего сложного...»

«Ох, господи, господи... — шептала Евдокия, пробираясь среди снежных заносов к дому. — Ничего сложного ему нету. Мозги тут свихнешь. Ох, тошнёхоньки мне... Но другие-то ведь считают как-то, так чего же я — дура совсем? Неужто мозгов не хватит? Ладно, уж как-нибудь с Божьей помощью, поди, одолею».

И отныне каждый день, вымыв в магазине пол, Евдокия вставала у прилавка, доставала из мусорного ведра те самые бумажки с записанными на них химическим карандашом цифрами и складывала эти цифры, отнимала, снова складывала и снова отнимала, молча шевеля губами и хмурия брови. Костяшки при этом старалась двигать тихонько, чтоб те не гремели и не отвлекали Прохора Лукича.

«Восемнадцать рублей, это десяток и ещё восемь, — шептала она про себя и пододвигала костяшки, — ещё потом двадцать семь шестьдесят, так... Ага... — Она брала другую бумажку, заглядывала в неё. — Потом ещё три сорок восемь... — Следующая бумажка. — Уберем отсюда восемнадцать рублей да двадцать пять копеек...»

Иногда Евдокия представляла, будто к ней подходит покупатель и просит какой-нибудь товар. Она оглядывалась на прилавок, смотрела на цены и клала их на счета, плюсуя всё подряд: «Мыла три куска, так... спичек пять коробок... лампа керосиновая одна... керосину два литра...». Одно было плохо — некому было проверить, не ошибается ли она где, но снова просить заведующего она стеснялась.

Позади уже был Новый год, Рождество и крещенские морозы, дело подходило к февралю. Несколько раз заведующий заставал её за счётами и спрашивал, усмехаясь в усы: как, дескать, получается? Евдокия смущалась, краснела и, стряхнув костяшки, отодвигала счёты на место. Однако с каждым днем она чувствовала себя всё уверенней и уверенней.

Однажды, это было в обеденный перерыв, Зинка Вахрушева из продовольственного отдела сказала, что родня в райцентре окончательно зовет её с детьми к себе. Зинкин муж тоже был на фронте, и жила в деревне она одна с двумя ребятишками: пяти и семи лет, а в райцентре жили мужнины дядя с тетей, да их дочь. Они обещали помогать Зинке, даже

сулили устроить её на работу тоже продавщицей в тамошний универмаг. Вроде как была у них такая возможность.

— Ой, девки, каждый раз сердце кровью обливается как на работу иду, — горестно качала головой Зинка, сидя на табурете за прилавком.

Она только что сбегала домой, проверила, как там дела, и, вернувшись, болтала с продавщицей из промтоварного Марьей Бронниковой да с Евдокией, которая уже вымыла пол и ждала окончания обеда, чтоб тоже бежать домой.

Марья заварила чай на белоголовнике и зверобое, и они втроем сидели тесным кружком, потихоньку отхлебывая из железных кружек успевший подостыть напиток.

— А ну как чего случится с ними? А ну как избу спалят или наоборот перемерзнут там одни? — продолжала Зинаида. — Иной раз соседку, бабку Шаповалиху просила приглядеть, а тут и она слегла, простыла, что ли... У Дуьски вон, хоть старики дома, всё ребятишки под присмотром, а у меня вообще одни... Уеду в райцентр я, девчонки, точно уеду... Вот январь доработаю и на расчет подам.

— А если не отпустят? Скажут, замену сперва искать? — глянула на Зинаиду Евдокия.

— Как это не отпустят? — нахмурила та брови. — У нас что, крепостное право, что ли? Где я им её найду, замену-то? Да я и не в колхозе состою, у меня паспорт на руках.

— Ну, вообще-то, могут отрабатывать заставить, — вставила слово Марья.

— Да отрабатывать, так это бог с ними, отработаю, сколь положено, ну и всё. А замену пусть сами ищут! — Зинка была бабенка языкастая и бойкая, перед начальством особо не пасовала. — Интересное дело, а если не будет никакой замены, так мне что, до самой смерти тут горбатиться? Нетушки, я законы знаю!

— Да ладно ты... — Евдокия махнула рукой и отставила кружку. — Я же так сказала, к примеру. Может, и будет какая замена, да и отпустят тебя без волокиты. Может, и отрабатывать не надо будет.

— Ага, чего-то я и вправду уже засомневалась, — покачала та головой. — Раньше как-то и не думала об этом... Как бы действительно не пришлось здесь куковать. Ведь кого

они продавцом тут у нас найдут? В деревне одни бабки бестолковые да ребятишки малые остались. А из баб грамотных-то и нет никого, только навоз таскать и умеют.

Из своей комнатухи вышел Прохор Лукич:

— Вы чего тут? Не заболтались? Время-то уж открываться пора.

— Ой, прости, Лукич, — Марья, кряхтя, поднялась с низкого табурета. — Правда, чего-то заболтались мы, на часы не глядим, — и она пошла открывать магазин.

После этого разговора у Евдокии внутри словно натянулась струна. Она боялась подойти со своим разговором к заведующему, но понимала, что рано или поздно это придется сделать. Иначе, ради чего всё это?

А пока она продолжала лишь каждый день доставать из мусорной корзины бумажки с цифрами и считать их. Считать, считать и считать... Быстрее, быстрее, ещё быстрее... Единицы, десятки, копейки, рубли, сотни, граммы, центнеры, добавить, отнять, перекидываем наверх, вниз. Быстрее, быстрее — раз! раз! И чтоб ни одной ошибочки, чтоб не к чему было придраться, чтоб никто не сказал, что она не умеет!

Через неделю, второго февраля, Зинка Вахрушева подала заявление на расчет. Подала в обед, а когда вечером Евдокия пришла на работу, то застала ту всю в расстроенных чувствах.

— Чего стряслось? — испуганно спросила она вытиравшую платком глаза Зинаиду.

«Уж не с мужем ли чего?» — мелькнуло в голове.

— Чего-чего... — сердито шмыгнула та носом. — Накаркали вы с Марьей, вот чего... Ищи, говорит, замену себе, — она сердито накинула пальто. — А где я им тут продавца найду в такое время? К прокурору пойду, пусть воздействует. — Зинаида переобулась в валенки и вышла из магазина, даже не попрощавшись.

Через пять минут закончила сверку с кассиршей и ушла домой Марья Бронникова. Получив доклад от Кузьмовны, что всё в порядке, что цифры «бьют», Прохор Лукич закрыл выручку с кассовым отчетом в сейф и ушел к себе делать записи в бухгалтерских книгах.

Евдокия сходилa за водой и стала мыть пол, однако мысли её крутились только вокруг того, что Зинка уже написала заявление, и что ей сказали искать замену. «А что, если так вот сразу она кого-нибудь найдет и всё? — мелькало у неё в голове. — Завтра утром приведет кого-нибудь и скажет — вот, пожалуйста вам, берите вместо меня. Ой, господи, — у неё внутри всё похолодело. — Нет, надо сегодня же к Прохору Лукичу подойти».

Вымыв пол, она глянула на часы — стрелки ходиков, висевших слева от входной двери, показывали без двадцати восемь. «Быстро сегодня управилась», — подумала Евдокия и вытерла руки о полы халата.

Она ещё какое-то время постояла в задумчивости, но потом решительно встряхнула головой, выдохнула, мелко перекрестилась и пошла в подсобку, прошептав: «Господи благослови». Заглянув в комнатку заведующего, который сидел у стола над своими записями, она позвала:

— Прохор Лукич.

Тот поднял голову:

— Чего? Закончила уже? Ну так иди, я один Клавдию дождусь, сейчас закрою за тобой, — он поднялся со стула.

— Да нет, я не это хотела...

— А чего? — не понял заведующий магазином.

— Прохор Лукич, вы не могли бы меня проверить?

— В смысле? Чего проверять?

— Ну... как я на счётах считаю. Проверьте, пожалуйста.

— Как на счётах считаешь? Да зачем?! Мне чего, делать больше нечего? Иди, давай, домой, раз вымыла. Не морочь мне голову, мне некогда. Давай, закрою за тобой.

И он пошел в торговый зал вперед Евдокии. Та пошла за ним, но не к двери, а зашла за прилавок и взяла счёты:

— Прохор Лукич, ну пожалуйста.

— Да к чему это? — рассердился на неё завмаг.

— Ну вот Зинаида же на расчет подала, так, может, вы меня вместо неё поставите? — быстро выпалила она, стараясь не глядеть на заведующего.

Прохор Лукич остановился посреди зала.

— Ах вот оно что... Вот чего ты тут возле счёта каждый вечер отиралась, — он подошел к прилавку, за которым стояла

Евдокия. — Значит, говоришь, тебя вместо Вахрушевой поставить? — заведующий задумался и оценивающе глянул на уборщицу. — А сколько у тебя классов образования?

Та опустила глаза:

— Нисколько.

— Как нисколько? Вообще, что ли, в школе не училась?

— Нет.

— Так как же я тебя возьму продавщицей, ежели у тебя даже трех классов нету?

— Да на что вам, Прохор Лукич, классы-то мои? Вы проверьте меня и всё! Зачем вам образование-то? Вы проверьте как я считать умею. Может, я и не хуже их всех, — Евдокия мотнула головой в сторону, сердито глянув на завмага. Назад отступить было уже нельзя, надо было идти до конца, раз уж начала этот разговор.

— Гм... — усмехнулся тот, — ну раз ты так просишь, давай, проверю. Посмотрим, чему ты тут выучилась.

Евдокия придвинула счёты ближе.

— Хорошо, — кивнул Прохор Лукич, — положи мне триста двадцать три рубля шестьдесят две копейки.

Не успел тот глазом моргнуть как она кинула костяшки влево и выкрикнула:

— Вот!

— Ух ты какая шустрая, — заведующий магазином глянул на счёты. — Ну что ж, правильно, только это ведь так, ерунда... Прибавь сорок четыре рубля девяносто девять копеек.

И снова Евдокия в мгновение ока бросила костяшки влево, вправо, снова влево.

— Вот... Триста шестьдесят восемь рублей шестьдесят одна копейка, — улыбнулась она.

— Тихо, тихо, ты куда так гонишь-то? Я же не успеваю за тобой следить. Ты потише давай.

Завмаг обошел прилавок и встал рядом с Евдокией.

— Скинь это.

Та наклонила счёты, и костяшки съехали вправо.

— Хорошо, клади заново, да помедленней.

И Прохор Лукич стал называть разные цифры, заставляя Евдокию складывать и вычитать десятки, сотни рублей, тысячи. Потом он называл ей разные веса, наблюдая, как она

прибавляет к центнерам килограммы и граммы, получая тонны, потом опять центнеры и килограммы. Он заставлял её объяснять ему как она считает и почему у неё выходит именно этот результат.

Евдокия сперва смутилась, когда он сказал, чтобы она объясняла ему все свои действия, но потом освоилась и запросто говорила завмагу, почему кладет ту или иную костяшку влево или скидывает вправо. Тот молча слушал и кивал головой.

— Ну что ж, Евдокия, молодец, — наконец улыбнулся он.
— Ни разу не ошиблась.

Та радостно заулыбалась:

— Ну так что, Прохор Лукич, возьмёте вы меня вместо Зинки?

— Да ты погоди, не гони так.

В дверь громко застучали, это пришла Клавдия.

— А вот и я! Прохор Лукич, извини, задержалась немного, — стала с порога оправдываться она, когда заведующий открыл ей дверь.

Часы показывали половину девятого.

— Ничего себе немного! Ты знаешь, что за опоздание по нынешним временам бывает?

— Прохор Лукич, — скривила губы сторожика, — да там у нас...

Тот махнул рукой:

— Да иди ты! Твоё счастье, что вот Евдокию тут экзаменую, на время не гляжу. Но если ещё такое повторится — в миг вылетишь с работы, а то и под статью угодишь! Понятно?

— Не повторится, Лукич, не повторится, — Клавдия примирительно заглядывала в глаза завмагу, — слово даю. А чего ты Дуську экзаменуешь? Как полы моет, что ли?

— Не твоего ума дела... — Прохор Лукич сердито отвернулся от сторожика. — Иди своим делом занимайся. Печку топить надо, весь магазин уже выстыл.

Клавдия торопливо засемила в подсобку за дровами, а завмаг снова встал возле прилавка перед Евдокией.

— Вот смотри... Представь, что я покупатель. Мне надо купить крупы, цена которой двести сорок семь рублей за кило. А надо мне сто пятьдесят граммов. Посчитай, сколько будет?

Евдокия раскрыла рот:

— Это как же? Так, а... — и она, покраснев, опустила глаза. Потом сказала чуть слышно: — Я не знаю.

— Гм, — хмыкнул заведующий, — вот то-то и оно. Продавец ведь должен уметь не только складывать да отнимать цифры всякие, надо же ещё уметь взвесить товар, да посчитать его правильно. А ты — «заместо Зинки меня берите»...

Евдокия стояла на месте и боялась пошевелиться. Как так? Ей даже в голову не пришло, что ведь и, правда, надо же ещё и по весу цену уметь посчитать. Ведь товар-то разный бывает, не только фасованный, и на вес отмерять приходится.

Она повернулась и молча побрела в подсобку на ставших вдруг непослушными ногах. «Вот дура-то, вот дура! В продащицы собралась, ой, стыдобушка-то», — думала она, стягивая с себя на ходу халат.

— Ты куда? — крикнул вслед ей завмаг.

Евдокия остановилась и выдавила из себя:

— Домой пойду. Вы это, Прохор Лукич, извините меня, что я... вас...

— Иди сюда быстро! — вдруг сердито прикрикнул он на неё.

Евдокия подняла глаза, в которых стояли слезы:

— Зачем? — её нижняя губа начала подергиваться.

— Затем... Учить тебя буду как весовой товар считать, вот зачем, — заведующий пододвинул к себе счёты и снова посмотрел на Евдокию. — Ну чего встала как вкопанная? Хочешь заместо Вахрушевой работать или нет? Если хочешь, так слушай.

У Евдокии перехватило дыхание. Она быстро вытерла мокрые глаза рукавом халата, проглотила вставший в горле комок и мигом подскочила к Прохору Лукичу:

— Я хочу... Прохор Лукич, вы говорите, я это... я сейчас всё пойму, вы говорите только...

И заведующий стал объяснять, а Евдокия, как и в предыдущий раз, снова стояла рядом, слушала его и боялась пропустить хоть слово.

— Поняла? — спросил её завмаг, закончив.

— Кажись, поняла, Прохор Лукич, — выдохнула Евдокия и боязливо глянула на своего экзаменатора. — Только мне бы

попробовать на бумажках каких с недельку хотя бы, а то сразу вдруг чего не так пойдет.

Вместо ответа заведующий строго глянул на неё и сказал:

— Завтра придешь к девяти часам. Утра, конечно, а не вечера, понятно?

— Приду, Прохор Лукич. А сейчас-то чего делать?

— Чего делать... Домой иди, время уж десятый час. А то, поди, потеряли тебя дома-то. Утро вечера мудренее.

На следующий день, когда Евдокия пришла в магазин, заведующий позвал к себе её и Зинаиду.

— Ну что? — он хмуро посмотрел на Вахрушеву. — Не передумала?

— Прохор Лукич, ну чего вы в самом деле? Я же вчера ещё всё объяснила вам... — начала было та, но завмаг остановил её.

— Тихо, тихо... Понесла... С памятью у меня всё в порядке, помню, а спросить, не передумала ли, я обязан. Ясно? Замену я тебе подыскал.

— Как подыскал? — у Зинки от удивления округлились глаза. — Прохор Лукич, голубчик, благодетель ты мой, вот спасибо-то. И когда отпустишь?

— Да тихо ты! Закудахтала... Не я, вон она твой благодетель, — и он кивнул на Евдокию, — ей «спасибо» говори.

— Дуська? — Зинаида повернулась к той. — Ты? Правда? А чего молчала-то вчера? Так как это? Ты умеешь, что ли?

— Значит так, Зинаида, слушай меня внимательно. Полмесяца ты всё же ещё отработаешь. За это время Евдокию должна будешь выучить так, чтоб ничем от тебя не отличалась. Понятно? Она и так уже много чего знает, но кое-что надо ещё подучить. Она сама тебе скажет. Но предупреждаю сразу, если будешь дурочку валять, если через две недели она срежется на чем-нибудь, я тебя никуда не отпущу. Ясно? Так что это в твоих же интересах. Ну, думаю, тут тебе объяснять не надо. А ты, — он посмотрел на Евдокию, — будешь эти две недели и продавщицей стажироваться, и полы мыть, так как, понимаешь, штата у меня нет, чтоб тебя освободить от уборщицкой работы. Понятно?

Евдокия согласно кивнула:

— Конечно, Прохор Лукич, это вы не сомневайтесь, это-то ерунда, помою, с меня не убудет.

— Вот и ладно, а я за это время тебе на замену в уборщицы кого-нибудь подыщу. Это попроще будет, чем продавщицу искать. Если всё ясно и вопросов нет, то шагайте, магазин открывать пора.

И началась у Евдокии другая жизнь. Первую неделю она целыми днями тенью ходила за Зинаидой и глядела как та обслуживает покупателей, лезла к ней с расспросами, просила показать то одно, то другое... Надо сказать, что Вахрушева объясняла ей всё до мельчайших подробностей, так как уже окончательно настроилась на переезд в райцентр и тому, что замена в лице Евдокии нашлась так скоро, была несказанно рада. Больше того, она сама подзуживала свою стажёрку: «Ты смотри, Дуська, только не срежься на чем-нибудь, когда Лукич тебе экзамен делать будет. Если чего не ясно, так заранее спрашивай».

На второй неделе они поменялись местами. Евдокия самостоятельно выполняла всю работу продавщицы, а Зинаида следила, чтобы она не допустила какой-нибудь ошибки. Но придраться было не к чему.

В обед и вечерами Евдокия мыла полы, и дома её в эти дни вообще почти не видели. Все заботы по дому легли на плечи стариков, но куда было деваться? Да и ребяташки, хоть и малые, но всё же понимали, старались не доставлять лишних хлопот ни матери, ни дедам. А сама она и не знала уже — то ли радоваться, что её мечта стать продавщицей совсем близка, то ли бояться, что же там дальше будет? Ведь и потом дети будут больше со стариками, чем с ней. Они и так давно уже зовут их не дед да баба, а мама старая да папа старый.

Вечерами сильно болела голова, но она понимала, что это с непривычки, что это от новой работы, когда приходится много думать, и без конца считаешь, считаешь, да не дай бог ошибешься. Ложась спать, она вздыхала и молила Бога, чтоб помог пережить это время. «А вдруг да Андрей ещё где живой окажется? — нет-нет да и мелькала мысль. — Вот бы счастье было тогда».

Через две недели после разговора с Прохором Лукичом, тот в конце рабочего дня вышел в торговый зал.

— Ну что, готовы экзаменоваться? — глянул он на стоявших за прилавком друг возле друга Евдокию и Зинаиду.

Зинаида усмехнулась:

— А мы, Лукич, как пионеры, всегда готовы.

Она и вправду была уверена в своей стажерке на все сто, если только та где-нибудь сама не сгруппит от волнения.

Евдокия не сгруппила. Хоть и волновалась, конечно, хоть и страх был, но не смог подловить её заведующий ни разу. В стороне от прилавка, где стояла Евдокия, словно зрители выстроились в ряд Зинаида, и Марья с кассиршей, не ушедшие, как обычно, сразу после работы домой.

Прохор Лукич гонял экзаменуемую, как говорится, вдоль и поперек. И то ему взвесь, и это посчитай, и другое отмерь, да сколько выйдет товара на столько-то рублей, и отложи сперва три кило, убери потом половину, да добавь другого...

Наконец он замолчал, поправил на носу очки и повернулся к «зрителям»:

— Ну, что скажете? Кузьмовна, ты с деньгами у нас больше всех общаешься. Не подведет? — обратился он к кассирше.

— Да ну, Лукич, сам не видишь, что ли? Чтоб девка без опыта да образования так считала, я ни разу не видела. И опытный бы кто сто раз ошибся как ты её тут гонял, — махнула та рукой.

— Ладно... Конечно, тут всё ясно, это уж я так, — завмаг улыбнулся и снова глянул на Евдокию. — Ну иди, продавщица, пиши заявление о переводе на новую работу.

Губы у Евдокии мелко задрожали. Опустив голову, она молча села на табуретку, закрыла лицо руками, и плечи её затряслись.

— Дуська, да ты чего? — подскочила к ней Зинаида. — Радоваться надо, а она ревет.

Подняв подругу, она прижала её к себе и повела в подсобку.

Поздно вечером, когда в избе все улеглись, Евдокия закрыла глаза и устало вздохнула: «Ну что, Андрей, вот твоя жена и продавщицей стала. Без единого класса образования.

Можешь гордиться мной. Сейчас-то уж я наших детей подыму, ты не сомневайся... Ты там не волнуйся за нас, сейчас-то мы проживём...»

И так проживём

Поздней весной, отслужив положенные два года, вернулся из армии в родную деревню Борис Лузганов. Получилось так, что служить он уходил в армию советскую, а возвращался уже из армии российской. Не стало к этому времени такой страны, как Союз Советских Социалистических Республик. Да и вообще — много чего за эти два года изменилось на «гражданке».

Шоферские права категории «С» Борис получил ещё до армии, отучившись в районном ДОСААФ, поэтому все два года служил в автороте: крутил баранку на «шишиге», как называли они ГАЗ-66. С самого детства его тянуло к большим машинам, нравилось управлять ими, любил он скорость и ощущение власти над многотонной техникой.

Отец Бориса тоже был шофером, и сынишка частенько на каникулах мотался с ним в недалёкие рейсы, постоянно крутился рядом, когда тот ремонтировал свой старенький «сто тридцатый» ЗИЛ-самосвал, принюхиваясь к нравившемуся ему запаху автола. Так было до седьмого класса, пока отец одной студеной январской ночью не замерз насмерть в машине, попав в метель и завязнув в сугробах на какой-то дороге вдалеке от дома.

Побездельничав после демобилизации пару недель, Борис стал прикидывать, куда устраиваться на работу. В армии он добавил в свои права ещё «легковую» категорию, поэтому сейчас мог и на грузовике рулить, и на легковушке ездить. Впрочем, его мать ни того, ни другого для сына не хотела.

— Будешь всю жизнь в мазуте ходить да бензином вонять... — ворчала она на слова сына о шоферской работе, когда тот красный, разомлевший после бани, сидел на лавке

возле дома. — Кому это надо? Ни одна девка на тебя не посмотрит.

— Ты-то на отца посмотрела, — лениво перечил сын. — Шоферá всегда в почете были.

— Так, то раньше, а сейчас-то, сынок, времена совсем другие пошли. Иди в институт какой-нибудь поступай пока не поздно, после армии там, говорят, вне конкурса берут. Поди, уж пройдешь, не глупый же ты у меня, школу-то с двумя тройками только закончил. Ежели машины тебе эти так нравятся, так учись на какого-нибудь инженера автомобильного. Пушай в том же гараже, но начальником будешь.

— Ма, слушай, ну хорош уже, а... — поморщился Борис. — Не хочу я голову себе ерундой всякой забивать. Мне баранку крутить нравится, понимаешь? А не в кабинете сидеть...

— Это ты сейчас вот так рассуждаешь, пока молодой ещё. А будет тебе сорок-то с лишним, так локти кусать начнешь, скажешь, чего я, дурак, мать-покойницу не послушался.

Максим выпрямился на лавке:

— Какую ещё покойницу? — уставился он на мать. — Ты чего бурбишь?

— Ну так, к тому-то времени помру уж, поди, — отвернулась та.

Голос её задрожал, и она вытерла тыльной стороной ладони глаза.

— Да ну тебя! — рассердился сын. — Ерунду какую-то говоришь. Тебе сколько лет-то? Ты же у меня молодая ещё, не старая совсем. В сорок пять баба ягодка опять... — засмеялся он и обнял мать за плечи.

— Ага... не слушаешь вот меня... Был бы отец жив, он бы тебе мозги вправил.

— Слушай, всё! Хорош! А то сейчас точно поругаемся. Отца ещё приплела... Я сказал, не нужны мне институты ихние, и хватит это обсуждать! Шофером проживу. Вон... или в совхоз к нам пойду, или в райцентре на автобазу устроюсь. Не всем с дипломами щеголять, простые работяги тоже нужны.

— Так это раньше они нужны были, работяги-то... Раньше-то время другое было, — опять начала мать. — Им и платили больше, чем инженерáм. А сейчас...

Борис молча встал и ушел в дом. Мать тоже замолчала, и до ужина они не разговаривали. Он сидел в своей комнате, слушал магнитофон и листал старые подшивки журнала «Техника молодежи», а мать возилась на кухне.

Наверное, все родители хотят, чтобы дети шли дальше их, добивались в жизни чего-то большего, а может, мать боялась, чтобы сын не повторил судьбу отца, ведь как ни крути а шоферская работа не такая уж и простая — мало, что ли, крестов да памятников вдоль дорог стоит. Но если чего вбил себе в голову ребенок, то просто так тоже не переубедишь. И через несколько дней мать сказала после завтрака:

— Если не хочешь в институт поступать, тогда уж хоть в город езжай работать, там возможностей-то побольше будет. К Анатолию можно сунуться, он, глядишь, подскажет что-нибудь.

— А ты как? — допивая чай, спросил сын. — Тяжело одной-то будет.

Борис по правде жалел мать, считал, что ей одной тяжело всё делать по хозяйству: летом огород, зимой печку топить да снег грести. Он даже не против был, чтоб она нашла себе мужа нового, главное, чтоб заботился о ней, но та и думать в этом направлении не хотела, хотя и шел-то ей всего сорок шестой год, молодая ещё совсем.

— А чего я?.. С огородом да курями не управлюсь, что ли? Жила же я без тебя два года, пока ты в армии служил. Да и что ты, всю жизнь, что ли, при мне будешь? Всё равно ведь рано или поздно семьей надо будет обзаводиться. Отделишься... — мать собрала со стола грязную посуду и отставила её в сторону. — Кстати, я вчера Верку Ситникову в магазине видела. Спрашивала она про тебя, как, дескать, там Боря после армии, возмужал, наверное...

Ситниковы жили на другом краю деревни. Верка — старшая дочь в их семействе, была на два года моложе Бориса. Он-то на неё особо внимания никогда и не обращал, а она нет-нет да заглядывалась на него ещё со школы.

— Ей уж восемнадцать стукнуло, невеста настоящая, — продолжала мать. — Подумай, сынок, она девка неплохая, серьезная, не вертихвостка какая-нибудь, да и ты ей, похоже, глянешься.

Борис усмехнулся:

— Сама в город спрашиваешь, а тут же про Верку говоришь.

— Так одно другому не помеха. Дело ведь не в городе, а в том, что человек она неплохой. Их таких-то, кто путный, сейчас тоже не шибко много. А желание будет, так можете и вместе в город уехать.

— А чем она сейчас занимается?

— В институт поступила, в педагогический, на заочное. А сама в садик у нас устроилась, нянечкой пока. Может, сходишь к ней как-нибудь? Пообщаетесь...

— Да ну, мам... Рано мне ещё об этом думать, о невестах-то, — встав, сын поцеловал мать в щеку и пошел к себе в комнату.

В принципе, в словах матери про город был свой резон, поэтому Борис решил прислушаться к её совету. «В город, конечно, съездить можно, обратно вернуться в любое время успею, — думал он, лёжа на кровати и обложившись журналами. — Там, может, и вправду вариантов с работой побольше будет. Да и вообще — всё жизнь повеселее, чем здесь у нас».

Город — большой областной центр, был от деревни не очень далеко, километров восемьдесят по трассе, час езды на рейсовом автобусе. Брат матери Анатолий, для Бориса — дядя Толя, уже много лет жил там в просторной четырехкомнатной квартире. Жил, конечно же, не один, а с семьей — женой и двумя детьми: дочерью Еленой, бывшей старше Бориса на год, и сыном Андреем, которого этой весной как раз призвали в армию. Работал дядя Толя мастером на мебельной фабрике.

С дядькой у племянника всегда были хорошие отношения и полное взаимопонимание, поэтому, когда мать сходила на почту и позвонила брату, тот не отказал и пообещал приютить его у себя. Долго с этим делом тянуть не стали, и уже через пару дней Борис, собрав кое-какие вещи, уехал в город.

— Ты, Борька, вот что, — почесывая широкую грудь под майкой, хмуро говорил племяннику дядя Толя, когда они вдвоем сидели вечером на тесной кухне и обмывали возвращение Бориса из армии, — ты давай настраивайся лучше на государеву службу.

— В смысле? — не понял племянник. — Как это — на государеву? У меня же всего десять классов образования.

— Да я не про образование... Я говорю, ты не на завод какой-нибудь работать иди, а в государственную контору. Понимаешь? Чтоб на государство работать.

— А на заводе что — не на государство работают? — удивленно посмотрел на дядьку Борис.

Тот поморщился и вздохнул:

— Ты же из армии только-только пришел, не понимаешь ещё ничего.

Дядя Толя взял бутылку водки, которая была уже наполовину пустой, и разлил по рюмкам.

— Давай... У вас в армии политинформации не проводили, что ли?

Борис пожал плечами:

— Проводили, конечно, да кто их слушает...

— Ну телевизор-то ты смотрел там? Слышал что-нибудь про приватизацию?

— Слышал.

— А с чем её едят, знаешь?

— Ну, вроде как, в частные руки всё передают.

— Вот именно, в частные... Только лучше бы они были честные, а не частные...

Дядька задумчиво повертел в руках рюмку, залпом выпил содержимое и подцепил на вилку малосольный огурец.

— Когда мать успела огурцов-то насолить? Ведь рано совсем ещё.

— Так, она первые в теплицу посадила ещё в апреле. Вот... надели уже.

Борис приехал к дядьке не с пустыми руками, а с гостинцами: привез банку молодых малосольных огурцов и несколько банок прошлогоднего соленья: разных салатов да грибов.

— Понятно... — дядя Толя как-то быстро захмелел от выпитого, хотя Борис чувствовал себя совсем трезвым. — Так вот я тебе и говорю: ищи работу в какой-нибудь конторе государевой. Ну там... милиция, прокуратура... Не иди на завод или на автобазу работать. Понимаешь?

— Так, какая мне прокуратура с милицией? Я же баранку только крутить умею и всё.

— А там что, шофера не нужны, что ли? Есть же у них машины. Там зарплата, может, и небольшая, зато платят более-менее вовремя. А это сейчас важнее, племянш, поверь мне. А завод, это... Сегодня есть — завтра нет... Будешь потом мыкаться.

Борис снова пожал плечами:

— Да меня, если честно, в милицию идти работать как-то не манит.

— Ну и зря! Я тебе плохого не посоветую. Кстати, у них там и стаж льготный идет. Двадцать пять лет отработал и всё — вольная птица. Тебе сейчас сколько?

— Двадцать.

— Ну вот... Хочешь в сорок пять на пенсию выйти, а?

— Не плохо бы, — засмеялся племянник.

— Ну вот и всё... Чего ты выкобениваешься тогда?

— Да кто выкобенивается-то?

Борис не узнавал дядьку. Тот сидел какой-то мрачный, не похожий на того веселого и жизнерадостного дядю Толю, которого он знал раньше.

— Я просто говорю, что у меня особого желания нету в милицию идти работать.

— Ну тогда в эту иди... — дядька поднял на племянника отяжелевшие глаза. — О, точно! В пожарку иди работать, вот где лафа-то. У меня товарищ один там работает, и, кстати, на пенсию уже собирается, а ему всего-то сорок семь сейчас. Правда, он не шофером, а простым пожарным там четверть века оттарабанил, но это без разницы. Работа, елки-палки, не бей лежачего, сутки через двое, представляешь?

— А двое суток-то чего делать?

— Да какая разница?! Не в этом, ведь, дело... Да и что, не найдешь чем заняться? Хошь — подработку какую ищи, хошь — диван дома дави. Стаж идет, какого лешего тебе ещё надо? Давай, я ему прям сейчас звякну, а?

Племянник помолчал немного, подумал, потом согласился:

— Ну давай...

Дядька тяжело поднялся со стула и пошел в зал. На кухню зашла тетя Люда, дяди Толина жена:

— Ну как вы тут? Боря, может, вам ещё картошки разогреть?

— Нет, тетя Люд, спасибо, я уже наелся.

— Ты-то вроде трезвый, а моего совсем что-то развезло.

— Теть Люд, а чего дядя Толя какой-то хмурый? Он раньше таким вроде не был.

— Да... — она устало махнула рукой. — На работе у них проблемы какие-то. Начальство поменялось, народ сокращают, приватизация эта, будь она неладна... Он-то, вроде, пока держится, но что завтра будет, никто не знает.

— Он вот мне советует в пожарку идти шофером работать.

— Ну и правильно, Боря, иди. Там хоть и платят не шибко, зато, вроде, не задерживают.

— А я вот чего-то не пойму, как это — задерживают? Ведь получку всегда день в день давали.

— Ну-у... Когда это было... Ты вот с армии только пришел, не знаешь ещё. Да и в деревне там у вас пока не так, может, это заметно, а в городе у нас... Как цены-то отпустили, как мы все миллионерами-то нищими сделались, да как эту приватизацию объявили, так и начался разброд и шатание.

— Да я слышал, конечно, но так... краем уха...

— Ну вот... А пожарники эти, они, Борь, при любой власти нужны будут, а что с заводами да фабриками станется, так, то вилами на воде писано, — тетя Люда с сомнением покачала головой.

— Ну не закроят же их, народу же работать где-то надо.

— Дай бог, дай бог... Хотя у нас всякое уже говорят. Давай, я всё же вам ещё картошки разогрею?

— Нет, не надо, тетя Люд, мы уже всё, заканчиваем.

— Ну смотри, — она устало вздохнула. — Скоро Ленка домой придет, с ней поболтаете. Она к подружке в общежитие убежала, конспекты какие-то переписывать, у неё как раз экзамены сейчас. Как там мама-то поживает? Что-то мы давненько уже к вам не ездили.

Но Борис не успел ответить, так как на кухню вернулся дядя Толя:

— Всё, договорился я с ним. Он там хоть и простым пожарником работает, но давно уже, так что всех знает, похлопочет за тебя. Завтра он как раз на сутки выходит, я тебе адрес дам, подъедешь к нему в пожарку часам к одиннадцати, он тебя отведет куда надо.

— Спасибо, дядь Толя, — племянник взял бутылку и разлил остатки водки по рюмкам.

— Да-а... — махнул тот рукой. — Мы же свои, как-никак, кровные. Должны помогать друг дружке. Ну давай, будем здоровы, да богу мйлы... — Они чокнулись, дядька выпил и поморщился. — А сам пока у нас поживешь. Мать, ты не против же? — он повернулся к жене, которая мыла у раковины посуду.

— Да чего я против-то буду? Не чужой, пускай живет.

— Ну вот и ладно. Вон, в Андрейкиной комнате поселим тебя, всё равно пока пустая стоит.

На следующий день Борис приехал к назначенному времени в пожарку к дядькиному знакомому.

— Мне Анатолий сказал, что ты шофером хочешь работать? — спросил тот у него.

— Ну да, шофером лучше бы.

— Тогда, считай, тебе повезло. Нам как раз сейчас на «Москвич» водитель нужен, начальника части возить. Неделю назад мужик, который на нем до этого работал, в караул перевелся, так что место освободилось. Ежели начальнику поглянешься, то шанс есть.

Борис пожал плечами:

— Не знаю... А дядя Толя говорил у вас тут сутки через двое работа. Это другое что-то?

— Так это, кто дежурит, кто на пожарных машинах ездит, но там у нас полный комплект. Хотя нас сейчас на сутки через трое переводить собираются, так что будут ещё один караул формировать, может, и появятся свободные места, не знаю пока... Ну так чего думаешь, на «Москвич» пойдешь? Там должность тоже аттестованная, так что и стаж льготный идти будет. Если согласен, то я тебя к нашему кадровику прямо сейчас отведу и устраивайся.

Борис неопределенно скривил губы:

— Давайте на «Москвич», мне без разницы.

— Документы-то у тебя все в порядке?

— В порядке.

Так он и устроился работать в пожарку.

Начальником части был майор внутренней службы Гольдович Александр Аронович — человек представительный, солидный. Форму он носил с достоинством, глядел на подчиненных сурово и в службе был весьма строг. Блёкло-рыжие волосы всегда аккуратно подстрижены, щеки выбриты до синевы, а крепкая холеная шея благоухала одеколоном.

Возить начальника части оказалось делом не очень обременительным. Пока тот находился в своем кабинете, Борис либо играл в бильярд с пожарными, с которыми быстро перезнакомился, либо смотрел телевизор, либо же копался в машине. На работу Гольдович приезжал сам на общественном транспорте, но вечерами Борис практически всегда отвозил его домой на «Москвиче». Он довольно быстро выучил город и чувствовал себя за рулем легковушки вполне уверенно, хотя плотное городское движение ему всё же было не по душе.

Частенько по дороге домой начальник заезжал в какой-нибудь продуктовый магазин, но не с того входа, которым пользуются обычные покупатели, а со двора. Обратное Гольдович выходил гружёный одним-двумя пластиковыми пакетами, набитыми под завязку разными продуктами: копченой колбасой, сыром, консервами и шоколадными конфетами. Иногда оттуда торчали горлышки бутылок «Белого аиста».

Пару раз в неделю Гольдович с полными пакетами ездил после работы не домой, а в большой кирпичный дом, находящийся в одном из районов частной застройки города. Кто там жил, Борису было неизвестно, но, выходя из машины, начальник всякий раз говорил ему, чтоб он заезжал за ним ещё часа через два. Тому, конечно, это не нравилось, так как домой в такие дни он попадал поздно, часов лишь в девять. Но Борис научился компенсировать «моральный ущерб» тем, что все два часа мотался по городу и, как говорится, калымил, подвозя на служебном «Москвичонке» спешащих домой граждан.

— Ну как, глянется тебе работа-то? — спрашивала сына мать, когда Борис на выходные приезжал к себе в деревню.

Он делал это каждые субботу и воскресенье по двум причинам: во-первых, надо было помогать матери по огороду, а во-вторых, чтобы слишком уж не надоедать дядькиной семье, давая им отдых от себя хотя бы на пару дней.

— Ничего... жить можно, — отвечал Борис, подгребая тяпкой землю к картофельным кустам.

Мать шла чуть впереди него, вырывая крупные сорняки с междурядий.

— Ну вот и ладно, и старайся, держись за место-то, — тихонько приговаривала она, согнувшись к земле.

— Да за что там держаться-то? Место как место. Ещё бы с работы вовремя уходить.

— А чего тебе вовремя-то? У тебя что — семья, что ли? Жена дома с детьми малыми ждет? Какая тебе разница?

— Да причем здесь «жена с детьми»? — хмурил брови Борис. — Просто как-то неприятно это всё. Я ему что — извозчик личный? День-то у меня рабочий как у всех. Ну ладно, на час где-нибудь задержаться, всяко бывает, но я домой иной раз полдесятого прихожу. И так два, а то и три раза в неделю. Это же ненормально.

— А ты не думай об этом, не думай... — увещевала мать. — Возьми книжку какую, да читай сиди. Чего тебе? На легковой-то всяко-разно лучше ездить, да и начальника возишь, не абы кого. Всё солиднее.

Борис умолкал и больше на эту тему не говорил. Он знал заранее всё, что скажет мать на любые его слова — молчи, терпи, начальству не перечь... Та же считала, что слова её возымели на сына действие и что он соглашается с нею.

Незаметно подошла осень, а с ней и короткие дождливые дни, которые постепенно сменились ещё более короткими днями, укрытыми первым снегом. Борис по-прежнему ездил в деревню на выходные, но уже не на каждые, а через раз. И при этом всегда, когда оставался в городе, маялся — не знал, чем занять себя. Близких друзей у него здесь не появилось, а тем, кто сам был не прочь сблизиться с ним, нужен был в большей степени собутыльник, а не дружба. К водке же Борис был равнодушен, да и не позволила бы ему совесть прийти домой к дядьке пьяному. Во всём остальном городская жизнь тоже

как-то не пришлось ему по душе — шум, суета, сплошное мельтешение людей и машин.

Раза три-четыре, приезжая в деревню, он сталкивался в центре с Веркой, и всегда при виде Бориса её лицо начинало светиться неподдельной радостью. Она и вправду выросла, стала действительно красавицей, и Борис даже смутился немного. Он привык относиться к ней как к девчонке, а тут перед ним стояла настоящая невеста. Обычно они минут пять болтали о разной ерунде, но он всегда потом по несколько раз прокручивал в голове их разговор, вспоминая, что и как говорил сам, что отвечала она...

Как-то в конце ноября Гольдович приехал на работу особенно нарядный, одетый в парадную форму, весь увешанный медалями и значками. При этом одеколоном от него разлило сильнее, чем обычно. На вопросительный взгляд Бориса, стоявшего в это время в приемной, секретарша шепнула: «День рождения». Приняв от личного состава положенные в таком случае поздравления, начальник части потом безвылазно просидел часов до одиннадцати у себя в кабинете, принимая поздравления уже по телефону. Ближе к обеду Борис отвез его в Управление пожарной охраны.

— У меня сегодня дома гости будут, поэтому ты на вечер ничего себе не планируй, — сказал Гольдович, выходя из машины. — Домой меня к пяти отвезешь, а потом подъезжай к восьми часам, надо будет всех по домам развести.

«А может, я уже запланировал... — усмехнулся Борис, поерзав на сиденье. — Ладно, видать, доля такая шоферская, если начальника возишь». Промотавшись остаток дня по разным делам, он отвез Александра Ароновича домой и поехал к дядьке.

— Боря, ты не насовсем? Ещё куда-то поедешь? — спросила тетя Люда, видя, что племянник не переодевается в домашнее.

— Да, ещё к восьми часам надо будет съездить.

— А когда тебя ждать потом?

— Не знаю, думаю, в десятом где-нибудь...

В означенное время, когда было уже совсем темно, Борис подъехал к дому Гольдовича. Тот жил на первом этаже в обычной «хрущевке». При этом понять, где именно, было бы не

сложно даже человеку несведущему: из открытых форточек его квартиры гремела музыка, слышались громкие крики, смех, а за плотным тюлем мельтешили силуэты людей. «Так-то уже восемь, а они, похоже, только разгулялись», — подумал Борис, посмотрев на часы. Откинув спинку сиденья, он стал ждать.

Было не особо холодно, но и не сказать, что тепло. Вскоре с черного неба на землю густо повалили крупные снежинки. Время от времени по двору пробегали прохожие, кто-то выходил прогуляться с собакой, кто-то просто курил, стоя у подъезда, в конце дома под единственной светившей «коброй» мальчишки гоняли клюшками шайбу. Примерно через полчаса в машину сунулся какой-то подвыпивший мужик:

— Слышь, командир, подкинь до универсама, а?

— Извини, не могу, начальника жду, — отрицательно помотал головой Борис.

— Да... ну ладно, — огорчился тот и убежал за дом.

Борис достал из-под сиденья веник и, выйдя на улицу, стал сметать с машины нападавший снег. За окнами у Гольдовича по-прежнему мелькали тени, по-прежнему там гремела музыка. На часах было уже без пятнадцати девять. «Они думают там по домам разъезжаться? — нахмурился Борис, садясь обратно в машину. — Долго ещё гулять-то собираются, ёлки-палки?» Он завел «Москвич», чтобы согреться, и снова приготовился ждать, но уже почувствовал, как внутри маленьким угольком начало тлеть раздражение на начальника. Он пытался гнать от себя мысли о Гольдовиче, вспоминал слова матери про «жену с детьми малыми», которые не ждут его дома, пытался думать о чем-нибудь постороннем, но успокоиться не получалось.

Включив радио, он повертел ручку настройки в поисках «Маяка», но то ли валивший снег мешал нормальному приему, то ли дом создавал помехи, но из динамика пробивались лишь хриплые обрывки мелодий. «Нет, ну я всё понимаю — веселитесь вы там, день рождения у тебя, но я-то здесь сижу, жду тебя! — подумал Борис, выключив приемник. — Ты выйди, скажи по-человечески, мол, так и так, видишь — народ разгулялся, погоди ещё немного, я же пойму... Но почему такое отношение-то, а? Ёлки-палки... Я тебе кто, собственность твоя, что ли? Или если ты начальник и целый майор, а я простой

шофер и рядовой, так можно на меня наплевать?» Он опять вышел на улицу и вновь стал сметать с машины снег. Из-за угла появился тот же самый мужик, что просил подкинуть его до универсама.

— Ха! А ты, шеф, всё стоишь, начальника своего ждешь? Уже сто раз бы меня свозил... — загоготал он и пробежал мимо, брэнча бутылками в холщовой сумке.

Борис нахмурился ещё сильнее и плотно сжал губы — со слов матери, это был верный признак того, что сын серьезно разозлился. Он снова посмотрел на светящееся и гремящее жизнерадостной музыкой окно. Там кто-то что-то громко сказал, следом раздался хохот. На какое-то время загорелся свет на кухне, потом опять погас.

И последняя капля капнула. «Да пошел ты!» — негромко выругался сквозь зубы Борис, запрыгнул в машину, включил передачу и дал по газам. Часы на панели приборов показывали без двадцати десять.

Когда ровно в десять он подрулил к пожарке, ему навстречу выскочила взволнованная женщина диспетчер.

— Боря, а ты где был-то?

— Что значит — где был? — хмуро спросил он, открывая ворота.

— Гольдович только что звонил, про тебя спрашивал.

— Да пошел он...

Не глядя на диспетчера, Борис сел в «Москвич» и загнал его в гараж.

— Так чего сказать-то, если он опять звонить будет?

— Скажите, что машина на месте, а я домой ушел. Всё.

На следующее утро, как только Борис переступил порог пожарной части, к нему навстречу опять выскочила вчерашняя диспетчер:

— Слушай, Гольдович уже приехал, сказал, чтоб ты сразу же к нему зашел как появишься. Злой как собака заявился...

— Хорошо, — улыбнулся в ответ Борис и пошел в кабинет начальника.

Тот сидел за своим столом, хмуро глядя в какие-то бумаги, лежащие перед ним. В кабинете стоял ядреный запах одеколона, однако он не перебивал запах тяжелого похмелья,

исходивший от Александра Ароновича. Под глазами у того темнели мешки, а взгляд был болезненно тяжел.

— Товарищ майор, вызывали? — как ни в чем ни бывало заглянул в дверь Борис.

Он прекрасно понимал, что утром его будет ждать неприятный разговор, поэтому был готов к нему. Армейский опыт подсказывал, что в таких случаях спорить с начальством и пытаться что-то доказать — значит делать себе только хуже, правило «я начальник — ты дурак» ещё никто не отменял, а уж если на тебе погоны, так и подавно. В таких случаях надо либо сразу же каяться в содеянном в надежде, что повинную голову меч сечь не будет, либо же, как говорили у них, «включать дурака». Каяться Борис не собирался, поэтому оставался второй вариант.

Гольдович, сняв с носа очки, поднял на своего водителя мутный взгляд.

— Ты где вчера был? Ты почему ко мне не приехал как я тебе сказал? — спросил он Бориса, пытаясь выжать из своего голоса как можно больше металла.

Тот, глядя на начальника самыми честными глазами, на какие только был способен, недоумевающе пожал плечами:

— Как где? Я к вам приехал, как вы и просили, ровно в восемь. Ждал полтора с лишним часа, никто не вышел, ну я и подумал, что ваши гости раньше разошлись. Я и уехал. Без двадцати десять уже было.

— А диспетчер?! Тебе диспетчер говорила, что я тебя искал? — сквозь металл пробился визг.

— Диспетчер? Говорила, но я, наверное, не так её понял, я подумал, вы звонили сказать, чтоб я домой ехал, не ждал никого.

— Да как так-то?! — опять взвизгнул Гольдович и быстро заморгал. — Да если б все раньше разъехались, я бы там везде посты расставил, чтоб тебя предупредить, чтоб ты не сидел, не ждал просто так. Да я бы... — он как-то растеряно посмотрел по сторонам. — Да я бы... А так мне пришлось самому такси искать по всему городу, по домам всех на такси развозить.

Борис стоял и молча глядел на своего начальника: «Ага, посты бы ты расставил, от тебя дождешься...» Он снова пожал плечами:

— Не знаю, товарищ майор, я думал, вы уже разъехались. До меня ещё, раньше.

Гольдович умолк и уставился на своего водителя. С полминуты оба молча просто смотрели друг на друга. Один спокойным и честным взглядом, другой — мутным и тяжелым.

Наконец, Борис сунул руку во внутренний карман куртки.

— Да... товарищ майор, я тут вот ещё...

Он достал свернутый лист бумаги, расправил его и положил на стол перед начальником.

— Что это? — Гольдович посмотрел по сторонам в поисках очков.

— Рапорт на увольнение, товарищ майор.

Начальник поднял на Бориса глаза и, прищурившись, пристально посмотрел на него.

— А-а... — протянул он. — Ну что ж, понятно...

Не говоря больше ни слова, Александр Аронович взял ручку.

Уже на следующий день Борис ехал домой. И не на выходные, а насовсем. «Нет, господа начальники, пускай вас кто-нибудь другой возит, — думал он, глядя на белые поля сквозь покрытое тонкой изморозью автобусное окно. — Не моё это... А я уж лучше на ЗИЛе или на КАМАЗе каком-нибудь... Ничего, и так проживем... без солидности... Зато нервы здоровее будут».

Всё нормально...

Ещё четыре дня назад молодой тридцатилетний мужик Игорь Бугров убирался в своем огороде в одной футболке и легких спортивных штанах. А когда жёг за баней успешную высохнуть картофельную ботву, так и вовсе упрел: бабьелетнее солнце жарило так, что впору было идти на речку загорать.

А потом всё изменилось буквально в одночасье. Ночью ветер, поменявший направление на северное, приволок откуда-то с тайги угрюмые и холодные дождевые тучи, вмиг превратившие поселковые улицы в грязное месиво. Через день

ударил первый утренний морозец, который решительно сковал эту грязь и покрыл лужи тонкой пленочкой хрупкого льда. А ещё через день послеобеденный морозящий дождик к вечеру сменился мелкими, суетливо мельтешащими снежинками, летевшими, казалось, со всех сторон. И наутро крыши домов стояли белые, непривычно нарядные, укрытые первым стыдливым снежком, а из печных труб к небу потянулись столбики дыма.

— Всё, отдохнули от золы да от копоти. Теперь снова топи каждый день, — Игорь поставил возле печки ведро угля и бухнул рядом охапку березовых дров.

— Так, куда деваться-то? — жена Лариса, хлопотавшая тут же на кухне, философски пожала плечами. — Чай, в Сибири живем, не на югах. Ладно, хоть раз в день пока топить можно, не сильно же холодно ещё, не зима.

— Ну да, — согласился с ней муж, — и то ладно, что пока хоть раз в день топить.

К любой работе по дому Игорь относился спокойно, но вот к топке печи душа у него никогда не лежала. Не нравилось ему возиться с углем и дровами, золу выгребать через день да каждый день. А к марту месяцу ему это дело так надоедало, что он дожидаться не мог, когда же придет тепло, чтоб можно было всё это делать хоть немного, но пореже.

Затопив печь, Игорь пошел к раковине умываться, а Лариса стала накрывать на стол.

— Ты сегодня в рейс? Далеко едешь? — спросила она мужа, накладывая в тарелку гречневой каши с тушеным мясом.

— Нет, я вчера на ТО встал, — он присел за стол, — так что, на обед домой прибегу.

Игорь работал шофером на местной автобазе, до которой было пешком всего-то минут десять-пятнадцать ходьбы. Сперва надо было дойти по их переулку до центральной улицы поселка, потом свернуть и дальше, вдоль многоквартирных деревянных бараков, стоявших по обе стороны от дороги, около километра до автобазы.

В это утро, глубоко засунув руки в карманы куртки и накинув капюшон, Игорь шел в гараж и думал, с чего лучше начать работы по техобслуживанию своего старенького «зилка»: «Масло, тосол заменить ещё успею, а вот задние

колодки тормозные сегодня поменять было бы неплохо. Надо будет сразу с утра к Семёнычу на склад зайти, пусть выдает».

Дойдя до центральной улицы, он повернул направо и зашагал уже по асфальту. Их поселок считался пригородным, но, по сути, это была обычная деревня. Разросшийся и не так давно поглотивший её город из всех благ цивилизации принес сюда лишь центральный водопровод с холодной водой и единственную асфальтированную улицу — центральную. Электричество, понятное дело, было и раньше.

— Игорь! Бугров! — вдруг услышал он окрик.

Остановившись и посмотрев по сторонам, Игорь увидел возле одного барака свою бывшую одноклассницу Ситникову Татьяну. Вид у неё был весьма растерянный: она хоть и окрикнула Игоря, но смотрела вовсе не на него, а вертела головой по сторонам и бестолково топталась на месте. При этом одета она была довольно легко: на голых ногах обычные домашние тапки, а короткое демисезонное пальтишко накинуто на легкий халатик.

— Привет, Тань! Чего хотела? — кивнул ей Игорь.

— Слушай, ты сильно торопишься? — глянула на него та.

Он пожал плечами:

— На работу иду, а что случилось?

— Да тут у нас чего-то... Сама не пойму то ли мерещится мне, то ли правда. Ты бы мог посмотреть, а? — скривив губы, она просительно склонила голову набок.

— Чего стряслось-то?

— Да кажется, что дымом пахнет, но не пойму откуда. И Сашка у меня на работу уже час как ушел. Прямо, не знаю, что делать...

— Дома у вас пахнет, что ли? Или где? — Игорь подошел к Татьяне.

— Ну да, в квартире прямо. Но у нас-то всё в порядке, я везде посмотрела. И вот не знаю, может, от соседей от кого-то тянет? Мало ли...

Это был длинный десятиквартирный барак. Каждая квартира имела отдельный вход, перед которым был небольшой огороженный участок площадью с полсотки. На этих участках стояли углярки, небольшие сараюшки, кто-то ставил здесь лавочки, а некоторые умудрялись разбивать даже клумбы с

цветами. Получалось, что свободно подойти к соседскому окну, чтоб заглянуть в него, было невозможно, надо было или лезть через забор, или идти через калитку.

— Так, они дома или нет? Соседи-то ваши?

— Да похоже, что нет, — Татьяна стала притоптывать на месте: видать, утренний морозец забрался ей под пальто. — Я уже в стены стучала, но без толку.

Игорь посмотрел на трубы, кирпичными пеньками торчащие над шиферной крышей.

— А кто справа от вас живет?

— Тетя Лиза Смолякова.

— Я смотрю, у неё вон дым сильнее всего валит. Значит, печка только-только разгорается. Её тоже дома нет, что ли? Тети Лизы этой? Печку затопила и сразу ушла?

Татьяна неопределенно пожала плечами:

— Не знаю. Говорю же, в стенку стучала, да никто не отвечает. Слушай, Игорек, а может, в пожарку позвонить надо?

Игорь ловко перескочил через забор на соседский участок и подошел к окну.

— В пожарку надо было сразу позвонить как запах почуяла, — он постучал в стекло, надеясь, что кто-то окажется дома: может, спит человек или недослышит. — У вас у кого-нибудь телефон есть в бараке?

— Есть у одних, в крайней квартире, в десятой.

— Беги к ним, звони, а я пока тут посмотрю.

Соседское окно было задернуто плотным тюлем, поэтому, что делается внутри, видно не было. Игорь, прильнув лицом к стеклу, напряженно всматривался в комнату, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. И в какой-то момент с одного края из-за тюля прямо перед ним выплыла небольшая струйка дыма. «Ох ты, ёлки-палки! Значит и вправду у них что-то стряслось», — он посмотрел по сторонам, но на улице никого не было. Подойдя к двери, Игорь с силой постучал в неё, потом дернул пару раз — всё без толку.

Из крайней квартиры вышла Татьяна, следом за ней выбежал невысокий коренастый мужик лет шестидесяти.

— Игорь, я позвонила. Сказали, приедут, но вот Василий Петрович, — она показала рукой на идущего следом мужика, —

говорит, что у них там сейчас пересменок, так что могут и припоздать.

— Чего тут у вас? — спросил тот, подходя ближе и хмуря брови.

— Да, кажется, вот у них чего-то там, — Игорь кивнул на окно, в которое только что смотрел. — Толком не видно, но мне показалось, будто дымок какой-то.

— Здесь кто у нас живет? Лизавета, кажись? — мужик подошел к окну и заглянул внутрь. — Не видать ни хрена... — потом вдруг взмахнул руками. — Мать моя!.. Точно! Дым, кажись...

— Ой, мамочки... — жалобно пробормотала Татьяна. — И чего делать сейчас?

— Чего-чего... Дверь ломать надо! — как-то сразу засуетился мужик из десятой квартиры. — У тебя топор есть? — повернулся он к Татьяне.

— Топор? — растерянно переспросила та. — Да есть где-то, но я не знаю... Это Саню надо спрашивать, а он на работе.

— Чёрт! — выругался сосед и побежал к себе. Через полминуты он вернулся с топором. — Сейчас дверь сковырнем и глянём, чего там у неё творится.

Мужик подскочил к двери и стал примериваться как бы ловчее подцепить её топором.

— Стойте, вы чего?! — Игорь схватил его за руку. — Так же нельзя! Дверь выворотить — большого ума не надо, а потом что? Хозяйки же дома нету.

— Ну и чего? Придет, никуда не денется, не на неделю же она уехала. А пока вон... Татьяна покараулит.

— А потом? Вы дверь обратно почините?

— Я не пойму, ты чего предлагаешь? Ждать, пока весь барак загорится? — мужик освободил свою руку. — Дверь пожалел, а дом не жалко? Так-то она здесь не одна, нас тут десять семей живет.

— Я понимаю. Я просто говорю, что, может, не ломать сразу, а как-то поаккуратнее попробовать?

— Как?! — рассердился мужик. — У тебя ключ, что ли, есть? Тут, может, каждая минута дорога, некогда церемонии разводить. Ну не дверь, так давай окно высадим!

— Да огня-то вроде не видать, дым только. Может, там ничего серьёзного, а мы переломаем тут всё.

— А ты слышал, что дыма без огня не бывает?

— Слыхал! Только ломать — не строить, тоже поговорка есть. Большого ума не надо.

Игорь вернулся к окну и снова стал вглядываться внутрь. Потом повернулся к Татьяне:

— Есть у вас дома ножик покрепче? Не кухонный, а чтоб лезвие потолще было?

— Есть, — быстро кивнула та.

— Тащи бегом!

Татьяна побежала к себе и быстро принесла довольно большой нож, под тип охотничьего:

— Держи...

Взяв нож, Игорь стал поддевать им тонкие реечки, держащие стекло.

— Сейчас штапик уберу, стекло вытащим аккуратненько и всё... Я залезу, и поглядим чего там. Хорошо, что она хоть вторую раму ещё не вставила.

Через пару минут дело было сделано. Игорь вынул стекло и отдал его мужику, который всё это время молча топтался рядом, не выпуская свой топор из рук.

— Держите. Поставьте куда-нибудь, чтоб не разбилось.

Из окна сразу же повалил густой темный дым. Игорь снова повернулся к однокласснице:

— Танюха, тащи быстро какую-нибудь тряпку, только не грязную, а под тип полотенца или платка что-нибудь, и водой намочи!

Та без лишних вопросов опять кинулась к себе и быстро вернулась с мокрым цветастым платком:

— На вот...

Игорь снял куртку, повесил её капюшоном на штакетник, потом обмотал лицо ниже глаз неприятно холодным и мокрым платком и попытался заглянуть внутрь, но тут же отпрянул от попавшего в глаза дыма:

— Тьфу ты, чёрт...

— Игорек, может, обождать минутку? Дым выйдет, тогда лучше будет, — предложила Татьяна.

— Да чего ждать-то?! — снова загорячился мужик из десятой квартиры. — И так уж сколько времени потеряли.

Он с тревогой посмотрел на крышу барака, не видно ли там дыма или огня.

— Ну ладно, — Игорь, зажмурив глаза, сунулся в окно, — я полез...

— Ты на пол там сразу падай, — крикнул вслед ему мужик, — на пол! Там дыма-то меньше будет.

Внутри, прямо у окна стоял стол. На него-то Игорь и попал сначала. Он пошарил руками по сторонам и что-то уронил на пол. Послышался звон разбившегося стекла. Чертыхнувшись, Игорь, не открывая глаз, стал на ощупь спускаться вниз. Нога за что-то зацепилась, он отпихнул это в сторону, там опять что-то упало и снова разбилось стекло. «Да чего она тут понаставила-то? Банки какие-то, что ли?» — он встал, наконец, на пол, быстро пригнулся и, чуть-чуть приоткрыв глаза, стал осматриваться.

Внизу, возле самого пола, дыма было действительно поменьше. Держа голову как можно ниже, Игорь отполз в сторону и метрах в двух от себя заметил довольно большой, размером с полкулака, кусок несильно горящего угля. Уголь лежал на тряпичном половике, который тлел, давая густой серый дым, но огнём при этом не загорался.

Аккуратно вдохнув сквозь мокрый платок, Игорь быстро подполз к углю. Тут же он увидел печь, топочная дверца которой была приоткрыта. «Вот чучундра, — подумал он о хозяйке, закрывая дверцу кочергой, которую нашел рядом. — Видать, уголь засыпала, а как дверка закрыта, не проверила. Да ещё и из дома сразу куда-то уперлась».

Дым ел глаза, и они сильно слезились, поэтому искать воду, чтобы залить тлевший половик, Игорь не стал. Набрав в легкие побольше воздуха, он задержал дыхание, снял с лица платок и затушил им кусок угля. Затем хорошенько протер мокрой тряпкой тлевший половик: «Пока и так сойдет. Главное, что огня нет».

Воздуха уже не хватало. Встав, Игорь быстро вернулся к столу и полез обратно в окно.

— Ну чего там? — подхватил его под руки мужик, когда он вывалился наружу.

Как ни старался Игорь не дышать, но всё же напоследок глотнул дыма. Закашлявшись, он сел прямо на жухлую траву возле дома. Глаза резало, из них текли слезы. Татьяна охала, ойкала и суетливо топталась тут же.

— Дай попить, — хрипло попросил её Игорь, немного прокашлявшись — и это... глаза бы промыть.

Одноклассница снова побежала в свою квартиру и быстро принесла литровую банку воды:

— Держи... Ой, Игорёк, у тебя глаза, прям, красные все, — жалостливо посмотрела на него Татьяна.

Он жадно выпил сразу полбанки, потом плеснул водой в глаза. Стало чуть легче, но горло всё ещё сильно першило.

— Ну так чего там? — опять подступил к нему с расспросами мужик. — Чего горит-то?

Позади него с тревожными лицами стояло ещё несколько человек, которые, увидев дым, прибежали из соседних домов выяснять, что случилось.

— Да всё нормально... — Игорь по-прежнему сидел на траве, морщился и постоянно моргал. — У печки дверку путём не закрыла, кусок угля и вывалился на половик. Хорошо, что не загорелось, тлело только.

— Вот курица! — сердито помотал головой мужик. — Весь барак ведь спать могла. Ты-то как? Сильно наглотался? — он присел возле Игоря.

— Да ничего, всё нормально... — повторил тот. Поднявшись, он взял куртку и оделся.

Через минуту из-за поворота вырулила пожарная машина и тяжело остановилась напротив. К собравшимся подошел пожилой пожарный в брезентовых штанах и брезентовой же куртке, перетянутой широким ремнем:

— Чего тут у вас стряслось?

— Да всё уже, без вас управились, — ответил за всех мужик из десятой квартиры.

— Ну а всё-таки?

Ему принялись рассказывать, что да как. Сначала Татьяна поведала о запахе дыма, который учуяла у себя в квартире, потом подключился мужик, от которого она звонила, затем Игорь завершил всю картину описанием того, что увидел внутри.

— И что, прямо стекло вынули и всё? — удивился пожарный после того, как записал фамилии и адреса рассказчиков. — Мы обычно в таких случаях не церемонимся, — улыбнулся он. — А вообще-то со стороны хозяев налицо нарушение правил эксплуатации печного отопления. Нельзя оставлять без присмотра печи, которые топят, нельзя... А где хозяева-то? Кто знает?

И, словно услышав его, в этот момент объявилась хозяйка квартиры. Вернее, сначала все услышали крик:

— Оюшки! Это чего там?! Чего делаете-то?

Повернувшись на возглас, все увидели высокую пожилую тетку, спешно семенящую по дороге. Она с тревогой смотрела на пожарную машину и на толпу людей, собравшихся возле её квартиры. Дым к этому времени весь вышел, и внешне уже ничего не напоминало о случившемся.

— Легка на помине, — ухмыльнулся мужик из десятой квартиры. — Ну сейчас огребешься...

— Вы чего тут? Вы чего у меня делаете-то? — размахивая руками, тетка подбежала к бараку и сердито оглядела всех. — Чего случилось? Пошто окно-то без стекол? У меня ж изба выстынет!

— Теть Лиза, да не кричите вы так, — Татьяна пошла ей навстречу. — У вас пожар чуть не случился. Хорошо, что вовремя заметили, а то весь барак сгореть мог.

— Какой ещё пожар?

— А какие они бывают? — снова ухмыльнулся мужик из десятой квартиры. — С огнем да дымом! Не знаешь, что ли? Ты почему печку свою без присмотра бросила? Затопила и увистала куда-то...

— На почту я бегала, надо мне было... А чего?

— Ничего... Барак бы спалила, было бы тебе тогда «чего».

— Женщина, это вы хозяйка? — вышел на первый план пожарный.

— Я.

— Давайте-ка запишем ваши данные. Потом инспектор придет, он будет разбираться, но могу сразу сказать, что вы нарушили правила эксплуатации печного отопления.

— Ничего я не нарушала, на почту мне нужно было...

— Ну это мне сейчас рассказывать не надо. Фамилию, имя, отчество скажите.

— Смолякова я, Лизавета Ивановна.

— Елизавета Ивановна, давайте в дом зайдём, посмотрим там всё, чтоб наверняка.

Тетка открыла дверь, и они с пожарным пошли внутрь. Через минуту оттуда послышался её крик:

— А кто мне банки-то все побил?! Кто банки-то разбил мне? Вы чего наделали-то?

Тетка вышла на улицу и с жалобной миной посмотрела на стоявших:

— Банки-то пошто мне разбили?

— Какие ещё банки? — сердито переспросил мужик из десятой квартиры.

— Я вчерась три банки огурцов с помидорами, да две банки капусты засолила. Около стола стояли, в погреб снести не успела. А сейчас побитое всё.

— Ивановна, ты чего, совсем с головой не дружишь? — мужик постучал пальцем себе по лбу. — Тебе говорят, ты чуть барак не спалила, а она про банки какие-то...

Из квартиры вышел пожарный:

— Ну там, вроде, всё в порядке. Ладно, мы поехали, а к вам, — он повернулся к хозяйке, — инспектор придет, так что ждите. Думаю, сегодня же.

— погоди! Как это в порядке? — вцепилась в него тетка. — Ты зафиксируй там, что банки-то мне все переколотили! Ты запиши!

— Женщина, вы о чем говорите вообще? — пожарный удивленно посмотрел на неё. — Вы ему, — он кивнул на молча стоявшего в стороне Игоря, — в ножки кланяться должны. Если б мы раньше приехали, так дверь бы вам выломали и всё. А он вам стеклышко аккуратно вынул, да сам всё и затушил.

— Так, а банки-то, банки? — не унималась та. — Я чего, зря солила, что ли?

Пожарный безнадежно махнул рукой, повернулся и пошел в машину.

— Тетя Лиза, — подошла к соседке Татьяна, — да бог с ними, с банками... Вы чего, правда? Вон, Василий Петрович

тоже хотел и дверь ломать, и стекло разбить предлагал. Ведь всё в дыму там у вас было, весь дом мог сгореть, а Игорь не дал.

— И чего сейчас? — обиженно поджала губы хозяйка квартиры. — Я ж покупала всё. И огурцы, и помидоры. На засолку брала.

Мужик из десятой квартиры тяжело вздохнул, покачал головой и поднял свой топор, который в суете бросил в траву.

— Вот так вот, парень, — подошел он к Игорю, — наука тебе на будущее. Ты как лучше хочешь, а тебе потом благодарность за это. Правду говорят: «Не делай добра — не получишь зла». Надо было всё же дверь ей выломать.

Игорь усмехнулся:

— Да бросьте вы! Если она бестолковая, не значит же, что ей только хуже делать надо.

— Так, ежели не понимает?

— Ну и что? Сейчас не понимает, может, потом поймет.

— А вот это навряд ли... Годы у неё уж не те.

— А это неважно...

Игорь подтянул «молнию» на куртке и посмотрел на часы; времени на всё про всё ушло минут тридцать. «Опоздал, конечно, на работу, но ничего...» — подумал он и пошел к калитке.

— Эй, милоч, ты куда это? — засеменяла следом тетка. — А банки-то мне кто сейчас конпенсирует?

— Тетя Лиза, да вы чего, вправду? — Татьяна всплеснула руками. Она успела сбегать домой и одеться потеплее. — Как не стыдно-то вам, в самом деле...

— А чего ты меня стыдишь? Чего я такого сделала? И стекло мне кто обратно ставить будет? Изба-то уж выставла вся...

— Да вставляю я тебе стекло, вставляю... — мужик из десятой квартиры пошел к окну. — Тебе всё равно дом проветривать надо, дымищем воняет. Ноешь только с банками своими...

Игорь тем временем вышел на асфальт, накинул на голову капюшон и тихонько сказав: «Всё нормально», широко зашагал к автобазе.

Гриша-слепой

Летним воскресным вечером дед Андрей сидел за большим круглым столом, стоящим в центре горницы под низко висящим бело-зеленым пластиковым абажуром. На его крупном носу как-то игрушечно смотрелись небольшие круглые очки в светло-коричневой с черными крапинами оправе. Единственной целой дужкой очки держались за левое ухо, с правой же стороны к этой дужке была привязана резиночка, одевавшаяся на голову.

Ногтем указательного пальца правой руки дед медленно водил по желтой странице толстой книги, лежавшей перед ним в пятне света, падавшего на стол от абажура. Края страницы были потемневшие, почти коричневые, а исписана она была замысловатыми витыми буквами.

— Воз-дер-жание, не-зло-би-е, цело-, це-ло-муд-ри-е, кре-пость и тер-пе-ние, — с видимым усилием медленно и по слогам произнес дед Андрей. Вздохнув, он повторил прочитанное быстрее: — Воздержание, незлобие, целомудрие, крепость и терпение. Ага, вот оно чего...

Погладив левой рукой длинную бороду, он, собравшись духом, продолжил:

— И по-доб-няя с имя ве-ли-кия и добро-... — дед взглотнул, поерзал на стуле и осилил длинное слово, — до-бро-де-тель-няя силы полу-чихом от Бога. Ага, стало быть, от Бога это всё...

Сидевшая тут же в горнице на скрипучем плетеном стуле баба Ксения оторвалась от пряжи, которую молча до этого перебирала, подняла голову и закивала:

— Ага, вот, стало быть, всё от Него... Добродетель-то вся: незлобие, терпение... Всё от Него, от Господа нашего.

На её носу красовались такие же очки, как у деда, только с обеими целыми дужками.

Третьим присутствующим в комнате был внук деда Андрея и бабы Ксени Сергей. Все свои каникулы он проводил в деревне, приезжая сюда из города. Вот и нынче, окончив шестой класс, он снова гостил у стариков.

Повернувшись к нему и улыбнувшись, баба Ксения ласково, но с легким напором сказала:

— Ты слушай, миленький сыночек, слушай. Это полезные слова-то, про боженьку, — несмотря на то, что Сергей был ей внуком, она обычно называла его «миленький сыночек».

Серёга, впрочем, и так слушал, никуда не убежал. Сидя напротив деда, он смотрел на него, подперев голову руками. Он уже привык к подобным вечерним чтениям.

Баба Ксения и дед Андрей были людьми верующими. Однако они были не просто православными христианами, но были старообрядцами. Соблюдали все предписанные верой правила, выдерживали в обязательном порядке посты, в праздники и по воскресеньям не работали, ежедневно утром и вечером перед сном молились перед иконами, стоявшими под самым потолком в углу на маленькой кухоньке.

Было у них несколько старинных толстых книг в кожаных переплетах, написанных на церковнославянском языке, которые они иногда читали. Книги эти хранились в шкафу аккуратно завернутые в ткань. Особенно старики любили читать одну, где были описаны мучения грешников, попавших в ад. После ужина в воскресенье или в праздник, помолвившись и вымыв руки, дед доставал одну из книг, надевал свои очки с резиночкой, садился за круглый стол и начинал читать.

Был он малограмотным, поэтому читал кое-как, по слогам и очень медленно. Иногда, пока он дочитывал до конца одно предложение, уже забывалось, с чего оно началось, и приходилось перечитывать его по второму разу, уже побыстрее, чтобы усвоить смысл сказанного.

Серёга в такие моменты тоже был за столом, баба Ксения ему говорила обычно: «Ты, миленький сыночек, посиди с нами, послушай. Ещё набегаешься». Но из-за того, что дед читал очень медленно и невразумительно — одну страницу с трудом мог осилить за целых полчаса — Серёгу часто в такие моменты тянуло в сон.

Поэтому однажды он попросил бабу Ксению, чтобы она показала ему как читать церковнославянский шрифт — ведь многие буквы там совсем другие и пишутся иначе. Та объяснила как могла, и он, довольно быстро усвоив эту науку, начал на радость старикам постепенно читать эти книги сам. Ему это даже нравилось. Дед с бабой сидели возле стола, а Серёга довольно бегло читал им поучения святых отцов и о

мучениях грешников в аду. Иногда, правда, было совсем не понятно, что означает то или иное незнакомое слово, но они додумывали сами, исходя из общего смысла.

Вот и сейчас, дочитав фразу до конца, дед Андрей снова погладил бороду и глянул поверх очков на внука:

— Может, ты считаешь немного, а то я чего-то подустал уже.

Сергей согласно кивнул головой:

— Конечно, давай почитаю, — он пододвинул книгу к себе, посмотрел, где закончил чтение дед и продолжил: — Противляющиеся, и противостоящая, и вспомоществующия в прискорбностях оных: каковые силы аще обучаем и готовыя имеем...

— Ой, — вдруг махнула рукой баба Ксения, — постой-ка, чуть не забыла... — она повернулась к деду. — Я же сегодня в магазине Прошиху видала, так она сказывала, Гриша-слепой приехать сулился. Письмо, говорит, от него на днях было. Может, на этой неделе приедет, может, чуть попозже.

Серёга перестал читать и чуть скривил губы. Впрочем, дед с бабой этого не заметили.

— Ну что ж... Приедет, так приветим. Не впервой, — ответил дед Андрей, стаскивая с головы очки.

В то время у старообрядцев в этих краях не было ни своих церквей, ни священников. Всё это было ликвидировано за годы советской власти. Но были среди них люди, которые пользовались особым уважением среди единоверцев. Их звали наставниками, поскольку они многое знали, могли что-то подсказать и чему-то научить — в религиозных вопросах, конечно, а не по хозяйству.

Одним из таких и был старик по имени Григорий. Правда, звали его все совсем по-простому — Гриша, несмотря на то что было ему уже под восемьдесят лет. А поскольку он был слеп от рождения, то так и добавляли — Гриша-слепой.

Проживал Гриша-слепой в небольшом городке, километров за сто от деревни, где жили баба Ксения с дедом Андреем. Когда наступало теплое время года, он в сопровождении одной женщины ездил по деревням, навещая своих единоверцев-старообрядцев. Периодически он приезжал

и в эту деревню, при этом останавливаясь зачастую именно у Серёгиных бабы и деда.

Сам Сергей такие моменты не любил, потому что весь привычный уклад их жизни при этом нарушался, и уже нельзя было чувствовать себя легко и вольготно. Вроде ты и дома, а в то же время должен вести себя с оглядкой, потому что рядом чужой человек. Вот поэтому Серёга и сделал недовольное лицо, услышав о возможном предстоящем визите такого гостя.

Дня через четыре после упомянутого воскресного чтения Сергей не спеша шел домой из магазина, таща тяжелую сумку с продуктами. Он издалека заметил, что возле их дома что-то было не так: у калитки стояли три или четыре посторонних бабушки, причем одетых не по-простому, а как-то нарядно. Кого-то из них он уже видел раньше, а кого-то видел в первый раз.

Поздоровавшись, он прошел мимо них во двор. В это время из избы на крыльцо суетливо выскочила баба Ксения.

— Гриша-слепой приехал, — быстро проговорила она. — Ты тут, миленький сыночек, погоди маленько. Мы там пока разберем, что к чему... — и быстро взяв что-то в сени, она побежала обратно в дом.

Серёга приуныл: «Ну вот, начинается. Сейчас ходи вдоль стеночки и лишнего слова не скажи». Когда приезжал Гриша-слепой, то к бабе Ксене всегда приходило много народа, чтобы поговорить с ним. Они все вместе молились перед иконами, разговаривали о своих делах, и в избе постоянно были чужие люди. Серёгу на это время куда-нибудь выпроваживали, чтобы не путался под ногами. Да он и сам рад был уйти, так как ему это было просто неинтересно.

Минут через десять из избы вышло несколько стариков и старушек вместе с бабой Ксеной.

— Ксения, это твой, что ли? Чей же будет? — спросила одна бабушка, кивая на Серёгу.

— Натальин это, — с улыбкой протянула та. — Внучонок. Погостить вот приехал на каникулы, — она приобняла внука за плечи и мягко притянула к себе.

— Правильно, чего там в городах-то ихних делать? Здесь-то вона благодать какая, — поддержала разговор другая,

сгорбленная, старушка и кивнула на простор, открывающийся перед домом. — Так ведь? — спросила она, улыбаясь, у Сергея.

Тот буркнул в ответ «ага», и, высвободившись из бабы Ксениных объятий, прошмыгнул в дом. У стола, стоявшего возле окна в прихожей, на стуле сидел дед Андрей, а рядом на большом сундуке сидел спиной к дверям Гриша-слепой. Они обедали.

— Проходи. Сейчас мы поедим, и ты сядешь, — сказал дед Андрей Серёге.

— Внучок пришел? — тихо спросил Гриша-слепой, придерживая левой рукой тарелку, а правой держа ложку.

— Он самый, — кивнул дед, беря кусок хлеба.

Сейчас места за столом всем уже не хватало, поэтому есть надо было в два захода. Серёга прошел в горницу и прилег на диван, взяв книжку.

На следующее утро он проснулся поздно. Лежа в кровати, он понял, что в доме никого нет: было тихо. «Позавтракали уже, наверное, да в огород ушли, — подумал он. — Только Гриша-то где? Неужели тоже куда-то ушел?» Неслышно встав, Серёга так же тихо оделся и выглянул в прихожую. Да, в избе не было ни бабы Ксени, ни деда Андрея, но Гриша-слепой сидел на своем месте у стола. Ночевать ему стелили тут же, на этом большом и широком сундуке, поскольку и от кровати, и от дивана он отказывался. Сейчас свернутые одеяла лежали рядом с ним.

Слепец сидел молча, склонив голову, которая мелко-мелко тряслась. Она так тряслась у него постоянно; наверное, это было какое-то заболевание, Серёга не знал. Был он сед, и была у него длинная белая борода почти до самого пояса. Из-за своего недуга Гриша-слепой никогда в своей жизни не работал физическим трудом, поэтому был он как-то рыхло полноват, а кожа на руках у него была нежная, белая, не то что руки у деда — коричневые от солнца и загрубевшие от постоянной работы. Эти белые и пухловатые руки он сложил на коленях и тихонько перебирал ими лёстовку¹. Губы у Гриши

¹ Лёстовка (уменьшительное от древнерусского «лествица», то есть «лестница») — разновидность чётков у православных христиан, в основном используется у старообрядцев.

при этом тихонько двигались, словно он что-то нащёптывал себе.

Несмотря на то, что этот гость был у них далеко не в первый раз, мальчик сам никогда с ним раньше не общался. На самом деле Гриша-слепой вызывал у него неподдельный интерес, но он его в то же время немного побаивался.

Сейчас, замерев у дверного проема, Серёга не отрываясь глядел на старика. «Интересно, — думал он, — как может слепой человек так много знать? Ведь он же не видит ничего, читать не может, в книжке подглядеть, если чего забыл, тоже не может. Получается, ему кто-то когда-то давным-давно прочитал или рассказал, а он запомнил это всё. И на всю жизнь. А сейчас вот и других учит так, что к нему народ всегда приходит. Вот это память!»

Прошло уже несколько минут, а Серёга всё стоял, чуть дыша и боясь пошевелиться, чтобы не привлечь к себе внимание. Надо было завтракать, и в обычный день он бы сам давно положил себе чего-нибудь в тарелку, налил бы парного молока и поел, но сейчас он чувствовал себя неловко и хотел, чтобы в избе кроме него и этого старика был кто-нибудь ещё. И в то же время, ему хотелось разглядеть Гришу-слепого получше.

Наконец, решившись, он на цыпочках двинулся в сторону входной двери, продолжая неотрывно смотреть на их постояльца. Прямо напротив него Серёга остановился. Ему страсть как захотелось заглянуть под густые белые брови слепца.

Что там? Глаза или что-то другое, и если глаза, то какие они? Затаив дыхание он наклонился и попытался всмотреться в лицо старика. Глаз он не увидел, вместо них были какие-то глубокие темные провалы, на которые нависали густые длинные брови. Серёге стало страшно, он неловко дернулся, и в этот момент под ним скрипнула половица.

— Кто это? — вскинув голову, спросил Гриша-слепой, перестав перебирать лёстовку.

У мальчика перехватило горло:

— Да я это, — как-то нелепо проямлил он, выпрямившись.

— Серёжа? — улыбнулся старик. — Проснулся? Ну-ну... — Чуть помедлив и пожевав губами, он спросил: — Как у тебя дела-то? В школе-то учишься?

Голос у Гриши был тихий, ласковый, и говорил он несколько растягивая слова, словно бы на распев. Голова его при этом продолжала так же мелко трястись.

— Учусь.

— Это хорошо, молодец, — продолжая улыбаться, и снова начав перебирать своими белыми пухлыми пальцами лёстовку, сказал слепой. — Учиться надо. А что поболее всего тебе глянется?

— Ну... история, география, литература... — стоя на месте, тихо отвечал Серёга.

— Читать любишь?

— Люблю.

— Это хорошо, — повторил старик, — читать надо. Только хорошее читай, а то сейчас много плохого в книжках пишут.

«Откуда ему знать-то? Ведь не видит ничего», — подумал Серёга, но вслух сказал:

— Да я, что задают, то и читаю. Ну и так... приключения всякие, фантастику...

— Хорошо, — в третий раз сказал Гриша, — только читать-то читай, но и Боженьку не забывай. Без него никуда, без него прожить невозможно. Ты молитвы-то какие-нибудь знаешь?

— Ну... так... — растерялся от такого вопроса Серёга.

— Вот я тебе одну скажу, она короткая — запомнить легко, но сильная. Если на душе когда нехорошо делается, или страх какой напал, или ещё чего, неприятности всякие, да и просто так, ты вот говори всегда: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Вот и всё. Скажешь так несколько раз, и сразу легче на душе станет. Запомнил? — и он повторил молитву ещё раз.

— Запомнил, — ответил Серёга. — Я пойду, бабу позову?

— А, ну иди, конечно... Я тут пристал к тебе, ты же кушать, небось, хочешь, — улыбнулся старик и стал опять размеренно перебирать пальцами лёстовку.

Через четыре дня Гриша-слепой уехал. Серёга за это время с ним больше и не разговаривал, но почувствовал, что страх перед стариком у него исчез.

Изба опустела, ходоки перестали толпиться в сенях и сидеть на крыльчке, и жизнь сразу вернулась в свое прежнее русло. А в памяти мальчика так и осталась та короткая молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», которую он и вправду как-то запомнил с первого раза и на всю жизнь.

Друг, называется...

Гаишники из райцентра приезжали в Ваганово, как говорится, редко да метко. Словно нюх у них какой-то был, когда здесь можно «урожай» хороший собрать. По крайней мере, так утверждали вагановские мужики. Но, впрочем, может, и не так вовсе, мужики могли ошибаться. Они, избалованные отсутствием регулярного контроля на дорогах, со временем расслаблялись и начинали позволять себе слишком многое. Поэтому районным гаишникам вовсе и не нужен был какой-то особый нюх. Просто после очередного рейда в те края надо было сделать паузу, а потом езжай и тормози хоть всех подряд, кого-нибудь да точно выловишь — или мотоциклист без каски поедет, или кто за руль без прав сядет, ремнем не пристегнется, а то и вовсе «под градусом» окажется.

Вот и в эту субботу... Прямо с утра пораньше, не успел Фёдор вырулить на своей старенькой «Ниве» с просёлочной дороги на гравийку, ведущую от озера к деревне, как вот он — тут как тут! Выходит из-за кустов с палочкой своей наперевес. Федор и машины-то их с мигалками даже не заметил, умеют прятаться. Старшина, в годах уже, серьезный, представился, документы попросил, потом повел натренированным носом в сторону водителя.

— Белоус Федор Андреевич, — глянул он в права. — Федор Андреевич, выпивали сегодня?

Федор опустил глаза и, шмыгнув носом, отвернулся. Старшина кивнул своему напарнику, сидевшему за рулем вазовской «десятки» с буквами «ДПС» на бортах.

— Понятно... Федор Андреевич, выйдите, пожалуйста, из автомобиля, я вынужден отстранить вас от управления транспортным средством. Вы готовы в трубочку дыхнуть?

Федор дыхнул, трубочка позеленела.

— Согласны с показаниями прибора? — гаишник показал ему алкотестер.

Тот пожал плечами и пробурчал:

— Согласен.

Действительно, глупо отпираться, если в тебе плещется литр пива, выпитый буквально час назад в качестве опохмела после вчерашнего пол-литра водки. Вчера вечером они так душевно посидели с Иваном на берегу: ущицу сварганили на костерке, болтали до полночи, звездами любовались... И сейчас к состоянию Федора добавлялся ещё банальный недосып.

Дальше было всё как положено: сидевший в машине гаишник оформил необходимые в таких случаях бумаги, а старшина сел за руль «Нивы» и собрался гнать её на штрафстоянку.

— До деревни-то хоть подкинь, — хмуро попросил его Федор, заправляя в спортивные штаны старую, выцветшую футболку, — а то далёко пешкодралом топать.

— Садись, — великодушно кивнул тот на пассажирское сиденье рядом с собой.

Когда доехали до деревни, Федор жалобно посмотрел на гаишника:

— Слушай, командир, у меня же тут в машине рыба, лодка, удочки... Давай до дома доскочим, я хоть выкину это, а? Протухнет ведь за день. Жалко...

Гаишник покосился на своего пассажира, недовольно вздохнул, но всё же сказал:

— Ладно, говори куда ехать.

Выгрузив дома из «Нивы» всё, что можно, Федор опять скуксил жалобную мину и, почесав небритый подбородок, снова подступил к старшине:

— Слышь, ну раз уж всё равно возле дома, так, может, не гонять её на штрафняк, а? — он кивнул на машину. — В гараж загнать, да пусть и стоит.

Гаишник вытаращил глаза:

— А ты не обнаглел, случаем, а?! Федор Андреевич? — буквально заорал он. — Я тебе что — таксист, что ли? Или шофер твой персональный? До дома его довез, так ещё и машину ему в гараж загнать? А мне самому потом как — на автобусе добираться?! Ну ты даёшь!

Федор струхнул:

— Да я ничё, я так... Спросил только.

— Спросил он!.. — старшина снял фуражку и сердито похлопал по ней рукой, словно стряхивая пыль. — Как протрезвеешь, приедешь на штрафстоянку, заберешь свою «Ниву». До разбора можешь пока ездить с протоколом, а потом жди повестку, и уж как решат...

На непонятную суету у ворот и на громкий разговор из дома вышла жена Федора Светлана. Увидев человека в милицейской форме за рулем мужниного автомобиля, она сразу поняла, в чем дело.

— Допрыгался! — сузив глаза и уперев руки в бока, покачала она головой, после того как гаишник развернулся перед их воротами и уехал прочь. — Съездил на рыбалку!

Федор, не глядя на неё, виновато переступил с ноги на ногу.

— А этот где? — Светлана дернула рукой в сторону. — Дружок твой? Тоже заграбастали?

— Да нет... Он раньше уехал, проскочил, наверное... А может, через Сухой лог поехал, по полям. Ему раньше домой надо было...

— А ты какого черта там высиживал?! — распалялась жена.

Беспомощный и виноватый вид мужа придавал ей уверенности и силы.

— Так это... Клёв был, вот и...

— О-о-ой... Вы посмотрите на него! — Светлана всплеснула руками. — Рыбак выискался! Дурак ты, а не рыбак! Клёв у него был, да только мозгов не было!

— Ну чё орешь-то? — огрызнулся Федор, решив всё же защищаться. — И так на душе погано, ты ещё...

— Да ну?! Ах ты, бедненький... Так, может, пожалеть тебя, а? Приголубить? — криво ухмыльнулась жена. — Ну иди, обниму, поглажу... дубинушкой по головушке... Права-то отберут, так чего делать будешь?! Где работу новую возьмешь? — ударила она по самому больному месту.

Именно этот вопрос больше всего и мучил сейчас Федора. Уже пятнадцать лет он крутил баранку, будучи шофером сначала в совхозе, а последние годы у местного фермера, прибравшего к рукам и поля, и технику после того, как тот совхоз обанкротился. Привык Федор к работе своей, да больше душа у него ни к чему и не лежала. Впрочем, дело даже не в душе, а в том, что другой работы у них в деревне особо и не найти было. Ну и, как ни крути, а всегда иметь грузовик под рукой, это дело хорошее. Хоть и зорко следил фермер за своей техникой, но... В общем, не оставался Федор без левого заработка: то одному что-то привезет, то другому, бензин опять же... Да и сама зарплата была у него по деревенским меркам не плохой. Поэтому для Федора водительское удостоверение было не просто документом, это была, считай, вся его жизнь. И жизнь эта без водительских прав виделась ему крайне туманной и неопределенной.

Он сердито глянул на жену:

— Ну чего ты начинаешь? Сам не знаю, что ли?

Но Светлана вошла в раж и менять гнев на милость, похоже, не собиралась. Увидев это, муж махнул рукой и, повернувшись, пошел по улице прочь. Пошел к своему другу Ивану Комуткову, тому самому, о котором говорила жена, и с которым ездил на рыбалку.

Комутков, живший на соседней улице, был дома. Разложив во дворе резиновую лодку, он сушил её на солнышке, поднявшемся уже довольно высоко. Во дворе стоял его мотоцикл «Днепр» с коляской. Завидев Федора, Иван заулыбался:

— Ну как? Натаскал ещё?

Настроение у него было хорошее, так как он успел по приезду глотнуть пивка, а грядущий субботний день не сулил никаких хлопот.

Федор, не отвечая, хмуро вошел во двор, молча сел на крыльцо, достал из мятой пачки сигарету и закурил.

— Ты чего такой? — Иван присел рядом, с тревогой заглядывая другу в глаза. — Чё случилось-то, Федь?

— Чё-чё... — тот выпустил под ноги струю дыма. — Влетел я, Ваня, по полной, кажись...

— В смысле?

Белоус, не глядя на приятеля, сплюнул в сторону прилипшую к языку табачинку.

— Ты домой где ехал? По гравийке или через Сухой лог?

— По гравийке... Да чего стряслось-то?

— Ну и как? Никого там не было?

— Где? На гравийке, что ли? Никого... А кто там должен быть?

— Кто-кто... — Федор затянулся и снова пустил густую струю дыма. — Гаишники, вот кто...

— Чего? — нахмурился Комутков. — Какие ещё гаишники?

— А какие они бывают? Не видал, что ли? С палочками такими полосатыми...

— И чё? Сцапали?

— Сцапали...

Белоус сердито поднялся, прошелся по двору, пнул за чем-то колесо «Днепра» и энергично затушил сигарету, с силой вдавив её в консервную банку, лежавшую на крыльце. Снова присел.

— И чего щас? — Иван сочувственно посмотрел на друга.

— Чего-чего... Машину на штрафняк забрали, да это-то фиг с ним, после обеда съезжу, заберу. Прав же лишить могут! Чего я тогда делать буду? Работу новую искать?

— М-да уж... Делá... Как тебя угораздило-то? Чё, не увидел их загодя-то? Чтоб нырнуть куда с дороги?

— Ага, увидишь их! Они ж как партизаны прячутся. Выскочил один из кустов как черт из табакерки. Куда там денешься? Заднюю же прямо перед ним не врубишь. А от меня — как от пивной бочки... Да не-е... — Белоус вяло махнул рукой. — Там без вариантов было.

— М-да... — повторил Комутков. — Ну и чего сейчас делать собираешься?

— Да кто б мне сказал, чего делать... Хоть бы права вовсе не забрали. Уж штраф я бы любой заплатил, только бы не лишили. У тебя там никого знакомых, случаем, нету? В ГАИ этом? — Федор с надеждой глянул на приятеля.

— Откуда?.. — развел тот руками. — Были б, так сразу б сказал.

Какое-то время посидели молча. На крыльцо из дома вышла кошка, замурчав, стала тереться о ноги хозяина.

— Да подь ты... — отпихнул тот её. — Не до тебя сейчас.

— Где твоя-то? — задумчиво спросил Федор.

— Нинка-то? Да они с дочкой сегодня на первом автобусе к матери укатили, в Дмитриевку. Я ж тебе говорил вчера. Чего я раньше-то уехал, их застать надо было. На последнем вернуться должны, часам к восьми только.

— Мгм...

Иван вдруг резко пихнул друга в плечо:

— Слышь! А что, если к Лёхе подкатить, а? — посмотрел он на Федора, широко раскрыв глаза. — Он-то точно всех там знает. Может, подскажет чего или поможет как-нибудь...

— К какому Лёхе? — не понял Белоус.

— Ну к Горбылеву-то! К участковому!

Федор скептически скривил губы:

— Думаешь? Да он какой-то не такой стал как из города вернулся. Мутный какой-то...

— Да ну и чего? Всё равно ведь одноклассники! Куда он денется? Поди, подскажет как лучше-то...

Пожав плечами, Федор задумался. Все трое — он сам, Комутков и Горбылев — когда-то учились в одном классе в их сельской школе. Отучились вместе восемь лет. Друзьями особыми не были, но всё же: вместе и в футбол гоняли, и, бывало, с пацанами из других деревень из-за девчонок дрались, да мало ли чего за столько лет было...

После того как сын окончил восьмилетку, семейство Горбылевых перебралось на постоянное место жительства в областной центр, и Алексей из поля зрения одноклассников пропал. Но буквально пару лет назад, когда на заслуженный отдых вышел их деревенский участковый, на его место вдруг приехал тот самый Алексей. Оказалось, что в городе он окончил школу милиции, работал там тоже участковым, но всегда хотел

вернуться в родную деревню, где у него оставалась кое-какая родня. Поэтому Горбылев, как говорится, держал руку на пульсе, и когда местный участковый подал рапорт на пенсию, как-то там подсуетился, и его перевели в Ваганово.

Но при этом с бывшими одноклассниками он повел себя так, словно и не учился с ними вместе в одной школе. Конечно, с тех пор уже двадцать лет прошло, но всё же... Нос, впрочем, новый участковый ни от кого не воротил, здоровался, когда надо улыбался, но о каком-то особом отношении речь не шла, всё было сугубо официально и формально.

Федор задумчиво вздохнул:

— Ну не знаю... Как к нему с этим подойти-то вообще?

— Как-как... Молча! Не ударит же он тебя, ёлки-палки! Попытка не пытка, а под лежащий камень вода не течет, — вцепился в своё предложение Иван. — Тебе сейчас всё равно терять нечего, хоть к кому-нибудь сунуться. Ну пошлет подальше, да и фиг с ним, но хоть знать будем.

— Чего ты будешь знать?

— Ну чё ты к словам цепляешься? Давай, предлагай, тогда сам! Всё равно ведь других вариантов у тебя нету.

Федор снова вздохнул, вынул новую сигарету. Да, других вариантов у него не было. Иван услужливо зажег ему спичку.

— Ну давай попробуем. А когда? — шурясь от дыма, глянул на друга Федор.

Тот пожал плечами:

— Ну когда... По-хорошему, сегодня бы и надо. Сегодня суббота, он дома должен быть. Если завтра, то это уже воскресенье получается, а перед понедельником он пить точно не станет.

— Пить?

— Ну не пойдешь же ты к нему с пустыми руками, — развел руками Комутков. — Такие дела на сухую не делаются.

— Так он, я слышал, это дело не шибко-то уважает.

— Федь, ёлки-палки! Ну ты как вчера на свет народился! Уважает, не уважает... Ты, главное, с собой возьми, а там видно будет. Вот если ты с пустыми руками придешь и начнешь просить, помоги, мол, Лёха, а он скажет, добро, давай обсудим, а у тебя ничего с собой нету, это как будет? Не-е... не по-нашенски это.

— Да чего ты мне-то объясняешь? Я это и без тебя знаю... Я ж тебе конкретно про него толкую.

— Да какая разница! Ты, главное, бери, а там видать будет.

Федор задумчиво затыкнулся, стряхнул пепел в банку.

— Ты-то пойдешь со мной или мне одному?

Комутков пожал плечами:

— Как скажешь.

— Давай, это... вместе уж пойдем, а то я один с ним не того... Лучше уж, чтоб на троих. Так оно как-то сподручнее будет.

На том друзья и порешили. Договорились, что Федор зайдет за Иваном часов в шесть вечера, а тот за это время разведает, дома ли участковый и в каком настроении (Горбылев жил на одной улице с Комутковым, через пять дворов от него). А Федор пока немного отоспится и после обеда съездит на автобусе в райцентр, заберет свою «Ниву».

Оплатив штрафстоянку, Федор подъехал к районному супермаркету и задумался: «Может, всё же не с водкой к Горбылеву соваться, а чего-нибудь покрасивше взять?» Походив перед полками с алкоголем, решил купить три бутылки коньяка. По ноль-пять, естественно. Посчитал, что этого всяко-разно хватит. Конечно, коньяк можно было купить и в Ваганово, был он и в тамошнем магазине, но в деревне это точно вызвало бы ненужные подозрения, да и Светке доложили бы потом, а это Федору было вовсе ни к чему. В итоге он остановил выбор на самом недорогом напитке, но всё равно вышло чуть не в два раза дороже водки. «Да и черт с ним, лишь бы с правами помог», — Федор аккуратно сложил бутылки в багажник «Нивы» и поехал домой.

Добравшись до деревни, Белоус первым делом заехал к Комуткову — выгрузить коньяк.

— Ну как там Горбылев? — поинтересовался Федор. — Дома?

— Дома. Баню топят. Так что, думаю, мы с твоим коньячком как раз ко двору придемся, — Иван, усмехнувшись, потер ладони.

— Ну щас я тогда, машину поставлю и к тебе.

Дома Федор честно сказал Светлане, что хочет сходить к участковому с просьбой помочь с правами. Однако про коньяк не сказал ни слова, не зная как та на это отреагирует. Жена возражать не стала — пусть идет, договаривается, авось, да выйдет чего. Только, критически посмотрев на мужа, заставила его переодеться и побриться. Федор, дабы не усугублять отношения с супругой, спорить не стал и через полчаса, бритый и в свежей рубашке, заявился обратно к Ивану. Тот уже выкатил свой «Днепр» за ограду и поджидал друга.

— А зачем моцик вывел? — кивнул на мотоцикл Федор.

— Так на нём и поехали. Оно сподручней будет.

— Да тут идти-то... — Белоус махнул рукой в сторону дома участкового.

— Ага... Прямо с коньяком потащимся по улице, да? Чтоб все видели? А так — в люльку его бросили, там достали аккуратненько и всё.

Федор пожал плечами и спорить не стал. Предстоящий визит к бывшему однокласснику немного его волновал. Достав сигареты, он предложил посидеть на дорожку и перекурить это дело. Присели прямо на мотоцикл, молча выкурили по сигарете и поехали.

Горбылев, в майке и шортах, вышел на лай собаки из дома, открыл калитку и с удивлением посмотрел на незваных гостей. Он был чист, от него пахло березовым веником, а волосы были ещё мокрые.

— Здорово, Лёха! — Комутков, протягивая ладонь, вышел на передний план. — Мы это... Потолковать тут с тобой хотели.

— Здорово, — участковый пожал Федору руку, глянул на Ивана. — О чем потолковать? Что-то случилось?

— Да нет... — Комутков глянул на Белоуса. — Тут, просто, заморочка одна вышла. Думали, может, ты чего подскажешь по старой дружбе.

Участковый пожал плечами:

— Если смогу — подскажу. А чего стряслось-то?

— Да ничего серьезного, так... Слушай, может, во двор зайдем, а то на улице как-то несподручно.

— Ладно, пошли в летнюю кухню, там потолкуем, — Горбылев, прикрикнув на продолжавшую лаять собаку, пошел вперед. — Калитку только закрывайте.

Федор быстренько вытащил из коляски пакет с коньяком и, прикрыв калитку, побежал следом за Иваном, который шагал за участковым. Пришли в небольшую летнюю кухоньку, больше походившую на немного окультуренный сарай с печкой в углу.

— Садитесь, — Алексей показал рукой на стоявший у стены старый продавленный диван.

— Кхэ! — Комутков ухмыльнулся и глуповато подмигнул хозяину. — Или присаживайтесь?

Он почему-то немного занервничал, когда вошли к участковому во двор.

Горбылев с удивлением посмотрел на него:

— Ты «сидел», что ли?

Тот смутился:

— Да не, ты чё... Я так просто...

Следом вошел Федор и, брякнув бутылками, поставил пакет на пол возле небольшого стола, притулившись у окна напротив дивана. Достав одну бутылку, он нерешительно поставил её на стол. Алексей непонимающе свел брови:

— Это чего? Зачем?

— Лёх, ты это... Ты ничё такого не подумай, мы просто посоветоваться по одному вопросу хотели, — Белоус смущенно переступил с ноги на ногу.

— А без этого посоветоваться нельзя? — Горбылев кивнул на бутылку.

— Да ну чё мы, не мужики, что ли? — Комутков сел не на диван, а к столу. — Да и не чужие совсем-то... Всё ж таки одноклассники. Что ни говори, а восемь лет вместе. Как говорится, от звонка до звонка...

Участковый опять пристально посмотрел на него. Тот, поняв, что его снова понесло не в ту сторону, замялся, достал сигареты и стал смотреть по сторонам.

— Ну так чего? — Федор немного заискивающе глянул на Алексея. — Посидим малёха, а? Завтра воскресенье...

Может, золотые звездочки на коньячной этикетке сыграли свою роль, может, что другое, но, вздохнув, Горбылев пододвинул к столу ещё два стула:

— Ладно... Сейчас принесу чего-нибудь закусить.

Он вернулся через пять минут, держа в руках три граненые рюмки, три стакана и большую тарелку с пирогами. Следом шла его жена, которая несла вилки, полную сковородку жареной картошки и двухлитровую банку кваса — запивать. Поздоровавшись с гостями, она поставила картошку с квасом на стол, искоса глянула на бутылку, которую Иван успел открыть, и удалилась.

Примерно через полтора часа все трое сидели, близко наклонив друг к другу головы. Две бутылки лежали пустыми на полу, третья, наполовину полная, стояла на столе.

— Лёх, слышь... Лёх... — Иван пихал Горбылева плечом. — Ну вот пожил ты там в городе этом, в милиции своей работал, а ведь всё равно сюда вернулся... Родина-то она и есть родина. Тянет же, да?

— Эх, Ваня... Так, кабы не тянуло, так и не вернулся бы, — согласно кивал участковый, положив руку Комуткову на плечо. — Там оно, конечно, жизнь побогаче будет, может и поинтересней в чем-то, но знаете, мужики, — суета эта так надоела, что хоть волком вой. Туда-сюда, туда-сюда... Да и начальство это... Достали уже. И так — с утра до вечера. А у нас... Утром выйдешь — туман, петухи орут, коровы мычат... — он протяжно вздохнул. — Хорошо... Начальство далеко, сам себе хозяин. А там — машины без конца гудят, народ куда-то бежит вечно... Ни тишины, ни покоя тебе.

— Во-во... А многие-то не понимают, наоборот, в города эти прутся как не знаю кто, — поддакнул Белоус.

— Федь, дружище, так тут, видишь, в чем дело... — стал объяснять Горбылев. — Работы в деревне нет ни фига, вот и уезжают — это раз... — он начал загибать пальцы.

— Да ну брось, Лёх... — Комутков поморщился и отодвинул в сторону руку участкового с загнутым пальцем. — Ерунда это всё! Была бы башка на плечах, а деньгу зашибить везде можно. Так что, не в этом дело, а вообще... Понимаешь? У нас же тут всё: и природа, и рыбалка, и грибов навалом... А всё

равно из класса половина, считай, уехала, если не больше. Предатели. А ты вот взял, и вернулся! — Иван хлопнул Алексея по плечу. — Молодец! Мужик!

Он взял бутылку, разлил по рюмкам, ковырнул вилкой в пустой сковородке и повел глазами по сторонам в поисках, чем бы закусить. Горбылев тоже осмотрелся и тяжело поднялся со стула.

— Ща, мужики, ещё чё-нить принесу, — нетвердой походкой он пошел в дом.

Федор взял сигарету и закурил.

— Ну вот видишь! — Иван решительно мотнул головой. — А ты идти к Лёхе боялся! Я ж тебе говорил, что он мужик. Куда он на фиг денется, в одном классе же...

— М-да-а... — неопределенно протянул Белоус, глядя в окно на грядки с клубникой. — Мужик...

— Ну вот! Так что, считай, права твои у тебя уже в кармане.

Вернулся Горбылев с тарелкой нарезанного сыра, колбасы и с батоном хлеба.

— Кто в кармане? — переспросил он, услышав последнюю фразу.

— Да я Федьке говорю, права его, считай, у него в кармане.

Участковый, садясь на свое место, согласно махнул головой:

— Разберемся, Федь, не бойсь! Я ж тебе сказал уже... Надо было сразу ко мне и всё! Вот как в деревню приехал с этим — кто он там, говоришь, старшина? — так сразу напрямик ко мне и всё! Так, мол, и так, Лёха, выручай, такая ерунда приключилась, права забрали, а я бы уж порешал. И машину твою на штрафстоянку никто бы не забрал.

— Да это-то ладно, — махнул рукой растроганный Федор.

— Ничё не «ладно», Федь! Не «ладно»! — участковый упрямо замотал головой.

— Ладно, Лёх, ладно... Главное — права! Слышь, это... Мужики, а давайте за нас за троих выпьем, а? За настоящих пацанов, а? — он поднял рюмку и обвел всех тяжелыми глазами. — Вань... Давайте, мужики!

— За пацанов! — громко крикнул Алексей.

Все трое стукнулись рюмками, выпили.

— Кхэх! Вот так вот! — стукнул кулаком по столу Иван.

— Тихо, тихо... Не шуми, Вань, не надо... Мы люди культурные, ведем себя в гостях прилично, — Белоус ласково улыбнулся и потрепал Комуткова по волосам, потом взял кусочек колбасы и подал ему. — На вот, закуси, лучше... Кушай, Вань...

— Кстати, — Горбылев поднял указательный палец, — тебе, Федь, считай, ещё повезло.

— Почему?

— А потому, что сейчас закон новый принимают, так там за управление в нетрезвом виде будет вообще без вариантов — только лишение. Понял? Нам на совещании рассказывали. И никаких штрафов! Плюс еще могут штраф припаять, а так, чтоб без лишения, один только штраф — накося выкуси, — участковый показал Белоусу кукиш. — Вот такие пироги... Но я сделаю, Лёх, ты не волнуйся. Сделаем, чтоб всё чики-пуки было... Понимаешь, если б ты сразу ко мне заехал, так я бы тебя и совсем отмазал, а сейчас уже поздно. Придется тебе штраф всё же заплатить, дружище... Там уже всё оформлено, занесено куда надо, зарегисри.. зарестри.. тьфу, ну это... в журнале, короче...

— Да, Лёх, да ладно ты... Я ж говорю, деньги — ерунда, заплачу я, сколько им там надо. Чё я, не заработаю, что ли?

Когда последняя бутылка переключивалась под стол к трем предыдущим, гости стали собираться уходить.

— Ладно, Лёх, спасибо тебе за угощение, — Иван, покачиваясь, поднялся из-за стола. — Поедем мы... Пора...

— Мужики, всё нормально... Молодцы, что зашли, — Горбылев пьяно и широко улыбался, переводя взгляд с одного на другого. — Эх, было времечко... А помните, как физичка-то наша... эта... как её...

— Римма Борисна? — подсказал Федор.

— Не-е-е... — поморщился Алексей. — Римма Борисовна это математичка была, а физичка... ёлки-палки... забыл...

— Да фиг с ней, Лёх. Ты ж участковый, в понедельник вызовешь её к себе и скажешь ей всё, что думаешь, — решительно махнул рукой Комутков.

— А и правда! — ощерился тот. — Вызову её к этой, как её... к доске...

Все трое захохотали. Федор даже повалился на диван, так ему вдруг стало смешно от шутки Горбылева. Наконец, просмеявшись и отдышавшись, вышли на свежий воздух. В летней кухне дверь всё время была открыта, однако всё равно накурили там так, что хоть топор вешай.

— Фу-у-у, — облегченно вздохнул Иван, расправляя плечи. — Хорошо-то как! — он повернулся к участковому. — Лёх, ну скажи... разве в городе так бывает, а? Ведь там же газ сплошной, выхлопы эти, дрянь всякая... А у нас тут... — Комутков жадно втянул носом воздух, зажмурился. — Лепота... Навозом тянет... Вот не знаю, кому как, а мне нравится... навозом-то когда... Это же... Эх, ёлки-палки! — он помотал головой.

— Да ну... Ваня, друг, о чем ты говоришь... — Алексей обнял Ивана за плечи, и они пошли к калитке. Федор шагал следом.

Было ещё довольно светло, как раз стояли самые длинные дни в году. Все трое вышли за ограду. Иван нетвердой походкой подошел к мотоциклу, вставил ключ в замок зажигания и, тяжело вздохнув, залез на сиденье. Федор, откинув дерматиновую накидку, неловко уселся в коляску.

— Так вы это... На моцике, что ли? — Горбылев кивнул на «Днепр».

— Ну да... А ты чё, забыл уже? — Иван похлопал ладошкой по бензобаку. — Конь мой... Мы ж на нем и прыскакали.

— Да-да, точно... Вы это, мужики... погодите-ка... Я щас, — и, развернувшись, участковый быстро ушел в дом.

— Куда это он? — посмотрел вслед ему Белоус.

Комутков пожал плечами:

— Я почему знаю... Может, «на посошок» принести хочет. Так-то только наше ведь сегодня пили. Он-то сам ни пузыря не поставил.

— Ну так мы ж не просто в гости к нему пришли, а с правами моими вопрос порешать. Забыл, что ли?

— Ну да, ну да... — Иван тряхнул головой. — Бр-р-р... Нинка, поди, уж приехала. Разорется щас...

Прошло пять минут.

— Да ладно, поехали, — Федор махнул рукой. — Он там, может, спать уже завалился.

— Да ну нет... — возразил Иван. — Попросил же подождать. Представь, он выйдет, а мы уехали. Обидится...

Через минуту Горбылев вернулся. На нем был китель с капитанскими погонами, голубая незастегнутая рубашка с галстуком и милицейские брюки. На ногах резиновые галоши, а на голове — фуражка. Подойдя на нетвердых ногах к Ивану, он проверил как на нем сидит головной убор, широко расставил ноги и, пошатнувшись, посмотрел мутными глазами.

— Ваши документы, пожалуйста, — буркнул участковый.

— Чё? — не понял Комутков.

— Я говорю, предъявите документы. Водительское удостоверение и свизе... свизетель... — сделав паузу, Горбылев собрался с духом и медленно выговорил: — сви-детель-ство о регистрации транспортного средства.

— Лёх, ты чё, — привстал в коляске Федор, — с дуба рухнул? — он ничего не понимал.

— Да не, Федя, он не с дуба рухнул, он, похоже, перепил или дома ещё чего-нибудь хряпнул, — Иван, прищурившись, смотрел на участкового.

— Та-а-ак... — протянул тот, наклонив голову на бок. — А вот это уже оскорбление представителя власти при исполнении. Статья триста девятнадцать у-ка эр-эф...

— Слышь, ты... представитель власти... — Иван слез с мотоцикла. — Сёдня суббота, нерабочий день. Понял? Какие обязанности? Да и ты пьяный в зюю...

Горбылев упрямо помотал головой:

— А это не важно! У участкового ненорми... ненамрирован... ик! — совсем не к месту он вдруг громко икнул. — Извиняюсь... В общем, участковый всегда на работе, ясно вам? Круглые сутки, — он как мог серьезно посмотрел на Комуткова, потом на Белоуса.

— Погоди, а чё мы сделали-то такого, а? — Федор совсем вылез из коляски. — Чё ты у нас документы-то требуешь?

— Что сделали? Управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Понятно? Статья

двенадцать-восемь административного кодекса эр-эф. Поэтому документики ваши предъявите, будьте любезны...

— Да тут ехать сто метров! — закричал Иван. — Вон мой дом!

— Да хоть метр, — возразил участковый. — Это без разницы, понятно?

Комутков только открыл рот, собравшись снова что-то ответить, но тут подскочил Белоус:

— Вань, погодь! Стой! Молчи!! Я знаю, чего ему сказать. — он выдавил ехидную улыбку, прямо посмотрел в глаза участковому и медленно, с расстановкой, произнес: — А мы куда не едем и ничем не управляем. Ясно тебе, участковый ненормированный? Мы просто сели на моцик по-си-деть... Вот так вот! Понял? Воздухом мы тут дышим...

— Н-да? — Горбылев снова пошатнулся и прищурился. Было видно, что он не знает как отреагировать на это заявление. — Хорошо...

И вдруг, быстро выдернув из замка зажигания ключ, он сунул его в карман кителя.

— Э-э! Ты чё творишь? Ключ отдай, — протянул руку Иван.

— Не отдам! — твердо сказал Алексей.

— Это почему ещё?

— Потому что это — профилактика. Понятно? Правонарушений... Я тебе его щас отдам, а ты сядешь и поедешь. Пьяный...

— Ну-ну... Вржжина... — Иван со злостью посмотрел на Горбылева и, взявшись за мотоцикл, попросил Белоуса: — Федь, подмогни.

Тот уперся в коляску, и они, развернув тяжелый «Днепр», потолкали его вдоль улицы. Отойдя метров на десять, Комутков остановился и оглянулся на участкового, который по-прежнему стоял у своей калитки и молча глядел им вслед.

— Друг, называется... — криво ухмыльнулся он. — Гад ты, а не друг, вот ты кто... А ещё говорил...

— Да ну его, Вань! Брось... Плюнуть да растереть... — Белоус махнул рукой, и они потолкали мотоцикл дальше.

Через три недели Федор получил повестку в суд. Прав его не лишили, но участковый тут был не при чем. Просто посмотрели, что нарушений у него за последние пять лет больше никаких не было, и, учитывая чистосердечное раскаяние и обещание впредь так не поступать, выписали штраф. По минимуму. А водительское удостоверение вернули на следующий же день.

Что касается Горбылева, то ни Белоус, ни Комутков с тех пор с ним не разговаривают и даже не здороваются. Участковый тоже старается обходить их стороной.

Пожар

В среду с утра Сашка пошел к своей бабушке. Всего десять дней назад закончился учебный год, четвертый в его жизни. Сейчас он в основном проводил время или у себя дома, или, когда родители были на работе, у бабы Фроси, чей дом стоял на крайней улице в деревне.

— Санёк, привет! — выглянув из-за забора, крикнула ему Маринка, Сашкина одноклассница, жившая с родителями по соседству с его бабушкой. — Ты к бабе Фросе?

— Ну не к тебе же, — усмехнулся Сашка.

— Фу ты, ну ты... — прищурилась девочка. — Чё делать-то собираешься? Ты уже начал что-нибудь читать, что на каникулы задали?

Сашка удивленно посмотрел на Маринку:

— Ты чего, сбрендила? И так уроки только закончились.

— А я уже «Робинзона Крузо» читаю.

— Вот делать-то нечего, — усмехнулся Сашка и покачал головой, словно услышал явную глупость. Потом, хитро глянув на Маринку, он предложил: — А хочешь, научу тебя на облака смотреть?

— Как это? — удивилась та и задрала голову к небу. — Чего на них смотреть-то?

— Ну, не так смотреть, конечно, а по-другому.

— Это как ещё?

— Пошли, научу.

Маринка вышла за ворота и подбежала к Сашке. Мальчик сначала зашел к бабе Фросе и сказался, что он пришел. Потом они вместе с Маринкой пошли за огороды, где росла невысокая и мягкая кудрявая травка с мелкими желтыми цветочками.

— Вот смотри, — сказал Сашка, ложась спиной прямо на траву. — Сначала надо лечь, а потом приставить ладошки к лицу так, чтобы закрыть всё, что по бокам. Понятно? Чтобы видно было только небо и облака, а деревья, дома, то есть всё, что на земле находится, чтобы не было видно.

— И чего будет? — недоверчиво спросила Маринка.

— А будет совсем по-другому. Тогда можно вообще потеряться.

— Как это «потеряться»? — не поняла девочка.

— Ну... перепутать, где что находится. Да ты сама попробуй и узнаешь.

Маринка легла на траву рядом с Сашкой и, сложив ладошки кольцом, приставила их к лицу вокруг глаз. Погода была хорошей, почти безветренной, и облака по небу плыли нехотя, как бы никуда не торопясь.

— Ну и чего? — буркнула Маринка. — Облака как облака, плывут себе и всё.

— Да погоди ты... Посмотри подольше.

Через некоторое время девочка вдруг закрычала:

— Ой, мамочки! — она попыталась вскочить на ноги, но её повело в сторону, и Маринка плюхнулась задом на траву.

Взявшись одной рукой за голову, а другой опираясь на землю, она ошалело посмотрела на Сашку слегка покачиваясь из стороны в сторону:

— Да ну тебя, дурак! Голова же кружится, — и Маринка скривила лицо.

Сашка посмотрел на неё и засмеялся:

— Ну классно ведь! Тут просто привыкнуть надо.

— Ага, классно... — недовольным тоном пробормотала девочка, постепенно приходя в себя. — Только предупреждать нужно.

Она встала и уже вполне твердой походкой пошла к своему дому.

— Марин, ты чего? — сев, крикнул Сашка.

— Ничего, — угрюмо буркнула та и скрылась за забором.

Может, ей стало неприятно, что Сашка увидел её в не очень приглядном виде, когда она как пьяная, бухнулась задом на землю? «Ладно, — подумал он, — через час отойдёт и сама прибежит как ни в чем не бывало». Он опять лёг на траву, сложил ладони в кольцо и стал смотреть на небо.

Но Маринка прибежала раньше. И не «как ни в чем не бывало», а совсем по другому поводу. Буквально через пять минут он услышал какой-то страшный и отчаянный её крик: «Сашка-а-а!! Скорей!!» — после чего увидел её саму, выбегающую с дикими глазами из-за забора и размахивающую руками.

Ничего не понимая, мальчик вскочил на ноги:

— Ты чего орёшь как ненормальная? Чего стряслось-то?

— Гори-им!!! — истошно завизжала Маринка, схватившись двумя руками за голову.

Не спрашивая больше ни слова, Сашка сломя голову кинулся к соседскому дому. Судя по тому, как орала Маринка, он ожидал увидеть его объатым пламенем по самую крышу, но слава богу ничего такого не было.

Вбежав во двор, он заметил столб дыма, поднимающийся со стороны стайки, которая была позади избы. Обежав дом, он увидел тетю Олю, Маринкину мать, которая, беспрестанно причитая: «Ой, батюшки... Как же так-то...», пыталась какой-то тряпкой затушить горевшую дверь стайки.

Как выяснилось позже, она, пока муж был на работе, решила паяльной лампой опалить курицу, но, видимо, не смогла правильно настроить пламя. Может, перекачала бензина или ещё что-то сделала не так, но огонь в какой-то момент вдруг сильно полыхнул и попал на дверь стайки, которая тут же и загорелась. Хорошо ещё, что она была не очень сухой: Маринкин отец сделал её недавно из свежих досок, и древесина не успела как следует высохнуть.

Тетя Оля не придумала ничего лучше, как схватить старую мужнину куртку и сбивать пламя ею. Только вот было не понятно то ли она этим тушила огонь, то ли, наоборот, раздувала его, потому как после каждого её удара затихнувшее на мгновение пламя вспыхивало с новой силой.

Куры сбились в дальний угол двора, а ходивший возле них петух тревожно кудахтал и испуганно вертел во все стороны головой.

Сашка, быстро оценив обстановку, сообразил, что помочь тут сможет только вода, но вот есть ли она где-то поблизости, он не знал. Через секунду, молча схватив висевшее на штaketнике ведро, мальчик кинулся к калитке и побежал к колодцу.

Всё бы ничего, да вся закавыка была в том, что раньше он сам никогда ещё воду из этого колодца не набирал. Колодцем здесь был большой журавель, стоявший метрах в тридцати от домов в низинке, там, где начиналось небольшое болотце.

Он, конечно, и раньше таскал отсюда воду, но ходили к колодцу они всегда вместе с бабой Фросей. Она доставала полное ведро, разливала его по ведрам поменьше, и Сашка таскил их в дом. Ему самому доставать воду бабушка не доверяла, боясь, что по малолетству он может не справиться с тяжелым ведром, и не дай бог бултыхнется вниз. А там и греха не оберёшься — утонет малец, а ей отвечать потом перед родителями.

Но сейчас был не тот случай, чтобы раздумывать, справится он с журавлем или нет. Сашка опрометью бежал к колодцу, а в его голове вертелось лишь одно — он должен достать воду во что бы то ни стало!

Поставив ведро на лавочку возле колодезного сруба, мальчик с трудом отодвинул с него тяжеленную крышку. Схватив длинную жердь, на которой было закреплено колодезное ведро, Сашка начал опускать её вниз, стараясь сильно не перевешиваться через край сруба. Сердце его при этом бешено колотилось, и он время от времени судорожно сглатывал, облизывая вдруг пересохшие губы.

Услышав, как где-то внизу в темноте ведро плесканулось о воду, он зачерпнул им поглубже и стал тянуть жердь обратно. Но самым трудным оказалось вытащить полное ведро из колодца и перелить воду в своё ведро. Гоня прочь сомнения и страхи, Сашка, поднатужившись, справился и с этим. Чтобы не тратить драгоценное время, крышку сруба он пока закрывать не стал, а, схватив тяжелую ношу и изогнувшись дугой, сразу же засеменял обратно.

Тетя Оля по-прежнему скакала возле горевшей двери, хлеща по ней курткой, но пламя не унималось. Еще каких-нибудь пару-тройку минут, и оно точно перекинется на крышу стайки, а там и до дома рукой подать. Маринка скакала тут же, бестолково размахивая руками и не понимая, что ей делать, куда бежать и кого ещё звать на помощь.

Сашка, скривив от напряжения рот, подбежал сзади.

— Отходи! — истошно заорал он во весь голос и, не останавливаясь, с хода, чтобы придать себе дополнительную силу, плесканул водой на дверь.

Та противно зашипела, пустила в небо клуб густого пара и сразу же успокоилась. Вода попала в самый очаг. По краям ещё плясали небольшие язычки пламени, но это уже было не страшно. Черная мокрая дверь парила, и с неё на землю стекала вода.

Тетя Оля испуганно отпрянула назад.

— Х-хосподи... — устало выдохнув, она села на деревянный чурбак и глянула на мальчика. — Ох, Санька, это ты... Ну, спаситель... Кто ж тебя надомил-то? — и она, опустив голову на грязные руки, тихонько заплакала.

— Кто-кто... — тихо пробормотал Сашка, топчась с пустым ведром возле двери. — Никто...

Взяв тряпку, он до конца затушил остатки огня и отошел к забору.

— Слушай, какой ты молодец, — переставшая прыгать Маринка подошла к нему. Она с неподдельным интересом заглядывала Сашке прямо в глаза.

— Да погоди ты... — несколько грубовато сказал он ей, и, повернувшись, побрел обратно к колодцу.

Подвинув крышку на место, Сашка присел на лавочку у колодезного сруба и вдруг почувствовал, как внутри у него тихонько трясутся от напряжения поджилки. У него не было ощущения, что он сделал что-то особенное или героическое, он лишь испытывал радость вперемешку с гордостью от того, что впервые в жизни сам достал полное ведро воды из журавля. Сам! И не бултыхнулся в него.

Он ощущал это как переход на некую более взрослую ступень в своей жизни. Словно бы он сдал ещё один важный экзамен. Точно так было, когда он сам, без поддержки отца,

научился ездить на велосипеде, или когда два года назад научился плавать... Хотя, может, тут дело было вовсе и не в колодце, а в чем-то другом, чего он пока ещё не понимал.

Ближе к вечеру баба Фрося сказала:

— Надо бы воды в бочку сегодня натаскать, а то завтра с утра грядки поливать нечем будет.

Чуть помедлив, Сашка ответил:

— Ба, ты сиди, я сам натаскаю.

— Как это сам? — удивилась та. — А воду кто доставать будет?

— Я, — мальчик небрежно повел плечом. — Я уже доставал.

— Когда это? — удивленно подняла брови баба Фрося.

— Сегодня.

И Сашка вкратце, не вдаваясь в подробности, пересказал ей всю историю. Просто сказал, что так вот вышло, и некогда было долго раздумывать.

— Ну гляди, как знаешь... — пожала плечами бабушка. — Так, а мне-то чего, просто так сидеть, что ли? Нет уж, давай вместе...

— Смотри сама, — улыбнулся Сашка. — Только, давай, воду я доставать буду...

Знакомство по объявлению

На холодильнике стоял небольшой магнитофон, из колонок которого негромко звучал последний концерт «ДДТ». В окно, словно пытаясь пробить стекло, остервенело билась большая черная муха. Там, на улице, ярко светило солнце, а в открытую форточку доносились крики мальчишек, гонявших во дворе мяч.

Андрей сидел на табурете, облокотившись на кухонный стол, напротив него сидел его давнишний друг Роман. На столе, на расстеленной газете, лежала горка вяленой рыбьей мелочи,

стояла начатая полторалитровая бутылка пива и две больших стеклянных кружки с янтарным пузырящимся напитком. Больше дома никого не было, родители Андрея с утра уехали на дачу, сказав, что вернутся лишь завтра, то есть в воскресенье, вечером.

— Чего делать-то дальше будешь? — Роман отхлебнул пива и взял очередного окунька.

Андрей неопределенно пожал плечами:

— Не знаю. Разводиться, наверное, будем. Знаешь, Ромыч, если честно, то надоело уже...

— Ирка-то сама молчит?

— Молчит... Да и фиг с ней! Не знаю, поторопился я, наверное, в своё время с женьбой этой. Ведь сразу после армии, можно сказать, на первой встречной и женился. Поманила, а я и уши развесил.

Андрей жил у родителей уже третий месяц. В конце апреля после очередной ссоры с женой он побросал в сумку кое-какую одежду, бритву и, громыхнув напоследок железной дверью, ушел из съемной восемнадцатиметровой «гостинки»¹, в которой они жили с Ириной последние два года. Примерно через неделю он ещё раз приходил туда, чтобы забрать оставшиеся вещи. Ирина была дома, но никаких попыток примириться с мужем не делала: молча сидела на диване перед включенным телевизором и листала последний номер журнала «Бурда-моден». Андрей тоже был демонстративно холоден и всячески выказывал полное безразличие к супруге. Он не торопясь уложил в дорожную сумку немногочисленные свои рубашки, брюки, футболки, взял несколько магнитофонных и видеокассет, сложил в отдельный пакет обувь и ушел. С тех пор, уже месяца полтора, они не виделись.

— Сколько вы, четыре года прожили? — спросил Роман, с аппетитом отрывая зубами кусочек рыбы.

Андрей допил пиво из кружки, вытер рукой губы, взялся за бутылку — налить по новой — и кивнул:

— В августе четыре будет, — он криво усмехнулся: — Ну или не будет... Да ты понимаешь, ладно бы первый раз мы с ней так, а то ведь стабильно раз в месяц лаяться стали. Достала

¹ «Гостинка» — комната гостиничного типа

уже... То ей денег мало, то шмоток не хватает, то жить негде... Да чего я тебе рассказываю, сам знаешь...

Роман кивнул: он, конечно же, был в курсе всех семейных неурядиц своего товарища.

— Да-а... — протянул Андрей, досадливо поморщившись. — Всё равно толку уже не будет, точно разводиться надо.

На этот раз плечами пожал Роман. Он был холостой, и своего опыта супружеской жизни не имел.

— Смотри сам. Ладно, хоть детей у вас нет, алименты платить не надо будет.

— Это точно, — согласился Андрей, — хорошо, хоть детей нет.

Он снова отхлебнул пива и, вздохнув, откинулся спиной на стену.

— Рыбка классная у тебя получилась, — похвалил Роман закуску, беря чебака. — Самое то к пиву. Долго солил?

— Да солил-то недолго. Чего там — солью пересыпал, денек полежали, а потом на балкон, под марлю. Мать только ругается, говорит, рыбой воняет, зато батя доволен, — Андрей усмехнулся. — Надо будет ещё сгонять на озёра, потаскать чебачков.

Когда бутылка закончилась, он убрал её под стол и достал из холодильника новую, быстро покрывшуюся в тепле капельками влаги. Аккуратно, наклонив на бок и постепенно выпуская газ, отвинтил пробку и разлил пенящийся напиток в кружки:

— Давай, Ромыч, за нас. Чтоб у нас с тобой всё зашибись было.

Стукнувшись кружками, друзья сделали по большому глотку, после чего Андрей встал, взял полотенце и, подойдя к окну, хлестанул по надоевшей мухе.

— Достала уже... — недовольным тоном пробурчал он. Подобрал убитую муху, выкинул её в форточку и снова сел за стол.

Какое-то время молчали, сосредоточенно разделявая рыбешек и с удовольствием отрывая зубами суховатые соленые кусочки.

— А вот знаешь, хоть и ругались мы с Иркой, конечно, — поднял глаза на приятеля Андрей, — а всё равно неприятно

как-то... Скребет чего-то там. В душе... Не один год всё-таки вместе прожили.

— Да? — глянул на него Роман. — Ну так, может, и не разводиться пока? Может, помиритесь ещё?

— Не-е... — поморщился Андрей. — Тут уже всё, ну его в баню...

— Ну тогда найди себе кого-нибудь, — посоветовал Роман. — Чтоб не скребло. Говорят же, клин клином вышибают.

— Ага... Найди... Легко сказать. Найдешь, а там, может, ещё хуже будет. Знаешь, оно как-то не охота на те же грабли наступать.

— Так ты и не наступай. Я же тебя не в ЗАГС агитирую. Я говорю, так — познакомиться просто, чтоб развеяться. А хочешь, я Светку спрошу, может, у неё на работе девчонка какая-нибудь нормальная есть?

Светка была подругой Романа, с которой он дружил уже пару лет, но оформлять отношения не торопился. Работала она поваром в заводской столовой.

— Да сто пудов, кто-нибудь есть! Давай, я хоть сейчас ей звякну.

— Не, не надо... — с сомнением мотнул головой Андрей.

— А чего? Я ж говорю, жениться тебя никто не заставляет, а так — сходили бы куда-нибудь вчетвером, в кафешку какую-нибудь. Побалдеть, потанцевать...

Андрей скептически скривил губы:

— Да не, Ромыч... Понимаешь, просто не хочется через Светку твою. Вдруг, чего не так пойдет... Знаешь, будут потом трепаться, кости перемывать...

— А-а... Ну, как знаешь... Может, ты и прав.

Роман сдвинул в сторону лежавшую перед ним довольно уже большую горку того, что осталось от съеденных рыбешек. Всмотрелся в открывшуюся газету.

— Во! — широко улыбнулся он. — А давай тебе через газету кого-нибудь найдем!

На том месте, где только что лежали рыбы головы, хребты и чешуя, под заголовком «Знакомства», в несколько колонок были напечатаны соответствующие объявления.

— Да ну... Смеешься? — усмехнулся в ответ Андрей. — Чего я, совсем убогий, что ли?

— А что там, одни убогие, по-твоему?

— Ну а кто ещё? Кто так себе никого найти не может, вот и дают объявления, а другие пишут им.

— Не знаю... Всякие, наверное, бывают. Я слышал, им там пачками письма шлют, а они потом сидят и выбирают, кто получше, — Роман наклонил голову к газете. — Во, смотри: «Двадцать шесть лет, рост сто семьдесят три сэ-мэ, шатенка, материально самостоятельная. Познакомлюсь с мужчиной двадцать семь тире тридцать пять лет...» Так, ну тут ты не подходишь, тебе же двадцать пять пока?

— Ну да... И про рост, главное, пишет, а про вес нет. А то, может, там тоже сто семьдесят три... Только килó...

Парни захохотали.

— Смотри, вот ещё... — Роман, отставив кружку с пивом в сторону, водил пальцем по газете.

— Да ладно ты, Ромыч, хорош ерундой маяться! Пиво лучше пей.

— Ничё не ерундой! Сейчас найдем тебе подругу жизни, а пиво никуда не денется, — того, похоже, и впрямь заинтересовали объявления. — Вот, слушай: «Девушка, двадцать пять лет, желает встретить друга жизни». Гм... и всё, ни слова больше. «Абонент сто семнадцать». А цвет волос, рост, вес? Всё при личной встрече? Или вот ещё смотри: «Интересная женщина, блондинка, двадцать шесть лет, хочет познакомиться с интеллигентным мужчиной...», — он поднял глаза на Андрея. — Дюша, ты же интеллигентный?

— А то! — усмехнулся тот.

— Во-от, и я говорю... Значит, подходишь, — Роман снова опустил глаза в газету. — «...материально самостоятельным, ростом не ниже ста семидесяти пяти сэ-мэ. Была замужем, имею сына трех лет».

— Не-не-не... — замотал головой Андрей. — Ты чего, смерти моей желаешь?

— Да ладно, ладно... Вычеркиваем! Главное, в самом конце про это пишет. А то сначала — блондинка, туда-сюда... Так, дальше поехали: «Мне двадцать восемь, вэ-о¹!...».

— Не, — сразу перебил Андрей, — с «вэ-о» тоже не надо. У меня-то «вэ-о» нет, будет смотреть сверху вниз, типа, самая умная.

— Ладно, с «вэ-о» тоже пропускаем. Вот, слушай! «Средне-специальное медицинское, рост сто шестьдесят шесть, двадцать четыре года, без вэ-пэ...».

— Без какого ещё «вэ-пэ»? — не понял Андрей.

— Не какого, а каких — без вредных привычек...

— А-а... понятно...

— «Познакомлюсь с мужчиной близкого возраста для серьезных отношений. Абонент номер сто шесть». А? Как тебе? Средне-специальное медицинское, это медсестра, что ли?

Андрей отхлебнул пива:

— Не знаю, наверно.

— Ну вот... Своя врачиха дома будет.

— Не врачиха, а медсестра.

— Да какая разница? Главное — медичка, вылечит, если что...

— Ага... Поди, страшила какая-нибудь.

— Да почему?! — поднял брови Роман.

— Ромыч, ну ты сам подумай, какая девчонка в двадцать четыре года, да ещё и медсестра, будет объяву в газету о знакомстве подавать? Наверняка, на которую никто и не посмотрит.

— Ну, не знаю... Может, сильно скромная какая-нибудь. Всякие бывают.

— Да ладно, фиг с ними! — Андрей снова разлил пиво по кружкам. — Давай, лучше, о чем-нибудь другом поговорим...

— Может, покурим пойдем? — предложил Роман.

— Пошли покурим...

Часа через два Роман ушел. Андрей отдал ему три пустых «полторашки» из-под пива с просьбой выбросить их в мусорку на улице. Когда стал заворачивать в газету рыбы остатки, чтоб убрать их в мусорное ведро, вдруг остановился. Сдвинув кости

¹ Сокращение «в/о» — высшее образование

и чешую в сторону, нашел глазами нужное объявление и прочитал вслух:

— Абонент номер сто шесть.

«А может, и вправду, попробовать написать? — мелькнула мысль. — Так-то, вроде, нормально всё: рост сто шестьдесят шесть, двадцать четыре года. Чем черт не шутит? Вышибить клин клином». Впрочем, писать было не обязательно, издание было местное, можно было просто зайти в редакцию. Завернув угол газеты, он прочитал на последней странице адрес, глянул на номер. Подумал: «Нет, лучше записать, а то забуду». Выйдя в коридор, взял лежавшую у телефона ручку и написал на листке бумаге: «Абонент 106, «Панорама» №25 от 16.06.93г».

В редакцию газеты «Панорама» Андрей зашел уже в понедельник, убежав с работы в обеденный перерыв. Спросив у вахтера, где находится нужный ему кабинет, он поднялся на третий этаж, подошел к двери и, вдруг заволновавшись, остановился. «Как там сказать-то правильно?» — сдвинул он брови, взявшись за разболтанную ручку поцарапанной лакированной двери.

Но тут дверь открылась сама, и из кабинета в коридор вышла высокая полная дама.

— Вы к нам? — приветливо улыбнулась она Андрею. — По какому вопросу?

— Да я вот... — смутившись и даже немного покраснев, пробормотал он и показал бумажку, на которой сделал запись. — Как бы мне... — Андрей заглянул в листок, — найти абонента номер сто шесть.

— А, вы по знакомству? — громко уточнила женщина.

Андрей смутился ещё сильнее, даже, показалось, вспотели ладошки.

— Ну да... — он переступил с ноги на ногу и сунул бумажку в карман.

— Секундочку... — женщина снова скрылась за дверью, но буквально через пять секунд вернулась. — Вот, держите бланк. Заполните и отдайте во-он той девушке, — она показала рукой вглубь кабинета. — Вот тут укажите номер интересующего вас абонента, — она ткнула пальцем в серую

бумажку, — номер газеты, в которой было объявление, а вот тут ваши данные: телефон, если есть, имя, возраст, образование, ну и так далее...

— А ручка? — глянул на неё Андрей. — У меня ручки нет.

— Ручка? Сейчас... — снова зайдя в кабинет, женщина вынесла ему авторучку. — Той же девушке потом отдадите, — и она пошла прочь по коридору.

— Хорошо, спасибо, — пробормотал Андрей и отошел к окну.

Заполнив бланк на подоконнике, он отдал его в кабинет и вышел на улицу. Настроение у него после визита в редакцию почему-то испортилось. «Да ну, ерунда какая-то, знакомства эти газетные... Точно, дурака свалял! Может, вернуться и забрать? — думал он, шагая обратно на работу. Но потом махнул рукой. — Да ладно! Будь, что будет! Всё равно, поди, никто не позвонит».

А на следующий день у него и вовсе вся эта история с объявлениями вылетела из головы. И когда мать в четверг вечером заглянула к нему в комнату, сказав: «Андрюша, тебя какая-то дама к телефону просит», он удивился. Сначала подумал — Ирина, но тогда мать так бы и сказала, невестку она знавала по голосу.

Выйдя в коридор, он взял трубку:

— Алло.

— Здравствуйте, — послышался тонкий голосок. — Это Андрей?

— Да, Андрей. Здравствуйте...

Последовала короткая пауза.

— Это Нина, — представилась звонившая и тут же пояснила: — Хотя, вам моё имя, конечно, ни о чем не говорит. Я... помните, вы в газете оставляли свои данные и телефон? Ну... по объявлению. Абонент сто шесть... — голос девушки был тихим и неуверенным.

До Андрея дошло.

— А-а... — растерянно протянул он, — понятно. Я просто... если честно, то не ожидал.

Он вновь почувствовал смущение, как тогда в издательстве, даже сердце заколотилось быстрее.

— Да? А я вот сегодня после работы зашла в газету, и мне там ваш телефон передали, — продолжала Нина. — Я и подумала, может, мы тогда встретимся с вами? — и поспешно добавила: — Если вы не передумали, конечно...

— Да нет, — Андрей растерянно пожал плечами и привалился плечом к дверному косяку, — не передумал. Давайте встретимся. А где и когда?

— Вот смотрите... — девушка заговорила быстрее, словно заторопилась. — Завтра пятница, я весь день на работе буду, а в субботу я свободна. Мы могли бы встретиться часов в одиннадцать.

— Утра? — уточнил Андрей.

— Ну... да...

— Да нет, это рано. Давайте хотя бы часа в два.

— Хорошо, — быстро согласилась Нина, — давайте в два, если вам так удобнее. Андрей, а вы в каком районе живете?

Он сказал.

— Вот здорово! — обрадовалась девушка. — Оказывается, я живу совсем недалеко от вас. Ой, секундочку... — она вдруг замолчала, в трубке стало тихо.

Андрей стоял и ждал. Через несколько секунд Нина появилась снова:

— Андрей, вы извините, я из автомата звоню, тут уже торопят меня. Андрей, а вы не против, если мы встретимся здесь же, откуда я сейчас вам звоню. Тут телефон-автомат на углу продовольственного магазина, «Колос» называется, вы, наверное, знаете такой... Он тут один. Синий... Я имею в виду автомат...

— Да, да, я знаю где «Колос».

— Андрей, тогда мы договорились? В субботу в два у автомата на углу «Колоса», — скороговоркой подытожила девушка.

— Договорились.

— До свидания, Андрей, я буду вас ждать.

Он положил трубку. Из кухни выглянула заляпанная мукой мать в фартуке.

— Это кто? — с интересом посмотрела она на сына.

— Да так... Не бери в голову, — поморщился тот.

— Знакомая, что ли? — не отставала мать.

— Ой, мам... Никакая не знакомая, так просто... — Андрей махнул рукой и, развернувшись, ушел к себе в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

Звонок почему-то вывел Андрея из душевного равновесия. Если честно, то он не верил до конца в возможность такого вот знакомства — через газету, и хоть и сходил в редакцию, но относился к этому как к некой игре, забаве. Но сейчас всё приобрело вполне себе реальные черты.

Он пытался отбросить ненужное волнение, убеждал себя, что ничего особенного в предстоящем свидании нет, однако совсем не думать о нем не получалось. Очень уж непривычно всё было.

«А может, не ходить?» — спрашивал себя Андрей. Но мысль о том, что некая, пусть совсем и незнакомая, девушка будет ждать его в условленном месте, а он, пообещав, не придет, была ему неприятна. «Получится, будто я струсил. Да и вообще — нехорошо как-то, некрасиво будет. Ладно, схожу. Не понравится, так что-нибудь придумаю и смотаюсь по-быстрому, а если нормальная окажется, то можно будет и погулять с ней. Всё равно делать нечего», — с этими мыслями он более-менее и успокоился.

В субботу, собираясь на встречу, Андрей на всякий случай решил одеться получше: погладил широкие светло-бежевые брюки, яркую цветастую рубашку с короткими рукавами, протер влажной тряпочкой кожаные туфли. Пшикнув пару раз одеколоном на голову, на шею, он вышел из дома.

Погода была хорошая. В небе проплывали редкие облака, легкий ветерок сдувал излишнюю жару и приятно освежал голову. «Сегодня можно было бы и на речку сходить, покупаться, — подумал Андрей, глядя на небо. — Может, Ромычу потом позвонить? Если дома будет, так его уболтать за компанию».

К телефону-автомату у магазина «Колос» он подходил не спеша, стараясь издали угадать Нину. Хотя угадывать было особо не из кого. Прямо у автомата стояла женщина возрастом явно старше двадцати четырех лет, к тому же она ожидала своей очереди позвонить, с недовольством поглядывая на занятую телефонную будку. В стороне, метрах в десяти от

телефона, худенькая девушка, одетая в какое-то нелепое длинное платье в мелкий цветочек, разговаривала с помятым пожилым мужиком бомжеватого вида. Больше никого поблизости не было.

«Опаздывает, что ли?» — посмотрел на часы Андрей. Подойдя к телефонной будке, он остановился.

— За мной будете, — сердито глянула на него женщина, ждавшая своей очереди.

— Да нет, я не звонить, — отрицательно мотнул головой Андрей и отступил в сторону.

Достав сигареты, он закурил.

— Извините, вы не Андрей? — раздался вдруг сзади женский голос.

Он обернулся. Спрашивала та самая девушка в нелепом цветастом платье.

— Да, Андрей.

— Здравствуйте, — улыбнулась девушка, — а я Нина.

Он выпусти струю дыма в сторону и кивнул:

— Очень приятно.

Девушка ему сразу не понравилась. Она была некрасива. Довольно широкие скулы и небольшой, острый подбородок делали лицо треугольным, а тонкий нос с горбинкой напоминал клюв какой-то большой птицы. Светлые рыжеватые волосы были собраны на затылке в тугую косу, доходившую почти до пояса. Веснушки, заметные на лице, были ещё сильнее видны на тонких белых руках. Длинное темно-синее платье в мелкий желтый цветочек сидело на девушке мешковато, а в неглубоком вырезе виднелись выступающие ключицы.

— Ну что? — тихо спросила Нина, нерешительно переступив с ноги на ногу и глядя на Андрея. — Что мы будем делать?

Впрочем, голос у неё был приятный. Не звонкий, но мелодичный, мягкий. Такие голоса успокаивают, навевают что-то доброе и домашнее. И ещё у Нины были большие насыщенно-синего цвета глаза, но лицо от этого красивее почему-то не казалось.

Андрей затаился, снова выпустил дым в сторону и неопределенно пожал плечами.

— Не знаю... — он старался смотреть вниз, по сторонам, лишь мельком бросая взгляды на девушку. — Можно прогуляться немного, до парка дойти.

— Хорошо, — быстро согласилась Нина, — давайте до парка. Только, знаете что...

— Что?

— Андрей, вы извините меня, пожалуйста, но, если честно, я не была до конца уверена, придете ли вы... Понимаете, мне надо бабушку сначала предупредить.

— Бабушку? — удивился он.

— Да. Я живу с бабушкой и сказала ей сейчас, что пошла ненадолго в магазин. Это здесь, совсем рядом, — Нина показала рукой в сторону. — Мне буквально на минуту заскочить и всё. Сказать, чтоб она меня не теряла, чтоб не волновалась. А вы бы меня у подъезда обождали.

— Ладно, — Андрей подошел к урне и выбросил окуроч, — пойдёмте.

Они пошли во дворы. «А может, сейчас и смотаться как раз? — Андрей искоса глянул на Нину. — Пока она ходить будет? Точно! И придумывать ничего не надо будет. Всё равно же не знает где я живу, а если и позвонит потом, так отбрешусь».

Подошли к дому.

— Андрей, я быстро, — Нина виновато улыбнулась и быстрым шагом направилась к подъезду. Потом вдруг остановилась и посмотрела на него. — Вы же меня дождетесь, не уйдете? Я буквально на минуту.

Андрей замялся. У него было ощущение, что она прочитала его мысли. Кашлянув, он коротко кивнул:

— Конечно, дождусь.

Нина снова улыбнулась и, повернувшись, побежала в подъезд. Андрей сел на лавочку: «Ёлки-палки... Вот точно — черт меня дернул связаться с объявлением этим. Ходи сейчас, гуляй с ней».

Девушка, как и обещала, вернулась быстро. На этот раз с ней была ещё женская сумочка, похожая на огромный кошелек.

— Я всё! — энергично кивнула она Андрею.

— Угу... — Он поднялся с лавки, сунул руки в карманы, и они двинулись в сторону парка.

Андрей шел чуть впереди, Нина на полкорпуса сзади. Он искоса поглядывал по сторонам, думая о том, как бы ни встретить кого-нибудь из знакомых. Глянул быстро сколько время: было двадцать минут третьего. Подумал: «Ладно, до трех похожу с ней, а потом что-нибудь придумаю».

— Вам куда-то надо, Андрей? Вы торопитесь? — поинтересовалась Нина, заметив, как он посмотрел на часы.

— Да не особо, — уклончиво ответил он. — Так, обещал одному знакомому...

— А-а...

Опять замолчали.

— Андрей, а где вы работаете? — через какое-то время поинтересовалась Нина.

— А? Где работаю? — переспросил он. — Телемастером в службе быта. Телевизоры ремонтирую, магнитофоны всякие, приемники...

— Да? Вот здорово! А я вообще в этом ни бум-бум, — смущенно улыбнулась девушка. — Всегда удивлялась, как это люди разбираются во всех этих схемах. Транзисторы, конденсаторы, лампы какие-то... Тёмный лес, по-моему.

— Да нет, ничего особенного. А вы чем занимаетесь? — спросил он больше из вежливости.

— Я медсестра. В нашей районной поликлинике работаю, в детской, на участке.

— Как это — на участке? — не понял Андрей.

— Ну... понимаете, район же ещё на несколько участков поделен. У каждого участка есть свой врач — участковый, — она глянула на него.

— А-а, понятно, — кивнул он.

— Ну вот, а я получаюсь участковая медсестра при таком враче.

Шедшая навстречу им женщина вдруг улыбнулась и поздоровалась с Ниной.

— Добрый день, — радостно улыбнулась та в ответ.

— Кто это? — нахмурившись, поинтересовался Андрей. Ему не хотелось, чтоб их видели вместе какие-нибудь знакомые, или, того хуже, родственники.

— А это как раз мамочка одна с нашего участка.

— И что, вас, прямо, в лицо узнают?

— Конечно, — пожалала плечиком девушка. — Некоторые часто у нас бывают. Запоминают. И я многих помню.

— А там кто был? У автомата? — вспомнил Андрей про бомжеватого мужика, с которым разговаривала Нина.

— Где?

— Ну, когда я подошел к телефонной будке, вы с кем-то разговаривали.

— А-а... Это незнакомый. Я просто пришла заранее, на всякий случай. Стояла, ждала вас — думала, вдруг, раньше подойдете. А мужчина тот подошел и попросил денег. Я спросила, зачем ему, а он говорит, на еду не хватает. Но я-то вижу, что он выпить хочет. Ну и я сказала ему, мол, давайте я вам сама поесть куплю. А он смеется, говорит, нет, денег лучше дай, — Нина как-то печально улыбнулась. — А я не дала.

— А еду купили бы?

Она снова пожалала плечами:

— Почему нет? Может, человеку и вправду есть нечего. Всякое в жизни бывает.

Он иронически усмехнулся и искоса глянул на неё. Достав из нагрудного кармана сигареты, закурил. Какое-то время снова шли молча.

Наконец, дошли до парка. «Что-то я не рассчитал, надо было, наверное, дома пообедать, — подумал Андрей, почувствовав голод. — Или, может, тут в кафешку зайти перекусить... И время быстрее пройдет, и ходить не надо будет...»

— Вы есть не хотите? — спросил он свою спутницу.

— Нет-нет, — поспешила отказать та, — я не голодна.

— А я вот что-то проголодался. Может, зайдём в кафе, перекусим?

— Как хотите, Андрей. А тут есть кафе?

— Конечно... А вы что, не знаете?

— Нет. Я, если честно, не очень хорошо ориентируюсь в городе.

— Вы не местная, что ли?

— Вообще — нет, хотя я уже семь лет тут живу.

— И что, за семь лет так и не узнали, что в парке есть кафе? Вон там, в самом углу, — Андрей повел головой в сторону. — «Фрегат» называется.

— Так, я по кафе не хожу, — развела руками Нина. — Некогда, да и не с кем.

Они пошли по крайней аллее в дальний угол парка, где находилось кафе. Андрей молчал, Нина слегка помахивала своей сумочкой.

— Андрей, а вам ваша работа нравится? — посмотрела она на него.

Он равнодушно пожал плечами:

— Работа как работа, ничего особенного, — и снова замолчал.

— Мгм... Андрей, извините, а можно спросить ещё?

— О чем? Спрашивайте...

— У вас вот кольцо обручальное... Вы, разве, женаты?

Андрей стушевался и немного покраснел.

— Да нет... это... — он стащил кольцо с пальца и сунул его в карман брюк. — Не снял ещё, просто. Я был женат, но сейчас уже нет. У родителей живу.

— Понятно, — кивнула Нина. Чуть помолчав, добавила: — А я с бабушкой живу. Я приехала сюда сразу после школы. А сама вообще деревенская. Папа у меня давно умер, когда я ещё маленькая была, а мама... Мама три года назад умерла. Я уже здесь жила. Теперь мы с бабушкой вдвоем остались.

Андрей глянул на неё и, сделав сочувственную мину, кивнул.

— А приехала, чтоб на врача учиться, — продолжала Нина, — но в мединститут не прошла по конкурсу, а вот в училище приняли. Можно было, конечно, после училища снова в институт пойти, но я передумала. Решила так медсестрой и работать. Мне нравится. Хотя врач, с которой я работаю, говорит: иди, учись. А я вот не знаю. Может, и пойду потом. Попозже... Через годик-два. Опыта наберусь побольше.

Андрей снова посмотрел на часы, на этот раз украдкой. Стрелки показывали без двадцати три.

Посетителей в парке было немного. В основном прогуливались пожилые люди, на детской площадке играли

дети, рядом на лавочках сидели их родители. Между тополями и липами в траве ярко желтели одуванчики.

— Андрей, вы, наверное, уже жалуете, уже встретились со мной? — вдруг тихо спросила Нина, опустив глаза.

Он растерялся от такого вопроса:

— Почему вы так решили?

— Ну... вы, наверное, думали, кто-то другой придет.

— Да нет, почему...

Чтоб скрыть неловкость, он потянулся за сигаретами, хотя курить не хотелось.

Нина грустно улыбнулась:

— Вам вовсе не обязательно гулять со мной. Вы можете...

Но она не договорила. С детской площадки, мимо которой они как раз проходили, донесся громкий возглас.

— Вика! Что с тобой?! Вика! — говорила, почти кричала, озабоченно нахмурив брови и держа за руку маленькую девочку, женщина лет тридцати.

Девочке на вид было лет пять-шесть. Лицо её исказила плаксивая гримаса, оно было покрыто красными пятнами, а щеки и веки выглядели припухшими. При этом девочка молчала и тяжело дышала, широко раскрыв глаза, в которых стояли слезы. Правой рукой она держалась за левое плечико, а возле её ног валялся сплетенный наполовину веночек из одуванчиков.

— Что-то случилось, — Нина замедлила шаг и с беспокойством посмотрела в ту сторону.

— Да ладно, — Андрей, не останавливаясь, шел дальше, — сами разберутся.

— Андрей, подождите, пожалуйста, я сейчас... — не обратив внимания на его слова, Нина свернула с аллеи и быстро пошла в сторону большой песочницы, возле которой и находились девочка с женщиной.

Он остановился и сунул сигареты обратно в карман.

— Что произошло? — спросила Нина у женщины.

Та мельком глянула на неё, но не ответила.

— Вика, что с тобой? — взяв девочку за плечи, она слегка тряхнула дочь.

— Что произошло?! — более громко и настойчиво повторила свой вопрос Нина. — Я врач, в чем дело?

Мать девочки растерянно пожала плечами:

— Я не знаю, она закричала, а потом вот... — повернувшись к дочери, она снова тряхнула её. — Вика, почему ты молчишь? У тебя что-то болит? Ты слышишь меня?

Нина тоже присела возле девочки.

— Не трясите её! — громко и четко произнесла она. Потом ласково, но твердо сказала девочке: — Тихо, не бойся. Давай ручку уберем.

Плечо под ладошкой было опухшим. На нем отчетливо виднелось красное пятно.

— Скажите, её пчелы когда-нибудь кусали? — посмотрела Нина на мать девочки.

— Пчелы? — удивленно переспросила та. — Вы думаете...

— Кусали или нет?! — резко перебила её Нина.

— Да, — проговорила мать, — месяц назад, примерно, на даче...

— Один раз и всё?

— Кажется, да...

— Она что-то ела сейчас?

— Нет, мы дома поели. Давно уже.

— Понятно, — тихо сказала Нина, осматривая девочкино плечо.

— Что понятно? — испуганно спросила мать. — Что с ней?!

— Похоже, что анафилактический шок, аллергическая реакция, — Нина аккуратно обняла девочку и взяла её на руки. — Не бойся, всё будет хорошо. Её надо положить, — она быстро глянула по сторонам.

Рядом стали собираться люди.

— Может, «скорую» надо? — спросила мать девочки.

— «Скорую» надо, но, боюсь, она может не успеть, — Нина подошла к ближайшей скамейке и положила на неё девочку. Потом повернулась к матери, сказала решительным тоном: — Садитесь рядом, приподнимите ей ноги, чтоб были выше головы. Разговаривайте с ней. Дайте мне ваш платок или что там у вас!

Женщина без вопросов сняла с шеи тонкий шифоновый шарфик и протянула Нине. Взяв шарф, та быстро перетянула им плечо девочки повыше покраснения.

Андрей всё это время стоял на прежнем месте и наблюдал за происходящим.

Нина выпрямилась и обвела взглядом стоявших поблизости людей.

— Есть кто-нибудь на машине?! — громко спросила она. Глаза её смотрели требовательно и твердо. — Есть кто-нибудь тут на машине?! — повторила она вопрос ещё громче.

Вперед вышел мужчина лет пятидесяти:

— Я на машине. Я здесь с внучкой...

— Машина далеко? — не дав ему договорить, уточнила Нина.

— Нет, вот... — мужчина показал рукой в сторону. — Тут стоянка.

— Сюда подъехать сможете?

Тот как-то неопределенно повел плечами:

— Не знаю...

— Мужчина, быстрее! — буквально закричала Нина. — Вопрос серьезный, девочку спасти надо, «скорая» может не успеть!

— Смогу! — как-то сразу оживился мужчина.

— Быстро! Машину сюда! Вашу внучку возьмем с собой!

Молча кивнув, мужчина быстро убежал.

Между тем, было похоже, что девочке становилось хуже: опухоль на лице усилилась, всё лицо и шея стали красными. Открыв рот, девочка, с хриплым присвистом хватала воздух. На лбу у неё выступила испарина.

— Викусечка, Викусечка, — беспрестанно причитала её мать, — ну ты что, маленькая моя? Ну потерпи, моя хорошая. Господи, да что же это...

После того как мужчина убежал за машиной, Нина встала около девочки прямо на колени и снова стала осматривать её плечо.

— Вот жало, — наконец сказала она, ухватываясь за что-то пальцами. Погладила неподвижно лежащей девочке голову. — Ничего-ничего... Потерпи немножко. Сейчас в больницу поедем, тут рядом, — потом серьезно посмотрела на

мать. — Давайте повернем её на правый бок, следите за дыханием, и чтоб рот был открыт. Да, кстати, — она глянула на людей, — водки, случайно, ни у кого нет?

Все промолчали.

— А зачем вам водка? — удивилась мать.

Нина не ответила, только, поморщившись, мотнула головой. Посмотрела на тяжело дышащую девочку.

— Как бы интубировать не пришлось, вот только чем? — тихонько пробормотала она и посмотрела по сторонам.

— Может, всё-таки, «скорую» лучше вызвать? — опять спросил кто-то из собравшихся около лавочки людей.

— «Скорая» долго будет. Пока телефон найдем, откуда позвонить, пока им объяснишь, где это, да пока они приедут... — возразила Нина. — Минут двадцать пройдет, не меньше. А тут больница в двух кварталах, три минуты ехать...

Не успела она договорить, как послышался рев мотора, и из-за кустов на дорожку резко вырулил «Жигуленок». Нина подхватила девочку на руки.

— Дверь! — громко крикнула она.

Кто-то из стоявших поблизости подскочил к машине и распахнул заднюю дверь. Мать девочки кинулась следом, садясь на заднее сиденье с другой стороны. Водитель крикнул свою внучку, которая тут же заскочила на сиденье рядом с ним.

Садясь в машину, Нина на мгновение остановилась. Глянула по сторонам, увидела молча стоявшего Андрея.

— Андрей, вы извините меня, пожалуйста, но мне надо ехать. Спасибо вам... — она виновато улыбнулась и кивнула ему.

«Жигуленок» сорвался с места и исчез за поворотом на соседней аллее. Вокруг сразу сделалось тихо. Собравшиеся стали расходиться, обсуждая произошедшее.

Андрей опять посмотрел на часы: на всё про всё ушло минут пять, не больше. Потоптавшись на месте, он опять достал сигареты, закурил и побрел к выходу из парка.

Пришел он домой в непонятных растерянных чувствах. Идти купаться передумал и, пообедав, ушел к себе в комнату, где лег на кровать с книжкой. Но чтение не получалось.

Отложив книгу, Андрей закрыл глаза. Событие в парке не шло у него из головы, не шла из головы и Нина.

Сейчас ему казалось, что в тот момент она вовсе не походила на ту девушку, которую он за каких-то полчаса до этого встретил у телефона-автомата. Некрасивое лицо, худенькая, совсем не женская, фигура, мешковатое платье, — всё это ушло куда-то на второй план, стало совсем не главным.

«Надо будет, наверное, позвонить ей попозже, — подумалось вдруг, — спросить, чем там всё закончилось. Стоп! А куда звонить-то? Я ведь не знаю её телефона, она же сама мне звонила». Он даже почувствовал беспокойство от этой мысли. Да, он знает дом, где она живет, знает подъезд, однако не знает квартиры.

Андрей попробовал, было, отговорить себя от этой затеи: «Да зачем тебе всё это? Сам же хотел отвязаться от неё побыстрее, вот и получилось, как хотел. Даже придумывать ничего не пришлось». Но снова перед глазами всплыла сцена у песочницы: плачущая мать девочки, сама девочка — в красных пятнах, опухшая, беспомощно открывавшая рот... И ему стало как-то не по себе. А вдруг бы она взяла, да и умерла там, на той лавочке? Умерла... Что бы тогда было? Ведь это страшно... Но, что интересно, в парке он этого даже не осознавал, смотрел на всё со стороны как зритель в театре. Ему стало даже как-то неловко за себя.

И там же — Нина: уверенная, собранная, её решительные фразы, жесты... А как сразу изменились её взгляд, голос, какой вдруг от неё повеяло силой. Внутренней силой. И как все слушали её: мать девочки, тот мужик с машиной, как кинулся кто-то открывать ей дверь... И Андрей вдруг понял, что в тот момент Нина была... красивая. Да, да — красивая!..

И, вспоминая сейчас всё произошедшее, он в какой-то момент вдруг отчетливо осознал, что на самом-то деле любовался ею там. Стоял, безучастно смотрел на всё со стороны, но, что касается Нины, то именно любовался... Он так удивился своему своему открытию, что даже сел на кровати. Потом резко встал и пошел в зал, где мать с отцом смотрели какое-то кино.

— Мам, слушай, а где у нас детская поликлиника находится? Нашего района.

Мать повернула голову от телевизора и с удивлением посмотрела на сына:

— Детская поликлиника? Зачем тебе?

— Ну... надо...

— Ты что, не помнишь, куда столько лет ходил?

— А-а, точно... — нахмурил он брови.

— А что ты там забыл? Заболел, что ли? Так ты, вроде, вышел из того возраста.

— Да нет, не заболел... — задумчиво ответил Андрей. — Просто, одного человека найти надо, — и подумал: «Обязательно надо...»

СОДЕРЖАНИЕ

И. Куралов. Не входящий во множество 1

ПОВЕСТЬ

Прости, Катька... 5

РАССКАЗЫ

Ливень	63
Стыдно	69
Беличий хвостик	81
Конфуз	87
Море волнуется раз	92
Рыболовы	107
Курить — здоровью вредить	118
Вожжи	127
Букетик одуванчиков	144
Воспитательные меры	148
Братья	160
Гитарист	173
Бумажки с цифрами	185
И так проживём	205
Всё нормально...	219
Гриша-слепой	230
Друг, называется...	237
Пожар	253
Знакомство по объявлению	258

**Алексей Николаевич
ПОСЕЛЕНОВ**

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ
повесть и рассказы

Вёрстка и оформление автора

Подписано в печать 16.09.2022.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 200 экз. Заказ № 112378.

Отпечатано в типографии «Onebook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, «Технополис Москва».
e-mail: info@onebook.ru
www.onebook.ru